

Лица Боспора

литературный альманах
выпуск XVI

Симферополь
2015

ББК 84.2 (Крым-рус.)
Л 62

Л 62 **Ли́ра Боспора. Выпуск XVI.** Изд-во: ТПО «Вариант»,
ОО «СГТ», 2015 г. – 476 с.

ISBN

Редактор Вдовенко А. Н.
Составитель Левченко Т. В.
Компьютерный набор Левченко Т. В.
сайт: http://www.litprichal.ru/users/LIRA_BOSPORA/
Email: lira_bospora@mail.ru

Поздравляем читателей и авторов с выходом в свет XVI выпуска литературного альманаха «Ли́ра Боспора». Нынешний выпуск открывается рубрикой «2015 – Год литературы в России» – произведения керченских поэтов на тему литературного труда, а также статья Л. В. Храмковой о судьбе полиграфической книги в компьютеризованном мире

Читатель встретит в издании ставшие традиционными рубрики: «Поэзия», «Проза», «Многогранники», «Краеведение», «Юмор и пародии»... А вот раздел «Скрепки духовные» – это новость в нашем альманахе, вполне отвечающая востребованности произведений духовной направленности в современной читательской среде. В гостевом разделе представлены авторы из Москвы и Братска, Санкт-Петербурга и Краматорска. Большинство авторов остаётся верными классическим литературным традициям.

В XVI выпуске альманаха участвуют как уже известные нам молодые авторы, так и новые имена – знакомьтесь! И оставайтесь всегда с «Ли́рой Боспора».

Альманах издаётся на средства авторов.

ISBN

2015 – Год литературы в России

Людмила

Храмкова

*Член Союза писателей России
Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Керченского экономико-гуманитарного института Таврического Национального Университета им. В.И. Вернадского*

ЦЕННОСТЬ ЗАПЕЧАТЛЁННОГО СЛОВА (грядущая судьба бумажной печатной книги)

Когда-то, во времена не в столь отдалённые, каждая книга была сокровищем... За фолиант платили золотом по весу книги...

Русское дворянство, в какой бы глубинке ни жила семья, считало своим долгом постоянно выписывать книги из столицы. В каждом доме была своя солидная библиотека. Дети в русских дворянских семьях с самого раннего детства воспитывались на книгах. Книга была другом, каждый ребенок помнил свою первую книжку и запоминал её на всю жизнь. Помнил, как она выглядела, помнил запах типографской краски, цвета её рисунков. Навсегда запоминалось ощущение прикосновения пальцев к её волшебным листочкам, память сохраняла шелест её страниц, в память вреза-

лись все образы и чувства, которые сопровождали чтение, даже улыбки от впечатления прочитанного запоминались. Так у ребенка формировалось и воспитывалось образное восприятие мира — верное восприятие. Древний русский алфавит и был рассчитан именно на формирование у человека такого образного восприятия окружающей действительности. Таким и был наш алфавит, пока его не препарировали неоднократно «лукавые мастера», искоренив его истинный смысл и благую цель. Об этом серьёзно и вдумчиво говорит Сергей Стрижак в серии своих фильмов «Игры Богов», которые полезно было бы изучить каждому, чтобы понять, кем и с какой целью это делалось.

Но вернёмся к добрым временам умной и мудрой русской книги. С возрастом у человека появлялись книги любимые — свои, без которых он жизни не мыслил. Пушкин, Лермонтов, Блок, Достоевский, Толстой, Чехов, Бунин, Булгаков — эти книги сопровождали потом всю жизнь, к ним человек возвращался в течение жизни не раз, и каждый раз с новым чувством восторга и благодарности, открывая для себя ранее незамеченные истины, для которых раньше просто не был готов.

Совсем недавно, каких-то пару десятков лет, русские были самой читающей нацией в мире. Читали все — молодежь, люди среднего возраста, пожилые, старики. Выхода очередной книги ждали с нетерпением, у книжных магазинов выстраивались длинные очереди — вдруг не достанется. Читали взахлёб — за ночь, передавая редкую книгу из рук в руки, по списку, с этажа на этаж студенческих общежитий. А потом целыми ночами напролёт обсуждали прочитанное, не праздно спорили, пытаясь сообща докопаться

до истины. Получая мизерные стипендии и скудные зарплаты, на книгах не экономили никогда. В любом самом скромном семейном бюджете, деньги на книги находились у всех — это была особая неприкосновенная статья бюджета. У каждого уважающего себя человека была своя библиотека, которую он собирал всю жизнь, читал, перечитывал, гордился ею, с удовольствием давал книги друзьям.

Книги в то время были, в большинстве своём, хорошие, добротные и по форме и по содержанию. И человек, приобщаясь к книгам с детства, вырабатывал правильный здоровый вкус к чтению, уважительное отношение к самой книге и к её автору, который по детским впечатлениям был маг, волшебник с чудесным пером в руках, позже — добрый самаритянин, мудрец, пророк, провидец.

Добротная книга формировала добротный литературный вкус, как классическая музыка вкус музыкальный. Человек, воспитанный на классической музыке, обладающий правильным музыкальным вкусом, просто не сможет никогда слушать другую, тем более ту, которая сейчас именуется современной попсой или металлическим роком. Для него это музыка хаоса, которую просто не воспринимает ни ухо, ни его душа. Так и с книгами — воспитанный на классической литературе человек не станет тратить время на чтение современной бульварной литературы, чей бесцеремонный язык режет его правильно и профессионально настроенный литературный слух. Такой человек вне вкусов времени продолжает читать **свои** книги — умные, мудрые, глубокие, книги для ума и души. И читать их он предпочитает, держа книгу в руках, не топясь, вдумчиво, наслаждаясь словом, размышляя и

полемизируя с автором, часто с карандашом и блокнотиком в руках, где делает записи по ходу чтения. Так его научили когда-то. Правильно научили.

Времена стремительно изменились. Современный рынок диктует свои условия. Тиражи хороших книг на рынке стремительно упали. Тиражи же «лёгкого читива», «бульварной литературы» напротив баснословно выросли и продолжают расти. Элитарные издания, если и печатаются, то стоят для среднего читателя баснословно дорого. Советская система образования, признанная и до недавнего времени считавшаяся лучшей в мире, бездумно разрушается в угоду насаждаемой западной — чуждой нам и по форме, и по содержанию. Литературная классика изучается в школах по остаточному принципу — по сокращаемой ежегодно программе по литературе и языку. А в постсоветских странах — Украине, Белоруссии, Литве, Латвии и других русская классика практически вообще не изучается. И читательские вкусы, понятно, меняются. И, понятно, меняются не в лучшую сторону. Более того, современная молодежь в последнее время вообще стала очень мало читать. Факт сам по себе потрясающий. А если и читает, то не книгу, а что-нибудь с экрана дисплея, случайно подвернувшееся в интернете.

Лет 20 – 30 назад ещё никто и не мог предположить, что спустя пару-тройку десятков лет наступит время, грозящее исчезновением бумажных книг, наступит эпоха индивидуальных портативных электронных устройств, в том числе и предназначенных для чтения. А вот дожили...

Сегодня весь книжный фонд самой большой российской библиотеки им. Ленина (около 50 млн. книг)

в оцифрованной компьютерной форме может уместиться в одной обувной коробке. А современные возможности Интернета позволяют обойтись и вовсе без обувных коробок: просто наберите название нужной книги в поисковой строке ПК и через пять секунд она у вас на экране, читайте, сколько угодно. Надоела — нажал кнопку и выключил. Правда, в этом случае редко кто отвечает за достоверность текстов предлагаемых книг, за соблюдение авторских прав. Есть плачевные факты — один и тот же текст в интернете встречается под разными авторскими фамилиями. И никто не несёт ответственности за это. Это уже проблемы действительного автора, который должен доказывать, что настоящий автор — он. Но дело не в этом — это частные случаи. Дело в том, что с появлением электронных книг дни бумажной книги действительно могут быть сочтены. Почитатели старой доброй книги, любители типографского запаха и живого шелеста страниц не случайно пребывают в состоянии тихого ужаса.

Мнений много, мнения разные:

— «Вот отключат электричество, и мы все вспомним ещё о доброй старой бумажной книге»;

— «Если отключат электричество, о старой доброй бумажной книге мы вспомним единственно для того, чтобы отапливать ею помещения».

Ненавидистники новейших технологий, несмотря на удобства компьютерных возможностей, уверены:

— «Это вредно, это опасно для зрения»;

— «Это опасно для психики, это превращает человека в придаток бездушной техники»...

«Технари» напротив уверены в том, что наступило время рождения новой культуры чтения. Они

продолжают настаивать, что никакого вреда, кроме удобства, компьютерные возможности чтения не могут принести. Хотя сам по себе компьютерный дисплей и мобильные телефоны не предназначены для чтения, но ведь существуют, уверены технари, специально предназначенные для чтения электронные устройства, так называемые «электронные чернила» — e-ink, специально разработанные услужливыми иностранными фирмами, основная забота которых, как известно, прибыль. Такие устройства для глаз, якобы, обеспечивают минимальную нагрузку на глаза при чтении. Но в то же время делают любую информацию (в форме компьютерного файла) максимально доступной для восприятия, а каждый читатель в считанные секунды находит нужную книгу.

«Технари» уверены, что цифровая форма книги в самое ближайшее время должна полностью вытеснить бумажно-полиграфическую — как более экономная, простая, быстрая в производстве и максимально доступная для широкого круга читателей. Не случайно в интернете неуклонно растет торговля книгами в виде компьютерных файлов. Чтение, якобы, становится более дешёвым и удобным. Десятки книжных шкафов сейчас удобно умещаются в жилетном кармане, уезжая в отпуск, можно прихватить с собой несколько библиотечных залов — читай на здоровье... Важно только, уверяют «технари», не забывать о «гигиене чтения» — следует только «купить специальный гаджет вдобавок к уже купленному универсальному айфону или мегауниверсальному ай-педу» и вы защищены...

Более того, появились еще более удобные книги — «книги для ушей» — аудиокниги. И потребление

их тоже неуклонно растет. Слушать книгу можно находясь в автомобильной пробке, делая уборку квартиры, занимаясь приготовлением обеда, просто шагая по улице.

И всё же, всё ли так гладко в новом пространстве компьютерных возможностей для чтения книг? Не слишком ли много остаётся «клякс» от таких удобных «электронных чернил»?

Несомненно, количество получаемой современным человеком информации увеличилось в десятки, а то и в сотни раз. Многие из-за этой перегрузки предпочитают информацию в сжатом виде, когда текст строится на небольших тезисных блоках, которые быстро и легко воспринимаются. Но ведь настоящую серьёзную книгу строить по такому принципу нельзя. Никакой «удобный формат» такой книги не должен и не может нарушать её целостного логического сюжетного пространства. Ведь только цельная книга способна приучить читателя серьезно концентрироваться на материале, анализировать его, работать с ним, делать свои умозаключения и выводы о прочитанном. Современные люди (особенно молодежь) не имеют навыков работы с большими и цельными блоками информации, какими являются книги. Либо быстро теряют эти навыки, утопая в «удобной» паутине интернета. Не из-за этого ли происходит падение их интереса к книгам вообще, а к серьезным книгам тем более?

А ведь именно такие книги влияют на сознание как отдельно человека, так и социума. И именно поэтому, что процесс получения информации из такой книги осознанный, творческий, включающий в себя

особую работу сердца, ума и души, внутреннего зрения и внутреннего слуха читающего. Читая книгу, человек в любое время может остановиться и включить свой «внутренний анализатор», сравнивая свои мысли, желания и поступки с мыслями, желаниями и поступками героев книги и автора. Эти герои и их поступки читателю запоминаются, над нами он размышляет, с ними сверяет свою жизнь, свои отношения в социуме.

Широко распространенная в наше время «бульварная литература», напротив, уводит читателя от таких размышлений, увлекая надуманными, захватывающими сюжетными трюками. Но такая литература и не дает ничего ни сердцу, ни уму — просто срабатывает как «жвачка» — пожевал, выплюнул и забыл.

Не менее опасны и получающие широкое распространение аудиокниги — слушать книгу с «чужого голоса», конечно не очень обременительно. Это, безусловно, меньший труд, чем читать живую книгу глазами. Но любой психолог подтвердит, что восприятие текста на слух существенно отличается от восприятия текста, прочитанного собственными глазами. Чтение глазами приводит к более глубокому и творческому усвоению материала, нежели восприятие текста ушами. Кроме того, перелистывание страниц кончиками пальцев дарит читателю ни с чем не сравнимое чувство тактильного контроля за потоком авторского сознания.

Распространён ныне в жизни школьников и ещё один соблазн — просмотреть экранизацию того или иного произведения вместо его прочтения. Посмотреть экранизацию, к примеру «Войны и мира», вместо того, чтобы прочитать великий роман Льва Толстого,

как отмечают педагоги, даёт негативный эффект, который наносит серьёзный ущерб учебному и воспитательному процессу. Бездумное созерцание «мелькающих картинок» на экране не даёт ни времени, ни возможности для «включения» человека в творческий процесс осмысления и осознания материала. И снова психологи настаивают на своих выводах: прослушавший или просмотревший с экрана необходимую программу чтения получает поверхностные знания, он пойдёт по жизни, так и не освоив настоящую культуру чтения глазами, требующую вдумчивой работы ума и души. Правда, таких людей, подменивших настоящих читателей, как правило, выдаёт низкая грамотность. Но приверженцы лёгких компьютерных возможностей, и тут не видят беды, напоминая о том, что в любом текстовом процессоре имеется автоматическая проверка грамотности. Нажал на нужную клавишу — и ты автоматически грамотен...

Тоже информация для серьёзных размышлений...

Надо признать, что общий уровень грамотности современников из года в год падает, достаточно посмотреть на переписку и общение молодежи в просторах интернета, чтобы не сомневаться в этом.

Каким же видится будущее доброй старой бумажной книги?

Специалисты утверждают, что несмотря на все плюсы и минусы, общая тенденция на книжных рынках сегодня смещается в сторону электронных носителей. Но всё же, они убеждены, что печатные книги останутся. Правда, предметом роскоши они, по их мнению, уже не будут.

И всё же, если и говорить о живой книге, следует признать, что современный рынок считает, что книга

— это тоже продукт моды и спроса. И издатели, следуя этим критериям, просто пытаются уловить тенденции спроса на книжном рынке. Поэтому всё большее распространение на этом рынке имеют «книги для развлечения» — боевики, детективы, агрессивное фэнтези, лёгкие любовные романы и прочая не очень качественная «жёлтая» художественная пресса. Поэтому и всё большее распространение получают «книги под заказ» из этого ряда, на которые ориентированы современные книгоиздатели в погоне за дешёвым сиюминутным успехом и прибылью. Но таким издателям лучше сразу забыть о своём «добром имени», а также не надо рассчитывать на память потомков.

И всё же, есть издатели, которые видят дальше — они не гонятся за дешёвой прибылью, в непростых условиях книжного рынка они всё же пытаются прививать своим читателям настоящий вкус к настоящей литературе и к серьёзным книгам.

И надо отдать должное их социальной ответственности перед обществом и будущими поколениями.

Лариса Алексеева

ПОЭЗИЯ

*Замечательному поэту
Керчи Валерию Левенко*

Прислушайтесь, всмотритесь в свою душу,
Ведь в ней горит, светла и горяча,
Гармонии божественной послушна
Поэзии волшебная свеча.

Вдруг свет её спокойный станет ярк,
Как солнца ждёт пылающий восток.
И ляжет на листок души подарок —
Поэзии пленительный восторг.

И мы парим в плену очарованья
Над миром бесконечной суеты,
А в сердце зарождается признание:
Поэт — великий мастер высоты.

Какая мощь, когда поэты вместе,
Какая сила духа и полёт!
Поэзия — основа каждой песни,
И пусть душа от радости поёт.

Пусть чаще нас уносит вдохновенье
В святую высь, в небесные края,
Талант в душе у всех без исключенья.
Да здравствует поэзия, друзья!

Светлана Бурова

ПУШКИН И НАПОЛЕОН

*Мы все глядим в Наполеоны...
...Мы почитаем всех нулями,
А единицами себя.
А. Пушкин «Евгений Онегин»*

Двуногих на планете миллионы,
Что на Олимпе карабкаются, но
Великий грех глядеть в Наполеоны
И всех нулями почитать — грешно.

Возможность выбрать есть у нас дорогу,
Ведущую наверх не по костям.
Стремитесь, люди, к Пушкину и к Богу.
Наполеон пусть катится к чертям.

ЛЮБОВЬ И РАЗЛУКА

*Была без радости любовь,
Разлука будет без печали
М. Лермонтов*

Коль узы брака в сотню раз
Сжимают туже, чем корсеты,
Необратим разлуки час.
Но на судьбу тогда не сетуй.
Езжай в Москву или Тамбов,
А может быть, куда и дале.
Была без радости любовь,
Разлука будет без печали.

ТУРГЕНЕВСКАЯ ЖЕНЩИНА

Тургенева она хоть не читала,
Но барышней тургеновской слыла,
Когда ж с годами веса набрала,
Тургеновскою барынею стала.

* * *

*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.
А. Блок*

Ночь, улица, фонарь, аптека
В тоскливо-тусклом освещенье,
Жизнь, безысходность человека
Слились в одно стихотворенье.
И может, век спустя, устало
Идя сквозь март или январь,
Вдруг вспомнит путник запоздалый
Ночь, ледяную рябь канала,
Аптеку, улицу, фонарь.

* * *

*В переулке каждая собака
Знает мою лёгкую походку
С. Есенин*

Слыл хулиганом и гулякой,
Но до сих пор любим народом
Тот, кто со встречною собакой
Делился щедро бутербродом,

За то, что в чувствах откровенен,
За их сердечность и размах.
Ты был, ты есть, Сергей Есенин!
Жива душа твоя в стихах.

АНФИСА *

Как фея в трауре, луна.
Шаман затеял ворожбу.
Анфиса в горнице одна,
Давно затворницей она
 Всё ждёт его, свою судьбу.
 Её возлюбленный герой,
 Купец-красавец молодой,
 Угрюм-рекою покорён.
Не едет и не пишет он.
А может, сбился он с пути?
Анфиса молит: возврати
Его скорее, Бог лесной,
 От искушений отврати
 И от лишений защиты.
 Он и отрада, и тиран
 Глуши завьюженной царицы.
О нём и слёзы на ресницах,
И слов чарующих дурман,
И дум ревнивый океан,
Что сердце ранит без меча.
 Пред нею тусклая свеча,
 Вином иль ядом манит чарка.
 То ль печь натоплена так жарко,
 То ль кровь безумно горяча.
Невольница тиши ночной,
Анфиса шепчет: «Сокол мой,
Жить без тебя нет больше сил».
Хранитель-ангел за спиной

* Героиня романа В. Шишкова «Угрюм-река»

Устало крылья опустил.
И кто же ведаёт, откуда
Любовь? Затменьё иль причуда?
Или горячка: боль и бред?
 Ей без него не мил весь свет –
 Он деньги любит, как Иуда.
 Под гнётом их недобрых чар
 Вернётся суженый, и жар
 В её крови навек потушит,
А чувства лучшие и душу
Свою он превратит в товар.
Событий предваряя связь,
Над головой его, искрясь,
 Взметнутся молнией проклятья.
 И, договор скрепив печатью,
 Свершит покупку Чёрный Князь.
 ... Не медлят стрелки на часах.
И вот уж та, что здесь царила,
Лежит недвижно в доме стылom
И скоро превратится в прах.
И будет Суд на небесах.

Алексей Вдовенко

О САДОВОДЕ И ПОЭТЕ

Благословен труд садовода:
Он твёрдо знает наперёд,
Что вечно матушка-природа
За труд и ласку воздаёт.

Совсем иным есть труд поэта —
Ему нельзя предугадать,
Какие чувства в бурях Света
Стихом он будет вызывать.

ЭПИГОНКАМ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Хорошо о страданиях кричать,
Постелив под собою перины.
Хорошо вам купаться в лучах
Незакатного солнца Марины.

Так легко, прикрепив два крыла,
Воскликать: Полетела на остров!
А понять — чем Марина жила?
Что любила? — Увы, так непросто!

Толковательницы вины,
Продавщицы слезливой сырости,
Вам ещё до её глубины
Век расти. Да так и не вырасти!

Много вас — и сейчас, и потом.
Иногда вы поёте так мило!
Но прошу: не торгуйте гвоздём,
На котором она согрешила.

* * *

Стихи приходят ниоткуда,
Да и уходят в никуда.
И все — хорошие, покуда
К читателю не бьют следа.

Пока лежат они в тетрадке —
Заботы с ними никакой:
Всё — чётко, выверено, гладко.
В душе — смиренье и покой.

Но лишь стихи явятся миру —
Поэта ждут позор, хула.
И кто-то скажет: «Выбрось лиру! —
Неверно звуки издала».
 Поэт, в тебе пусть цензор будет!
 Цени спокойствие других
 И не спеши тащить на люди
 Свой, даже самый лучший, стих.
Чтоб враг иль друг не ляпнул сдуру
Слова — катком да по судьбе!
Введи жестокую цензуру,
Всех прежде, к самому себе.

Владимир Володин

СТИХИ

Как в воде озёрной облака,
Как зари оттенки в облаках,
Так мечта, свободна и легка,
Ясно отражается в стихах.
 Стих с мечтой попробуй, раздели.
 Это — словно музыка и слух;
 Это — как вода и корабли;
 Как июнь и тополиный пух.
С лёгкого бумажного листа,
По ступеням лестницы словес,
Чья-то дерзко-смелая мечта
Мягко приглашает в мир чудес.
 Все мечты сбываются в стихах,
 А рутина тает, словно дым.
 Хочешь — рей, как птица в облаках.
 Хочешь — вновь люби и будь любим.

Там на космодроме корабли
Старта ждут. Задержка за тобой.
Рати к полю боя подошли.
Дай команду: «В бой!» или «Отбой!»
 Все мечты сбываются в стихах:
 Подвиги, свобода и грехи...
 Там тоскуют принцы в женихах,
 Феи след скрывают лопухи...
Парусом фантазий, не спеша,
Улови потоки красоты.
И поймешь: жива ещё душа.
А в душе довольно чистоты.
 И стихи рождаются в мечтах...

Фанна Дерий

* * *

Если ваше слово отзвучало,
То не значит, что оно мертво.
Здесь всего лишь для него начало,
В сферах тонких действие его.
Просто, вместо грубого звучанья,
Более высокое звучит.
Нет ни тишины, и нет молчанья —
С нами всё и всюду говорит.
Не роняйте слов неблагозвучных
И не засоряйте мирозданья,
И тогда до дней благополучных
Доживём, неся основу Знанья.

* * *

Мечтаешь, воодушевляясь,
И кропотливо ищешь мысли.
И, чувством странным наполняясь,
Возносишь ввысь благие ритмы.
Душа высказываться хочет,
Мысль донести до всех стремится.
И всё в тебе бурлит, клокочет,
И по ночам совсем не спится.
И в миг такого наважденья
Подумаешь: «Не зря всё это...»
Играют струны вдохновенья,
И ты... становишься поэтом.

Вера Коваль

СЛОВА

Кто ищет клад, кто счастье, кто забаву.
Я — в шёлк и в золото одетые слова.
Кто ищет коронованную славу,
А я — от чувственных и ярких слов жива.
Ищу слова в горах, в лесу, в пустыне,
В ночной тиши, во сне, и в суматохе дня.
Но только где найти мне золотые, —
От них душа чтоб согревалась без огня.
И обладали чтоб они волшебной силой,
Как чистый снег, искрились на лету,
Мои слова, чтоб были сердцу милы,
Могли б дарить земную красоту.
Могли б они и жажду в теле утолить.
Слова целебные — на вес карата.
По капле стану собирать, чтоб не пролить.
И только с ними стану я богата.

ЕВТЕРПЫ ЗОВ

Я Девы зов услышала в ночи
И в тот же миг проснулась,
Не стала в мраке зажигать свечи, —
Как птица вострепнулась.

Как будто увидала чью-то тень.
С небес пришло посланье.
Давно ждала её — и в ночь, и в день, —
Исполнилось желанье!

Но кто же ты? Мне дай скорей ответ,
И кто послал в час поздний?
Ты — Муза? Мудрый нужен твой совет
И шёпот твой природный.

Впервые, Муза, ты пришла ко мне,
И ключ мне подарила.
Теперь я буду счастлива вдвойне:
Ты дверь мне отворила

В поэзию и к ней любовь зажгла,
Моей подругой стала.
И я свой страх преодолеть смогла,
И песня — зазвучала!

И в сердце пусть она сильнее звучит,
Летит в родные дали...
... Я Девы зов услышала в ночи —
Её Евтерпой звали...

Татьяна Левченко

* * *

... Вдруг понял, что давно
ты никому не нужен.
Что мир вокруг тебя —
бардак, бордель, бедлам.
И ты — в чужих руках
холодное оружие,
Холодное по сердцу и делам.
Ты холодно глядишь
на рук своих творенье,
На слов своих —
холодных, словно лёд.
И знаешь, что уже
не будет вдохновенья:
В холодный мир такое
не войдёт.
Оно — из нежных грёз,
из трепета и света,
Оно не терпит смрад,
бездушие и тьму.
Не по сердцу тебе
придворным быть поэтом,
Ну, а толпе стихи —
подавно ни к чему...
Так что ж, по ставим крест?..
Поглубже в землю вгоним...
Но, начертав на нём
прощальные слова,
Мы всё же будем петь,
до хрипоты агоний,
О том, что всё равно
Поэзия — жива!

* * *

Если верить устанешь —
надеждой живи:
Пусть она освещает
твой путь Прометея.
Будешь счастлив ты
и в безответной любви,
Если только не создал себе
Галатею.

Если ноги устали —
на крыльях лети! —
Впереди ведь ещё
столько песен неспетых...

И ты — вечно в пути.
Ты навечно в пути,
Агасфером поэзии,
в сумерках света.

Если сердце устало
от бед и тщеты, —
Обратись к роднику,
что сквозь горькие соли
Пробивается к солнцу, к тебе.

Так и ты —
Проходя через жизнь,
собирай её боли.

Будет слово твоё
родниковой водой —
Так светло и прозрачно, —
живительной силой.

Потому что Поэт
вознесён над бедой,
Чтоб из сумерек вырвалось
жизни светило.

* * *

Мы песни разные поём
И молвим разным слогом.
В итоге ж мы с тобой придём
К тождественным итогам.

Мы дело делаем одно,
Но каждый — в своей нише.
Нам в уравнение дано
Совсем не «принц и нищий».

На эмпиреи обречён,
Ты в облаках витаешь.
До истонченья утончён,
Так облаком и стаешь.

А я шагаю по земле,
Своим весомым ритмом
Вселяя души кораблей
В «разбитые корыта».

И ты, и я, и сотни нас —
Единому лишь служим.
У каждого есть свой Пегас,
И каждый в деле нужен.

И не хвалить, и не хулить
Патрициев, плебеев, —
Нам в души свет дано пролить —
От недр до эмпиреев.

Владимир Лось

ДРУЗЬЯМ ПОЭТАМ

Рассудит время нас, рассудит:
Одних отсеет в никуда,
Других, наверное, остудит,
А третьим скажет — ерунда.

Но встанут пятые, шестые,
Но встанут те, кому дано
Быть и поэтом, и мессией,
А умереть не суждено.

Марина Молодцова

* * *

*«Благослови меня, строка.
Благослови мечом и раной.
Я упаду, но тут же встану.
Благослови меня, строка».
Ника Турбина, 9 лет.*

Благослови меня строка, —
Я повторяю неустанно.
Длинна дорога, нелегка,
Но я иду по ней упрямо.
Когда приду я в свой предел,
Где мысли нет, и нет ни строчки?
Страшит меня такой удел...
Пусть будут ямы, горы, кочки,

Пусть ночью будет не до сна
И стих рождается под утро,
Пусть манит неба синева,
А мне нет сорока, как будто!

* * *

«Я рифмы не боюсь глагольной».
Николай Ушаков.

«Избегайте рифмы глагольной, —
Означает она примитив,
Она в рамках тетрадки школьной
И стихам не даёт позитив».

Так, примерно, советуют мэтры
На «поэтов» смотря свысока:
«Изучайте размерные метры
И чтоб опыт набила рука».

Безусловно, стих должен ложиться
Без ухабов, красивой строкой,
Непрерывным потоком литься,
Полноводной и бурной рекой.

Чтоб читая, язык не споткнулся,
Чтобы строчка за сердце брала,
Чтобы мысли росточек проснулся.
Ну, а рифма? Она чтоб была.

ПУШКИНУ

Был заключительным аккорд
Того значительного века,
Когда поставил Бог рекорд,
Послав такого Человека.

Кудрявый Пушкин, — смесь племён,
Благословенна твоя Лира.
Хотя в России был рождён, —
Ты стал поэтом всего Мира.

Среди многообразья тем
И поэтических течений
По-прежнему ты близок всем, —
Источник наших вдохновений.

Рождён в России неспроста, —
Не устаём тобой гордиться.
Изящество и красота
Из каждого стиха струится.

Прославил наш родной язык
Поэзии всемирной Гений.
Своею русскостью проник
Ты в души многих поколений.

Проза*Елена**Рабочая-Маринич***ГРЫМЗА**

Агнесса Леопольдовна в накинутом на сорочку халате вышла на крыльцо.

Птицы радостно щебетали, приветствуя начало нового июльского дня. Первые солнечные лучики осторожно трогали склонённые от росы головки цветов, бегали по шелестящим листьям, весело заглядывали в глаза Агнессе Леопольдовне, заставляя её щуриться. Однако на окружающую красоту она смотрела с большим подозрением.

И тому были причины.

Началось всё со вчерашнего утра.

По дороге на рынок встретила её соседка Верка, соперничество с которой длилось ещё с детства, когда они хвастались новыми куклами и платьями и показывали друг другу языки через забор.

За плечами у Верки была бурная молодость и

двое невесть от кого прижитых детей. К пенсии её фигура оплыла, от зубов вообще ничего не осталось, но Верке, казалось, и горя мало. В её зеленых глазах, окружённых теперь сеточкой морщин, светился тот же боевой задор.

— Ну, чё, — спросила она, улыбнувшись Агнессе Леопольдовне новенькими протезами, — нашла себе хахиля?

— Развратница! — на всю улицу завопила Агнесса Леопольдовна, за долгие годы прочно сросшаяся со статусом честной девушки на выданье.

Но Верка, вроде, и не обиделась даже, только пальцем у виска покрутила.

— Дура ты, Агнеска, окончательная! Молодость-то наша уже, — тью-тью, — пролетела вся! У меня, хоть с чужими мужиками, да любовь была! Дети, вон, выросли! А тебе, кроме бумажек на своей работе, и вспомнить нечего!

Верка сочувственно махнула рукой и собралась идти дальше, но увидев, что красная от гнева соперница готова вопить опять, сказала уже с ехидством, картинно оглядываясь по сторонам:

— Ну, и где твой прынец? Чё, нету до сих пор?! Да пока ты его тут ждёшь, он, небось, десять раз женился и кучу детей наплодил! Так что хватит уже тебе, подруга, со своей неприкосновенностью носиться! Никому она больше не нужная!

Уязвив таким образом соперницу, Верка задрала нос и важная, как утка, поплыла в сторону прилавков.

Агнесса Леопольдовна на некоторое время лишилась дара речи, потом захотела крикнуть соседке вслед что-нибудь особо оскорбительное, но, пока собиралась с мыслями для достойного ответа, синий с

красными маками Веркин сарафан исчез в толпе.

Понятно, что за покупками пришлось идти неотмщённой.

Блуждая по торговым рядам, она то никак не могла вспомнить, что из продуктов нужно приобрести, то путалась с деньгами, чего прежде никогда не случалось. Спрятанная от самой себя мысль о том, что лучшие годы позади, а впереди только пенсия и старость, выбралась наружу и предстала перед её взором во всей своей унылой неотвратимости.

Кое-как завершив торговые операции, несчастная дама потащила сумки домой.

Из головы никак не шли Веркины речи. Вышло, что наглая развратница обставила её по всем статьям.

Агнесса Леопольдовна аж застонала от обиды. Это что ж такое получается?! Всю жизнь, значит, путалась с чужими мужьями, — и на тебе пожалуйста! — любовь у неё, понимаешь ли, была, дети взрослые!.. Ещё и жизни, берётся учить!!

Нет, нет!.. Эту бесстыдницу, эту зачуханную столовскую поломойку просто необходимо поставить на место!

Эх, вот выйти бы в ближайшее время замуж да пройтись перед ней под руку со своим законным, заслуженным честным девичеством, мужем! Чтобы Верка смотрела на них, вытаращив глаза, а они, оба таких достойных, уважаемых человека, нежно улыбнулись бы друг другу и бросили на посрамленную развратницу мимолётный насмешливо-презрительный взгляд!..

Сцена собственного триумфа представилась ей столь ярко, что вызвала сладкое головокружение, а

следом — почти невыносимую, сосущую сердце тоску.

О каком замужестве может идти речь, если тот единственный, ради которого она пошила столько платьев и вымазала кремов, тот, кого она трепетно ждала столько лет, не опускаясь до кокетничанья с окружающими мужчинами, так до сих пор и не явился?!

Вот и сейчас: её тут обижают, а ему и дела нет!

А вдруг права Верка: женился, гад, и живёт себе!..

Слезы навернулись Агнессе Леопольдовне на глаза. Оскорблённая в лучших чувствах, она начала крыть отступника последними словами, и так, борючая под нос ругательства, дошла почти до середины улицы, когда соседская девчонка Люська крикнула ей из кустов: «Грымза!» и показала язык.

От этой неслыханной дерзости Агнесса Леопольдовна охнула и выпустила сумки из рук. Гнев её тот час переместился на Люську. Она начала шарить рукой по земле, чтобы запустить чем-нибудь в конопатое создание, однако под руки попадалась одна трава. Выдрав её с досады целый пучок, Агнесса Леопольдовна шагнула, было, к кустам, но там уже только ветки качались...

Оставляя Люськину выходку безнаказанной разозлённая дама не собиралась и, пока шла к дому, обдумывала обличительную речь, которую следовало обрушить на головы родителей противной девчонки, Валеры и Маши.

Она так углубилась в поиск подходящих слов, что, войдя в калитку, неосторожно наступила на камушек, который положила здесь вчера для швыряния в соседского Мурзика. Камушек выскочил из-под каблука, а Агнесса Леопольдовна взмахнула руками, как

птица крыльями и, задрав ноги, плюхнулась пятой точкой в кучу просеянного навоза.

Тотчас из-за соседского забора донеслось подозрительное прысканье. Обернувшись, она увидела за сеткой-рабицей Валеру и Машу, которые стояли с красными лицами, уткнув глаза в грядки. Их плечи беззвучно тряслись...

А рыжий Мурзик, любитель пакостить в чужих огородах, вышел вперёд из-за Машиной ноги и устался на поверженную противницу жёлтыми прищуренными глазами. Его взгляд, казалось, говорил: «Ну что, чья взяла?»

От негодования перед глазами Агнессы Леопольдовны запрыгали белые пятна.

Будто подброшенная пружиной, она вскочила на ноги, готовая выдать супругам всё, что думала про их семейство, а заодно и про гадкого котяру, гневно открыла рот... но тут к своему ужасу обнаружила, что падение совершенно растрясло её мысли, и обличительная речь начисто забыта.

Оторопело вытаращившись на соседскую троицу, она издала по инерции несколько ни на что не похожих звуков, подхватила сумки и с перекошенным от злости лицом кинулась к своей двери.

Дома Агнесса Леопольдовна сразу же заперлась на щеколду и занялась разведкой у окон, которые выходили на стороны обоих соседей. Однако в станах врагов ничего особенного, вроде бы, и не происходило. Валера с Машей подвязывали огурцы, а Верка кокетничала со своим давним ухажёром, хромым Петром: они вместе мастерили что-то возле забора.

Отдышавшись на стуле и снова увидев те же кар-

тины, взволнованная дама стала понемногу успокаиваться. Она показала язык в сторону молодых супругов, потом прошествовала к зеркалу, где сравнила свою рельефную фигуру с бесформенной Веркиной, после чего, значительно повеселевшая и вполне довольная собой, отправилась варить суп и готовиться к боевым действиям.

Как только над землёй стали сгущаться сумерки, Агнесса Леопольдовна вышла на тропу войны.

Первым делом она решила поквитаться с наглой развратницей, для чего достала припрятанную за сараем длинную палку и, приняв позу индейца с копьем, прокралась к тому участку забора, за которым вот уже два дня хвастливо краснели ранние Веркины помидоры.

— Шас ты у меня поешь салатика! — хихикнула коварная мстительница, примерилась и, упиваясь картиной будущих разрушений, сунула палку между досок. Палка, однако, наткнулась на какое-то препятствие и цели не достигла.

Агнесса Леопольдовна поменяла позицию, повторила маневр, но опять без результата, будто неведомая сила охраняла соседский урожай.

В чём же дело?! Прошлые годы Верка регулярно рыдала над сбитыми помидорами!..

Засунутые в щель пальцы, а потом и припавший к ней глаз выявили натянутую с соседской стороны мелкочейстую рыбацкую сеть.

Так вот почему Верка ходила такая довольная, а Петро улыбался да ей подмигивал!

Поняв, что оставлена в дураках, Агнесса Лео-

польдовна бросилась с орудием мести к другому забору, но и там её ждала неудача: чтобы дотянуться до грядок хитроумных супругов, длины орудия явно не хватало.

С досады она хряснула палкой оземь, так что та разлетелась на куски, покидалась в стороны обоих соседей комьями земли и под лай соседского Тузика удалилась в свои апартаменты.

Однако свет в её окнах горел совсем недолго. Прикрыв тихонечко дверь, неугомонная дама вновь появилась на крыльце. На сей раз в руках у неё была катушка ниток, которые она, оглядываясь, чтоб не увидели соседи, принялась натягивать по кустам вдоль всех заборов. Тот, кто будет к ней ночью лезть, нитки обязательно порвёт, и утром она точно определит, с чьей стороны была совершена коварная вылазка.

Нужно ли удивляться, что после стольких переживаний Агнесса Леопольдовна долго не могла заснуть? Во дворе ей без конца слышались какие-то шорохи, и она то и дело вскакивала и припадала к окнам. Однако в густой темноте сада ничего нельзя было рассмотреть.

Под утро сон беспокойную даму всё-таки сморил, но приснилось страшное. Будто нахальный Мурзик пробрался, как обычно, на её территорию, а потом вдруг превратился в здорового рыжего мужика. Мужик этот, будто бы, подскочил к калитке, распахнул её, и во двор целой толпой ворвались тетки с базара. Они разбежались по всем дорожкам, выбирают, что бы им такое у неё стащить, она их гонит, но их много и справиться с ними невозможно. И тут Агнесса Леопольдовна будто бы видит, как Верка с Петром,

широко растянув рыбачью сеть, крадутся к её помидорам. Защищая свои грядки, она бросается им наперерез, но из-за старой яблони выскакивает Мурзик-мужик и так шарахает её своим волосатым кулачищем, что она летит на землю, катится кубарем по дорожке и... открывает глаза в своей постели.

Вот потому-то стояла она в это утро на крыльце совершенно невыспавшаяся и в самом дурном расположении духа. Увиденный сон казался вещим, и понятно, что ни раннее ласковое солнышко, ни птички трели обрадовать её не могли.

Бросив тревожный взгляд в сторону Веркиных владений, Агнесса Леопольдовна поспешила к своим помидорным грядкам. Те встретили её гроздьями тяжёлых, хоть и не таких красных, как у соседки, плодов, а на взрыхленной вокруг земле не отпечаталось ни одного вражеского следа.

Пожилая дама облегчённо выдохнула, постояла над ними в раздумье и отправилась проверять развешенные вчера нитки.

Она осмотрела их самым тщательным образом, сантиметр за сантиметром, но они тянулись от куста к кусту абсолютно целые, только чуть провисли под тяжестью росы, а к одной пристроился паучок и свил паутинку.

Ох-хо-хо!.. Получается, злодеи умудрились подсмотреть за ней вечером и сумели как-то обойти это препятствие!..

Вот только знать бы, что было целью их подлого визита!..

Агнесса Леопольдовна обошла по очереди все свои кабачки, перцы, баклажаны, но и здесь её бдительный хозяйский глаз не сумел выявить никакого

убытка или вредительства.

Но ведь шорохи ночью во дворе она слышала абсолютно точно!

А, значит, сейчас кто-то, либо наглая развратница, либо родители противной Люськи, — эта сюсю-мусю-сладкая парочка, — стоят у окна и потешаются над ней!

Ну нет! Этого допускать нельзя! Нужно залезть в каждую щель, в каждый угол и найти, наконец, что они натворили!

По дорожке к «удобствам» Агнесса Леопольдова, старательно пересиливая нужду, сосчитала свои любимые гладиолусы, которых оказалось столько же, сколько и вчера, и ромашки, которых даже на одну прибавилось. Следом она, на всякий случай, осмотрела ещё и колокольчики, и, уже приплясывая, влетела в свой «теремок».

Но даже занимаясь там делом, Агнесса Леопольдовна не ослабляла внимания. Её взгляд прошёлся по белённым доскам потолка и стен, коснулся подвешенного вчера рулончика бумаги, после чего скользнул вниз, в сумеречную пустоту.

И тут пожилая дама насторожилась. Внизу определённо было что-то не так!

Она до рези в глазах вглядывалась в плохо различимые контуры посеревшей от времени каменной кладки, шевелила губами, морщила лоб и в результате поняла, что содержимого в яме стало гораздо меньше, чем раньше.

Так вот, оказывается, чем занимались ночью её соседи?!

Гордая тем, что раскусила противника, Агнесса

Леопольдовна издала победный вопль, утробно прогудевший среди дощатых стен и эхом разнесшийся по округе.

Привлечённые странным звуком, Валера с Машей, которые с утра рыхлили грядки, как по команде бросили цапки и, разинув рты, уставились на соседский туалет.

Когда Агнесса Леопольдовна вылетела оттуда и увидела две пары устремленных на неё глаз, то сразу поняла, кто нанёс ей ущерб. Тем не менее, она решила отбросить последние сомнения, для чего, метнув в соседей горящий взгляд, обежала полукруг и открыла крышку с той стороны, откуда раз в два года производилась вычистка.

Ошибки быть не могло! Об этом свидетельствовала тёмная кайма на камнях, оставшаяся от прежнего уровня!

И пока она подробнейшим образом изучала эту кайму, как искусствовед неизвестное полотно Ван Гога, удивлённые супруги таращились на её склонённую спину и безуспешно пытались отгадать, что там, внизу, могло так привлечь её внимание.

Однако по прошествии недели им суждено было удивиться несравнимо сильнее, потому что теперь их взглядам предстали уже две склонённых спины. Первая, в цветастом платье, принадлежала, как и прежде, неугомонной соседке, а вторая, в форменной одежде, их молоденькому участковому Васе Гудкову.

Тут уж они совершенно позабыли про цапки и шланги, а флегматичный обычно Валера даже вызвался перебраться ночью с фонариком на соседскую территорию, чтобы увидеть своими глазами и доло-

жить затем любимой супруге, что же такое необычайное обнаружила в соседском туалете доблестная милиция. Но Маша его отговорила.

Меж тем у деревянного сооружения разгорелись нешуточные дебаты.

Агнесса Леопольдовна наседала на участкового, требуя начать расследование и наказать виновных, а Вася изо всех сил пытался ей втолковать, что возбудить уголовное дело нельзя ввиду мизерной стоимости пропавшего.

— Ну вот какая ему, по-вашему, цена? — решил он отрезвить разбушевавшуюся даму, и та растерянно захлопала глазами.

— Видите! — победно воскликнул участковый. — И говорить тут не о чем! Вот если бы у вас машину навоза украли, тогда другое дело!

— Так это что ж получается?! — взвизгнула Агнесса Леопольдовна, — Приходи, значит, ночью, бери, что хочешь — и спи себе дальше под защитой закона?! Ничего себе милиция у нас работает!

— Да кому ваше г...о нужно?! — простонал измученный Вася.

— Раз украли, значит было нужно!!! — прогремело в ответ.

Против этой железной логики Вася аргументов не нашёл. К тому же, когда его готовили к службе, то научили, как задерживать и обезоруживать преступников, но вот что делать с соседскими тётками, которые прут на тебя могучей грудью, молодой участковый не представлял совершенно.

Вынужденный отступить, он, тем не менее, принял простое и единственно правильное решение: вы-

скользнул за калитку и, донельзя вежливо попрощавшись, дунул прочь от соседского двора.

Нет, это ж надо, до чего тетка додумалась?! Бросай, значит, полиция свою работу да карауль её выгребную яму! Ага! Только и осталось!

Напишет он отказную по её заявлению — это понятно. И пусть она как хочет, так и разбирается со своими проблемами!

Июльская ночь выдалась невыносимо жаркой и душной. На деревьях не шевелился ни один листок. По затянутому низкими облаками небу бродили сплохи. Комары, почувствовав необычайный прилив сил, сквозь все щели просачивались в человеческое жильё и с энтузиазмом вились над потными телами.

Васе Гудкову не спалось. Он ворочался под липнущей к телу простыней, в то время, как его сознание было занято счастливой вчерашней встречей с Леночкой Кузякиной, с которой не виделся ещё со школы и которая теперь так неожиданно похорошела.

Вспоминая нежное личико в обрамление светлых волос, Вася считал дни до получки и соображал, куда бы ему Леночку пригласить, но его сладким молодым мыслям опять и опять мешало жаждущее крови насекомое. Вася отмахивался от него высунутой из-под простыни рукой, однако комар и не думал отступать. Он зависал то над правым Васиным ухом, то над левым, и в его настырном зудении участковому явственно слышался голос скандальной соседки:

— Это ваша обязанность, молодой человек, — найти и наказать виновных! Между прочим, вам за это государство деньги платит. А вы, вместо того чтобы защищать честных граждан, выгораживаете

преступников!

Вася в очередной раз отмахнулся от комара и с тоской уставился в тёмный потолок.

Никак не оставит его в покое зловредная тётка!

Ну, казалось бы, смотри ты себе в отпуске телевизор, кабачки, там, всякие поливай или с соседками лясы на лавочке точи — чего ещё лучше! А эта одно — заявления строчит... Из дому только выйдешь, она уж тут как тут, требует преступников найти. А увидела, что с ним каши не сваришь, так давай в отделение бегать. Бросается к каждой полицейской фуражке, и со слезами умоляет: помогите, мол! Не выполняет участковый Гудков своих обязанностей!..

Но самое неприятное, что она уже и до Пал Палыча, начальника Васиного, добралась.

А Пал Палыч её пару раз выслушал и его, Васю, — на ковер!

— Вечно, — орёт, — у тебя на участке бардак!

Короче, задание тебе, Гудков: что хочешь делай, но чтоб я ни этой сумасшедшей бабы, ни её заявлений в глаза больше не видал! Да смотри, чтоб она сдуру не настрочила куда наверх, а то будешь потом отписываться до посинения!

Ну, конечно!.. Пал Палычу-то хорошо указания давать! А вот что ему, Васе, со своей соседкой делать?.. Её ведь дома не запрёшь и замок на рот не повесишь!..

Он уже и к матери за советом обращался, а та в ответ: ты ж, мол, тетку Агнессу знаешь! Если привязалась, ни по чём не отстанет! Так что лучше б тебе, сыночек, разобраться как-нибудь с её туалетом, а то она, мол, и ко мне ведь сегодня с утра прибежала, требовала, чтоб повлияла я на тебя!

Во, дела!.. Непонятно только, на кой это всё соседке сдалось. Да другая бы радовалась, что можно лишний раз машину не вызывать, денег не платить, а тётка Агнесса чуть не в истерике... Пальцем, вон, на соседей показывает!..

Вася представил, как Валера с Машей, подсвечивая себе в темноте фонариком, черпают... Фу... что за бред!.. Зачем оно им нужно?!

Хотя, с другой стороны, участковый вынужден был признать, что куда-то оно все-таки делось, и, чтобы побыстрее отвязаться от ненормальной тётки, ему очень хотелось выяснить, куда именно.

На службе и без того проблем хватало.

Полгода назад он, как мальчишка, радовался, что будет служить в двух шагах от дома, под начальственным крылышком Пал Палыча, закадычного друга своего двоюродного дядьки.

Только вышло-то совсем не так, как мечталось!

Нет, что касается дома, то тут ожидания, конечно, сбылись, в том смысле, что и спать можно стало подольше, и обедать не в захудалой кафешке, а маминым борщом.

А вот насчёт дядькиного друга Вася жестоко просчитался. Дело в том, что раньше ему приходилось видеть Пал Палыча только за праздничным столом да на рыбалке, и тот представлялся ему таким добродушным дурашливым весельчаком. Когда же Гудков встретился с ним на службе, то стало ясно, что Пал Палыча он, можно сказать, и не знал. Дядькин друг оказался служакой старой закалки, и стоило ему переступить порог отделения, как взгляд его становился холодным и жёстким, а в голосе начинали звучать железные нотки.

Ни о каких послаблениях, исходящих из их знакомства, начинающему участковому даже мечтать не приходилось. Более того, Пал Палыч взялся наставлять его, Васю, на путь истинный, а потому даже там, где другим сходило с рук, он получал бесконечные разносы и выволочки.

Особенные неприятности доставляла ему «бумажная» работа. То у него документы оказывались оформленными не в срок, то в них обнаруживались какие-то огрехи и упущенья, а то и вовсе Пал Палыч ставил Васю на ковёр и гремел так, что сотрясались бетонные стены:

— Ты, Гудков, вообще, с головой дружишь, или как?! Ну где это такое видано, я спрашиваю: «Пьяный гражданин Пузиков обиделся на свою ногу за то, что она отказалась идти в магазин и решил наказать её при помощи молотка»?!

И бесполезно было объяснять, что сей выдающийся документ Вася созидал после бессонной рабочей ночи, когда уже буквы плыли перед глазами. Пал Палыч был неумолим:

— Это пусть, Гудков, журналюги так пишут, если хотят! А нормальный мент, хоть три ночи не спал, должен изложить все быстро, чётко и грамотно, ясно тебе?!

Но муштрой Пал Палыча дело не заканчивалось.

Видя такое «особое» расположение к нему начальства, Васины старшие коллеги решили и себе не оставаться в стороне, так что ни один день начинающего участкового не обходился без их смешков и подковырок. И хоть делали они это совсем не из вредности, а исключительно, чтобы скрасить свои суровые полицейские будни, чувствовать себя «мальчиком для битья» ему было очень неприятно.

В последнее время, правда, все несколько поухло, но развеселая история с туалетом подлила, что называется, масла в огонь. Тётку Агнессу называли теперь в отделении не иначе, как его невестой, и отпускали по этому поводу всякие ехидные шуточки. Более того, Вася очень сильно подозревал утечку информации, потому что многие из его знакомых при встрече как-то непонятно улыбались, и некоторые даже хихикали в кулак.

А чему тут удивляться? Мы ж, граждане, не в мегаполисе каком-нибудь живём, а в поселке городского типа, считай, в деревне, где, в кого ни плюнь, всяк тебе кум, брат, сват и так далее!..

Вот только за что ему, спрашивается, всё это?!

Устав от тяжких полуночных дум, Вася начал подозревать, что если прямо сейчас не заснёт, то они окончательно его доконают.

Он попробовал улечься поудобнее и прикрыть глаза, но комар, который прикорнул, было, где-то в уголке, опять возжаждал Гудковской крови и с новой силой принялся нарезать круги над его головой.

«Что ты вьёшься, чёрный ворон...» — пропел Вася тихонько, но с чувством, потом быстро отвернулся к стене и натянул на голову простыню, желая таким образом отгородиться сразу и от зловредного насекомого, и от прочих своих неприятностей.

Завтра, — он по опыту знал, — настроение его станет куда лучше, а рой упаднических мыслей развеется, как дым.

Не спала в эту ночь и Агнесса Леопольдовна.

Комаров к ней налетел добрый десяток, однако,

в отличие от участкового, она понимала, что отмахнуться от проблемы не удастся и стала прикидывать, как ей защитить своё личное пространство.

Вначале Агнесса Леопольдовна попыталась разделаться с коварными визитёрами, хлопая по стенам старрой рубашкой, но потерпела неудачу. Тогда предприимчивая дама сменила тактику: выключила свет, легла в постель и натянула простыню до подбородка. Затаившись, как охотник в засаде, она напряжённо вслушивалась в звенящий над головой хор и в момент, когда ножки наиболее нахального маленького злодея начинали щекотать ей щёку или лоб, шлёпала по нужному месту, с наслаждением ощущая, как сминается под пальцами хлипкая комариная плоть.

Когда наступила блаженная тишина, отважная воительница включила свет, нацепила очки и осмотрела поле битвы. Картина эта ей очень понравилась. Злорадно хихикнув, она стянула трупики несостоявшихся кровопийц на пол и улеглась спать, очень довольная собой. Однако её физиономия так горела из-за полученных оплеух, что попасть в объятия Морфея не представлялось никакой возможности.

Агнесса Леопольдовна уж и слонов считала, и с боку на бок переворачивалась — сон всё равно не шёл. Перед глазами поплыли всякие неприятные картины. То это была широкая Веркина спина, нагло проплывающая вдоль забора, то конопатая, с высунутым языком Люськина физиономия, то кислое лицо участкового, который всячески отнекивался от её дела.

Вконец истрадавшись, она решила прибегнуть к совету доктора из вчерашней телепередачи, который рекомендовал во время бессонницы переключать мысли на какие-нибудь приятные воспоминания.

Но что же такого приятного было у неё в жизни?

После некоторых размышлений Агнесса Леопольдовна остановилась на давней истории с Иван Иванычем, когда он, видишь ли, взял на себя миссию примирить её с коллективом.

История вышла ещё та!

Она залихватски хохотнула, вспоминая, как её недалновидный коллега подкараулил момент, когда кроме них в бухгалтерии никого не было, протиснул свой жирный живот к её столу и, захлопав пороссячими глазками, понес какую-то жуткую ахиною о необходимости всеобщего прощения и доброго отношения друг к другу.

Хорошо, что она тогда не растерялась, а набрала в грудь побольше воздуха и закричала на все заводоуправление:

— Помогите-е-е! Насилую-ю-ю-ют!

В ответ на столь необычный призыв по всем этажам послышался резвый топот, и в дверях начала расти толпа жаждущих развлечения сотрудников.

Бедный Иван Иваныч, попав под прицел стольких глаз, покраснел, как рак, и, отчаянно заикаясь, залепетал о том, что ни к чему такому не причастен. А когда услышал громовое «А ну, расступись!» пробирающегося сквозь толпу директора, то вообще стал хватать ртом воздух и запросил воды!..

Сладко вздохнув, Агнесса Леопольдовна стала вспоминать, как настояла потом на месткоме, где во всеуслышанье заявила, что Иван Иваныч посягнул на её девичью честь и лишь вмешательство коллектива спасло её от этого гнусного акта.

Про честь, к слову, было сказано не столько для болвана Иван Иваныча, — он уже получил своё, —

сколько в пику непосредственной начальнице Эльзе Павловне, которая перед всем заводоуправлением строила из себя порядочную, а сама натихую крутила шуры-муры с их представительным директором, хотя прекрасно знала, что тот женат!

Понятно, что с той поры Иван Иванович напрочь забыл о своей миротворческой миссии, а двуличная Эльза Павловна, вскорости директором оставленная, целых три раза пыталась её уволить, — да вот вам шиш! — она, Агнесса Леопольдовна, законы знает и все три попытки с треском провалились!

Эх!.. Теперь только вспоминать о тех славных советских временах, когда можно было прийти хоть в местком, хоть в партком, хоть в товарищеский суд, и никто не имел права тебе отказать!.. А при нынешней власти что?! Одна милиция осталась, и та никуда не годная!

Сон, однако, опять не шёл. Изнывающая от бесполезного лежания дама хорошенько изругала бестолкового доктора, который даёт такие же бестолковые советы, а потом даже обрадовалась, когда над головой раздалось послышалось знакомое зуденье. Сейчас она снова займётся делом, и если всё пойдет хорошо, то скоро на её счету окажется ещё один поверженный злодей!..

А в это время очнувшийся от кошмара Вася откинул простыню и с бухающим сердцем уселся в постели.

До чего, однако, душная ночь! А он ещё сдуру придумал накрыться с головой!

По лицу и телу ручьями тек пот, и пить хотелось невыносимо.

Вася опустил ноги на пол, на мгновение замер, млея от его прохлады, потом тихонечко, чтоб не разбудить мать, пошлёпал на кухню.

Открытый кран жалобно всхлипнул и затих, и Вася решил сходить во двор, к дедову колодцу.

Ведро он вытащил почти пустое, едва хватило, чтобы смочить лицо да напиться. Зато вода оказалась просто восхитительная: холодная, вкусная, как раз такая, о какой мечтал.

Эх... молодец всё-таки был его дед!

Вася уселся на лавочку возле стены, чувствуя, как тело возвращается к нормальной жизни, а голова начинает потихонечку соображать.

Со стороны сада потянуло было ветерком, там негромко пискнула какая-то птица, но опять над землей нависла горячая душная тишина.

Вот так и придется мучиться до рассвета!.. А чего хотеть? Дождей уж, считай, два месяца, как нет... Даже дедов колодец почти пустой!..

И тут Вася хлопнул себя по лбу.

Так в этом, скорее всего, всё и дело!

Он метнулся на веранду, схватил с тумбочки фонарик и большими скачками понесся к своим дворовым «удобствам».

— Что, Васек, живот прихватило? — сочувственно проскрипел из-за забора дед Петро, которого, видно, тоже мучила бессонница.

— Следственный эксперимент, дедушка! — крикнул ему на бегу Вася.

— Какие ещё в галюне эксперименты?! — вытаращил глаза дед, но участковый уже не слышал его. Рывком распахнув скрипучую дверь, он направил луч фонарика вниз и счастливо расхохотался.

Ну, да! Вон вам, пожалуйста, та же кайма, что и у тетки Агнессы!.. Ушла вода вглубь, что — в колодцах, что, извините, — в сортирах! И ещё испарилась, конечно!

Всё, всё! Завтра он успокоит надоедливую тётку и забудет эту нелепую историю!

Утром, ещё до работы, Вася с лицом первоклассника, мечтающего о пятёрке за решённую задачу, постучался в соседскую калитку.

— Тётя Агнесса! — выпалил он спешащей навстречу даме. — Вы не волнуйтесь! У вас никто ничего не крал! Просто жара, видите, какая?! Уровень подпочвенных вод снизился, к тому же испаренье... понимаете?!. У нас в туалете то же самое!

Соседка затормозила так резко, будто врезалась в невидимую стену.

— Что-о-о-о?! — донесся до его ушей то ли возглас, то ли сдавленный хрип.

Далее Вася, будто в замедленной съёмке, увидел, как тёткины лицо и шея наливаются бордовой красной, глаза выпучиваются и стекленеют, а рот открывается широко и страшно, как пасть змея Горыныча из детской сказки.

Продолжения участковый ждать не стал. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, он пулей вылетел за калитку и, стараясь не обращать внимания на несущиеся вдогонку проклятия и вопли, пошагал на службу.

Отделение полиции казалось ему сейчас самым тихим и надежным пристанищем, а буркун Пал Пальч — ну просто отцом родным.

Дошагав до угла, Гудков обернулся на соседский

двор, соорудил уморительную гримасу и, гордо вскинув подбородок, продолжил свой путь. В эти минуты ему было совсем не важно, что тётке Агнессе он, как ни старался, а не угодил, и что о его первом успешном расследовании, кроме матери, скорее всего, никто и не узнает. В своих мечтах он уже видел себя легендарным сыщиком, которому по зубам самые сложные, самые запутанные дела.

Так что прощайте, прошлые неприятности!
Жизнь прекрасна!

*Антон
Москатов*

Из романа: Сашкино лето или четыре неудачных операции доктора Снегирёва.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОРДИНАТОР.

Глава 6. Слезная ночь.

Телефон — причина большинства неприятностей Сашкиной жизни — разрезвился раньше, чем Снегирёв успел накидаться до беспамятства, но и раньше прихода ночи. Темнота летнего вечера, сумерками бродившая на закатном западе, с нерасторопностью вальяжной дамы, просилась в гости. Напиваться в одиночку — любимый вариант приёма внутрь — Снегирёв предпочитал остальным способам планомерного уничтожения личности.

Звонки греховным колоколом сыпались из рога изобилия, порождая желание запустить мобильный в стену и испытать радостное садистское удовольствие от уничтожения проклятия рода человеческого. Непрерывность говорила о суровой необходимости, а когда динамик заголосил персональным вызовом Чичурина, Саша, непрерывно поминая матерей рода людского, поднялся.

— Саша, руки в ноги и — в больницу, — обычно

выдержанно-спокойный голос друга звенел напряжением. Волноваться Олег мог, но показывать — в минуты страшнейших волнений.

— Ты лучшего времени придумать не мог? — в голове туманилось, а глаза с трудом находили фокус.

— Мог — не получилось, — отрезал Олег.

— Случилось-то что? — с укором спросил Саша. Слова давались с трудом, тяжело слепливая звуки, глотка роняла их на пол.

— Лобовое. Автобус и КАМАЗ... Количество пострадавших неизвестно... Вызвали всех.

— Понял... Еду! — Снегирёв, прижимая плечом телефон к уху, торопливо одевался. Голос друга стал размытым и бубнящим.

Приводить себя в порядок времени не было, как и прятать тяжёлый выхлоп... Кого поломало — не заметят, кто понимает необходимость — сделают вид. Страхивая тяжёлый дурман, Снегирёв взмахнул головой. Машина, чувствуя хозяина, привычно вздёрнулась, глухо тарахтя стартером, и, с усталой привычкой заезженной кобылки, попятилась задом из пятка, куда пряталась ночами.

Ночной город — беззаветная и единственная любовь Саши Снегирёва — светился яркими огнями. Подпиравшие небосвод клёны и тополи, обвешанные весёлыми гирляндами, разливая ласковый свет мягкого неона, топили улицу в призрачном огне. Город-парк, старая его часть, прилегающая к больнице, застроенная «сталинками» руками пленных немцев, которых в городе-герое осталось после войны — хоть отбавляй расстрельными командами НКВД, пропах неспешной вальяжной походкой старины, квартир с

высокими потолками и деревянными полами, цветением зелени широких улиц. Прогони прочь быстрые, вечно спешащие иномарки, пусти по дорогам «Победы» и «Волги», разбавленные вездесущими народными «Москвичами», и отличить старую часть города стало б невозможно. Пятидесято-шестидесятые годы прошлого столетия зашагают первомайскими демонстрациями по улицам, лозунгами прокладывая путь коммунизму в привычные сейчас анекдоты о Великой Потерянной Державе. Пожалуй, единственный миллионер города — вороватый мэр — при всём неуважении к нему Саши Снегирёва, о внешнем лоске города заботился, рассыпая заботливыми руками подрядчиков по улицам памятники, напоминающие о славном прошлом более чем двух с половиной тысячелетней историей и о туманном будущем.

Оставляя на асфальте чёрные следы скрипящих шин, Снегирёв влетел на пяточок больничной стоянки. Порывисто распахивая дверь, тяжело вывалился из машины. Влажный воздух морского города прикоснулся к разгорячённой коже. Растирая лицо, уши, тщетно приводил себя в порядок, когда сзади, пробралось крадущееся такси. Тезка, Курицин, торопился неторопливо, всем видом воплощая принцип: «Опаздывает тот, кто торопится».

Свет в салоне потух, и Курицин без труда узнал грузную фигуру Снегирёва — покачиваясь на нетвёрдых ногах, хирург воевал с непослушными телесами, лёгкие шумно гоняли воздух. Сомневаться о причине не приходилось.

— И тебя вызвали? — задал идиотский вопрос Снегирёв вместо приветствия. Во времена возлияний

Саша превращался в идиота, теряя человеческий облик, и феерическим фонтаном глупости выдавал в реальность поганые проявления характера, жутко ненавидимые и презираемые в других. — Прикроешь?

Больница встречала обычной дневной суетой в необычное, не дневное время. Людей выгнали всех, разбазаривая резервы. С утренней усталостью придёт второй круг бесконечной смены. «Скорые» ещё не прибывали, но персонал рангом пониже суетливо носился по коридорам. Распахнутые настежь двери приглашающе открывали чрева кабинетов, но вваливаться в них желания не возникало. Скупой свет пыльных плафонов, родившихся на заре расцвета коммунизма, соревнующихся в возрасте со Снегирёвым, нещадно резал налитые кровью, не успевающие отдохнуть, глаза, мигал куцыми, расплывающимися от налёта пыли, лампочками.

Снегирёв нетвёрдой походкой, сторонясь людей, прошёл к боковой лестнице. Навалился мрак коридора, с отполированными тысячами ног за десятки лет, ступенями. Свет, осторожно, с брезгливой скупостью, пробивался через узкие окна, светящие вне пространства, а торец лестничных пролётов — расстояние между этажами отмерялось тремя пролётами, а не как обычно, двумя — не стандарт, а окна ставились по старинке. Казус бездумности.

После снующей туды-суды суеты приёмного покоя казалось, экстренная вымерла, типун на язык. Но, едва Сашка прошествовал по коридору, стараясь ступать бесшумно, кабинет заведующего открылся. Игорь Маратович собственной персоной, нетерпеливым взмахом руки выгоняя получивших задание се-

стёр, выскочил из кабинета, демонстрируя проворность, заведующему отделением не свойственную.

— Саша, иди-ка сюда, — разглядывая в темноте, а, скорее, ощутив присутствие внутренним чутьем, прикрикнул зав. Напряжённое лицо со следами мрачной усталости, вытянулось, а потом выражение стало злым. Очень злым. — Снегирёв, опять накидался? — Выхлоп шёл тяжелый, от которого, принюхавшись, хотелось закусить. — Ты, часом, не о..уел?

— О..уел — не о..уел, — огрызнулся Снегирёв, — я сегодня — выходной... Не нравится — могу уехать! — бросил вызывающе Сашка, хотя, уезжать не собирался, а остался бы, даже если б силой гнали прочь.

— Ну, что мне с тобой делать? — в бессилии воскликнул Игорь, обращаясь не к Снегирёву, а к себе или Господу Богу... И тот, и другой Сашкой уважались, конечно, в случае реальности Всевышнего.

— Не вели казнить, вели миловать, — дыхнул тяжелым смрадом Сашка.

Маратович брезгливо отвернулся.

— Совсем человеческий облик потерял...

Грохнула створка грузового лифта. Свет, прозрачной пыльцой рассыпаясь по широкому коридору, гулко отражающему звуки шагов в ночной темноте, играл бледными тенями. За столом, привыкнув к ночному бдению, чутким сном кемарила сестра. Она вспрыгнула на звук, стряхивая лёгкую пелену тревожного отдыха, прикованный к Снегирёву взор светился вопросом. Саша пожал плечами — длинная ночь обещала растянуться в бесконечность.

— Снегирёв! — заведующий, кипя праведным гневом, распалённым видом одурманенного, оттого расторопного Снегирёва, отпихнул хирурга в сторону,

принимая носилки, — вали в приёмное, занимайся сортировкой!

Саша, получивший пощёчину оскорбления, набрал полную грудь воздуха, готовясь разразиться возражением и, если понадобится — бранью, проглотил подкатывающиеся к горлу слова — взгляд Маратовича грозил расправой сильнее обнаженного клинка.

— Понял, не дурак... Дурак бы не понял, — обиженно буркнул под нос и окунулся в суету приёмного, кипевшего болью и страданием.

Первое, что увидел Снегирёв — глаза. Огромные, лучистые глаза удивлённого ребёнка. Девочка, едва перемахнувшая порог младшей школы, и, если таскала утром в школу портфель, то к вечеру обязательно — за ухо в кровать — огромного плюшевого мишку. Внутри крутящегося калейдоскопа суеты она казалась центром спокойствия, равновесия вселенской драмы, застывшей в немом укре печальной судьбы. Её забыли. Оставили одну, отказав во внимании, закрутившись в круговороте необъятных и неотложных забот. Испуганно, но, по-детски бесстрашно, с уверенностью, что рано или поздно её отыщут родители, девочка, напоминающая Мальвину, сбежавшую от Карабаса-Барабаса и удиравшей через лес, отчего платьишко растрепалось, распутившись на лоскутки, сидела на жёстком деревянном кресле, слишком великом для неё и неудобном. Тоненькие ручки, сложенные на худеньких, ссаженных коленках, обхватывали одна другую, глаза, светясь искристой радостью детства, подернулись тонкой, сдерживаемой пеленой боли, не пускающей срыва на горький, по-детски не-

винный и режущий сердце, плач. Одна рука, завернутая в свежий, не успевший высохнуть, гипс, неподъёмной варежкой давила на хрупкие, готовые подломиться под тяжестью, ножки.

Видя — Снегирёв заметил её и, сдавленно улыбувшись, приближается, мучимый приливом стыда, будто невинный ребенок, оказавшийся здесь вместо тёплой домашней кровати, понимает, что он смертельно пьян, и полный душевный раздрой пытается душу хуже дыбы, радостно посунулась вперёд, готовая от радости, что хоть кто-то из взрослых заметил её, заплакать, разжав твердо сдавленную полосочку губ, и больше не сдерживаться, понимая, что теперь она не одна перед лицом страдания, выпавшем на её долю, большего, чем должно доставаться ребенку.

— Дядя, помоги мне, пожалуйста, — серьёзно сказала, словно жаловаться ей запрещали, но стало совсем невмоготу. — У меня ручка болит... Мы в аварию попали...

— Маленькая, потерпи немного.

— Дядя, меня уже просили... не получается, — сказала она и как-то жалобно, совсем по-взрослому всхлипнула, сдерживая слезы.

— А родители где? — невпопад, теряя безапелляционное спокойствие видавшего виды хирурга, спросил Сашка. Он всегда расклеивался, наступив на пробку. Потаённая боль выходила приступами сентиментальности, растворяя накопившуюся злобу, прогоняя её из души, чтоб опустевшее пространство наполнилось подлостью жизненных коллизий вновь.

— У меня нет родителей... Я в интернате живу...

Тучная фигура, наваливаясь тенью, зависла над головой.

— Санька, посторонись! Девочку в травму... Снимок готов? — пробурчал голос в пустоту, оставаясь без ответа. — Займись своими, — резко вернулся к Снегирёву. — Полна коробочка экстренных... Фу, ты хоть бы закусывал!

— Да пошёл ты, — беззлобно отозвался Саша, отчаявшись оправдаться в несправедном деле.

— Дядя, не уходи, — попросила девочка, боясь пошевелиться, демонстрируя искреннюю незащищённость обиженного судьбой, брошенного ребенка. — Ты хороший...

— Маленькая... мне идти надо, — сказал Саша, чувствуя, как пила боли разрезает сердце. Воспоминание уткнулось в образ дочки, которая, по его мышлениям, так же оказывалась брошенной, живя с матерью и навязанно любимым отчимом. И возник образ маленького его, тоже обделённого любовью, но одарённого высокими требованиями, такими, что в четыре года Сашку оставляли приглядывать за больной, пережившей третий инфаркт, прабабушкой, забывая, что в таком возрасте дети ходят в садик, чтоб играть с плюшевыми собаками и зайцами, а не греть на газу борщ для умирающего человека, желавшего не есть от пуза, а тихого спокойного умиротворения. — Тут ещё детки есть... Им помочь надо.

Девочка обвела потускневшим взором приемный покой, едва замечая творившуюся суету. И, казалось, только заметила её.

— Да, дядя, надо помочь, — принимая жестокую, обыденную реальность с нереальной для столь юного возраста осознанием, но, теряя последнюю веру в человеческую доброту, по крайней мере, для неё лично, согласилась девочка. Но, собирая в кулак тщедушную

храбрость брошенного маленького человечка, настойчиво попросила, — а потом приди ко мне, принеси шоколадку... Я очень люблю шоколадку... Только у меня животик тоже болит... Сильно-сильно... Как ручка...

— Снегирёв, чёрте что творится! — Олицетворение Матери-Земли — Марина, немислимыми путями проскользнувшая мимо Сашки, уже переодетая и готовая ко всем испытаниям грядущей ночи, выскочила из лифта, — Ты куда запропастился?! В операционную — живо... Маратович рвёт и мечет!

— Он меня сю-ю-ю-у-уда послал, — констатировал факт Сашка, растягивая в обиде слова.

— Передумал, — отрезала сердобольная Марина, переживающая человеческое страдание живее Снегирёва, но каждую секунду оставаясь профессионалом до мозга костей. — Живее, живее!

— Маленькая, зовут тебя как? — поворачиваясь, спросил Снегирёв.

Детёныш на глазах ожил, будто стал больше, превращаясь из сбитого в кучку комочка в живое существо, маленького, но человечка, понимая — интересуются им не ради праздного любопытства:

— Маша... Маша Малютина...

— Маша, сейчас тебя отведут в палату, а я освобожусь и принесу шоколадку. Хорошо?

— Хорошо, — живо согласилась девочка, и послушно соскочила с кресла, собираясь идти вслед за сестрой, — только, дядя, я вкусные шоколадки люблю, с орехами... Принесёшь?

— Принесу, — вымученно улыбнулся Сашка, — только ты врачу не забудь сказать за животик. Хорошо? ...не забудь! — крикнул вдогонку, а девочка

ещё раз обернулась, кивая и широко, но, как-то грустно улыбаясь.

— Неужели, в Снегирёве человек проснулся? — Марина без злобы, с изрядной долей жалости, то ли к девочке, то ли врачу, спросила Сашку, но, тут же поморщилась. — Пьяный?

— Бессмысленно отрицать очевидное.

— Обидно, в тебе жалость на трезвую голову не просыпается.

— Марина!

— Что «Марина»?

— И ты туда же?

— Именно я... Живо давай! — толкнула Снегирёва в спину, прекращая сотню раз изъезженный, набивший оскомину, разговор. И тут же запричитала совсем по-бабьи, — ужас-то какой, ужас... Автобус с детьми... и — всмятку... надо ж такое... И так без родителей живут, Богом обиженные, а тут... — и, всплёскивая руками, побежала вперёд, обгоняя нерадивого врача.

Слова, простые, как медный Советский пятак, больно резанули по сердцу, изрезанному тысячами мелких, но не рубцующихся ранок, Снегирёв закусил губу, примеряя на себе шкурку брошенных, ибо чувствовал себя таким же: ненужным и обездоленным. Вкоренившаяся мысль о ненужности и бесполезности, преследуя с самого детства, когда для родителей Сашка был в хорошее настроение игрушкой, в плохое — бесполезным и бессмысленным придатком, на который можно накричать и при случае ударить, а главное — слепить нечто, что не удалось вылепить из себя, ломая желанья и наполняя голову всевозможными «нельзя» и «надо», чёрной полосой протянулась через

всю жизнь, отравляя и без того не слишком радостное существование. Сашка никогда не чувствовал себя достойным. Ведь достоинство должно вбиваться, нет, впитываться с молоком матери, с примером отца, с пеленок, тогда оно реально и достижимо. А откуда ему взяться, достоинству, если с младых ногтей приходилось бояться: матери, готовой наказывать за малейший проступок, учителя, который по коридору бегать не велит. Пример брать не с кого — отец после развода пропал и больше не показывался, перебравшись с одного, южного, тёплого, края безграничного Союза в другой, северный. Домой придёшь, лучше соврать, чем признаться, что на помойку полез и штаны порвал, а вырос, в люди вышел — бойся жалобы, какой бы вздорной она ни была. Раз солгал, другой — какое уж там достоинство! И остаётся лежать в темноте ночью, признаваться себе и каяться в подушку или, что ещё хуже, но эффективнее, заливаться горькой.

— Александр Борисович, — официальный тон Марины оторвал от мыслей, настолько глубоких и потаенных, насколько неприятных, — вы мыться собираетесь? Операционная готова...

Человечек лежал на столе. Маленький, беззащитный от жесткости мира, пацанёнок, обделённый людской заботой до тех пор, пока не случится беда и взрослым не придётся вмешиваться, назначая себя ответственным за чужую жизнь по необходимости, чтоб потом с чувством гордости говорить о спасении детского тела, напрочь забывая, что души воспитываются в доброте. Возрастом — не старше Сашиней дочки. Боль снова пронзила тело, остриём впиваясь в сердце, и расплзаясь острыми иголками в голову и ноги. Пербитая нога поломанной палкой корячилась на столе,

едва держась за маленькое тельце. Кровотечение остановили. На месте раны — полотенце, прижимаемое кулаком. В голове — реаниматор и Марина. Лица — бледные и спокойные. Давление и пульс внутри этих глубоко уважаемых Снегирёвым людей — любой космонавт позавидует. Чуть в стороне — дежурный ассистент, недавно окончивший интернатуру и до самостоятельных операций не допущенный. Капельница налажена, кровь возмещает потерю, медленно переливаясь из ампулы в вену.

В голове нажималась невидимая кнопка, щелчок выдуманной автоматики — Саша, превращаясь в бесчувственный чурбан, наполненный профессиональными навыками под завязку, как желудок — плохо усвоенной водкой, становился хирургом, напрочь отбрасывая мысли кроме нужных. Целесообразность брала верх над сочувствием.

— Ну-ка, осторожненько убери кулак. Польется — заткнёшь.

Ассистент медленно убрал кулак — кровь не текла. Сняли полотенце — нет крови.

— Много потеряли?

— До хрена и трошки, — буркнул реаниматор.

— Отличная мера, — огрызнулся Сашка, зная — реаниматор делает всё правильно, контролировать не надо.

Дальше работа — происходящее на столе — раскрытие раны, осмотр дробления — происходила отрешённо, но чётко и в подробностях откладывались в голове. Мальчик спал. Снегирёв раскрыл рану шире — кровь, яркими каплями заполнила полость и окрасила стол. Марина, не дожидаясь приказа, лёгкой рукой сдавила выше артерии — остановилась. Сестра,

ассистирующая при операции — клад для хирурга. Сашка убрал сгустки, поставил зажим. Выделяя огрызок развороченного ударом сосуда, подтянул. Перевязать и отсечь у самой аорты. Всё. Ноге конец. Кровь туда больше не идет. Вниз по этой ноге кровь больше не идёт. Сашка зашил и перевязал все места, откуда может течь кровь. Опасность ушла. Теперь надо думать. Теперь можно думать. Давление хорошее. Кровопотеря восполнена. «Попытаться... Нет, не риску». Одно дело ногой рисковать, другое — жизнью. Рану Снегирёв зашивал медленно, оттягивал время. Ненавистная ампутация. Обрезать росток молодой жизни, ещё не начавшейся, не расцветшей, но уже искалеченной и раскуроченной.

Медленно, будто подымаясь на эшафот, Сашка начинал ампутацию. Тянуть некогда и не за чем...

...Ногу уносили из операционной, Снегирёв шёл сзади. Душа, опустошённая, отлетела в сторону, отказываясь сидеть в брэнном теле. Мерзкое настроение, его полное отсутствие, навалилось, придавливая к земле тяжёлой греховной пятой. Ампутация наглядно ставя на место, подчёркивает беспомощность. Именно ампутация... Удалишь часть кишечника, зашьёшь — и все выглядит как обычно. Кому дело до нутра? А тут — раз, и нет ноги. И всем видно.

Тяжело переставляя ноги, Снегирёв вышел на душную прохладу летней ночи. Пряный запах цветения ласково прикоснулся к губам. Отрава хмеля прошла, оставляя в душе опустошение, какое не снилось Мамаю. Яркая мысль, вспыхивая в голове, прогнала вальяжность выполнившего работу. Маша Малютина!.. Шоколадка!.. Снегирёв улыбнулся. Нельзя обманывать детей. Нельзя забывать обещание, им данное.

Они меньше других защищены от обмана и больше других от него страдают, забывая верить в чудеса.

В бумажнике зашуршала деньга, окошко ночного магазина, тревожно хлопнув, осветилось заспанным лицом знакомой продавщицы.

— Саша? Ты ж вчера на ночной был... не спишься?

— Аврал... Труба позвала, — горько отшутился Снегирёв.

— Водки?

— Типун тебе... Шоколадку, — видя, как брови удивлённо полезли вверх, торжественно добавил, — с орехами и изюмом. Получше выбери... И апельсинов дай... И яблочек...

Наскоро расплатившись, почти бегом бросился назад.

Травматология встречала привычно. Как и любое прочее отделение. За жизнь наглядевшись всевозможных больниц, Снегирёв не обращая внимания на интерьер, будто его не было, видел суть — страдание, навязанное неправильной и несправедливой жизнью, собственной либо чужой. Душевный раздрай, подогреваемый надеждой встречи, умиротворенно сходил на нет. Сашка, идущий в палату к незнакомой, единожды виденной девочке, нуждался во встрече не меньше её, желавшей получить внимание и умеющей его подарить, принимая простую, неказистую заботу. Словно попавший под дождь пёс, едва помахивая поджатым хвостом, с надеждой глядящий на редких прохожих, в ожидании приглашающего жеста и тёплой руки, поглаживающей мокрый нос.

— Маша Малютина где? — дежурная удивленно оставилась на Снегирёва.

И так же удивлено ответила:

— В морг увезли уже, — растягивая слова, словно не понимала, зачем сияющему Снегирёву понадобилась умершая девочка из соседнего отделения.

Улыбка свалилась с лица, как слой штукатурки обрушивается с размокшей стены.

— Как? — не веря в истинность слов, но, откровенно понимая — шутить дежурная не станет, Сашка замер. Ноги, непослушными столбами вросли в холодный пол, рука, застывая в нелепом, неоконченном движении, сжимала пакет с фруктами. — Перелом же...

— Разрыв печени... Проглядели... — грустно ответила врач. — Никаких клинических проявлений, будто не было...

Не помня себя, Снегирёв слетел с лестничных пролетов, и, очухался, когда дрожащая рука, с нервно трясущимися, профессионально ухоженными пальцами, протягивала грязные, засаленные купюры в узкое окно магазина.

— Водки, — сдерживая глухой стон, выдавил Сашка.

— Фрукты уже закончились? — улыбка осветила посеревшее и состарившееся вмиг лицо доктора. И слова замерли ледяным потоком. — Саша, что-то случилось?

— Водки! — не в силах молвить другое, выдавил Снегирёв.

Холодная полулитра перекочевала в руки, меняя хозяина, не видя дороги, Саша пошёл. Сквер больничного парка с привычкой натруженного работника приютил беглеца. Скамейка, стоящая рядом с заплёванной мусоркой и раскидистый старый клен, грустно склоняющий ветви над страждущими приюта.

Крышка, деловито хрустнув, отлетела в сторону, с тревожным стуком покатавшись между выщерблин асфальта. Саша запрокинул горлышко, и зелёный змий, деловито булькая, тонкой, размеренной струйкой потёк через дозатор, раздражающе малыми дозами. Саша поперхнулся, глотая отвратительную, не лезущую в глотку, жидкость, но только она была способна унять бушующий пожар. С непонятной ненавистью, изливая вспыхнувшую злобу, Саша вцепился зубами в горлышко, стараясь выковырять дозатор, с остервенением прогрызая неподатливую пластмассу, пока не услышал тоскливый хруст стекла и не ощутил привкус крови. Язык онемел. Снегирёв, с животным остервенением ударил бутылку о скамью, и горлышко, возмущенно звякнув, откатилось прочь, оцетинив бутылку острыми краями. Доктор, не обращая внимания на мелочи, перевернул водопад забвения, вливая его в бедовую глотку, стараясь растворить ненависть к несправедливому миру. Зашуршав обёрткой, развернул шоколад, так и не достигший адресата, и не чувствуя приторно-сладкого вкуса, прожевал. И, влив следующую порцию, снова закусил.

Приговорив бутылку, долго сидел в немом оцепенении, теряя чувствительность и опустошая чумную голову от мыслей. Минуты текли вязкой рекой времени, замедлив бег до рассвета, разрешая ночи притормозить бег звезд. И только тогда почувствовал непривычную тяжесть в животе, подкатывающуюся к горлу — отвратительная струя желчной горечи, водки и мерзкой сладости шоколада, не сумев удержаться внутри, брызнула наружу, беспощадно марая потерявшую божеский вид, рубашку.

Снегирёв зарыдал. Горько, как плачут дети... Рыдал, как не мог вырветься долгих двадцать лет, едва перешагнул срок детства и шагнув в отрочество. Рыдал, как будет плакать мальчуган, когда поймёт, что с ним произошло и так, как уже не сможет плакать девушка, так и не попавшая домой, в дом, которого у неё не было, и не обнявшая на ночь плюшевого мишку, которого ей никто не подарил.

— И ведь мог догадаться... ведь мог... Говорила же... говорила... Животик болит... животик...

Беспомощно заваливаясь на бок, Снегирёв свернулся калачиком, и тяжелое хмельное небытие накатилось тяжелой пеленой, лишая всего — горестей, которых было пруд пруди, и радостей, маячивших на горизонте миражом не случившихся событий.

— Больной, возьмите себя в руки, мы отрежем вам ноги, — процедил он непослушными губами шутку чёрного юмора, от которой никогда не становилось смешно, а хотелось плакать еще горше.

Елена

Бондаренко

КОЛДУН

Отрывок из повести «Чёрный бригадир»

Река Мокша разлилась на несколько сот километров и имела довольно живописные и извилистые берега. На одном из самых крутых изгибов образовался полуостров. Там в чаще леса обитал колдун. Тот самый злой сказочный персонаж часто упоминаемый в народном эпосе многих стран мира. Колдун этот держал в страхе и подчинении все близлежащие сёла и деревни. Местные говорили о нём, понизив голос до шепота и боязливо оглядываясь, как будто он мог их услышать. Рассказывали, что колдун всё о каждом из них знает и собирает дань. Если кто-то ослушается — накажет жёстко! Или скотину заморит, или самого хозяина — как повезёт. Сергей узнал о нём почти сразу, как только приехал в село. Во все эти сказки он не верил, и такая боязнь местных аборигенов его изрядно забавляла. Высокий, стройный, молодой мужчина уже не первый год мотался по разным стройкам. За плечами было высшее образование, неудачный брак и немалый опыт работы на подобных объектах. Бригада, которую он набирал заранее, уважительно назы-

вала его Бригадир. Он, с бригадой рабочих, подрядился строить здесь плотину.

Случай навестить местную достопримечательность представился быстро. По соседству с домом бабки Лукиной, у которой он снимал угол, жил мужичонка средних лет со странностями. Внешность имел специфическую: высокий, как жердь, острые худые плечи выгибал, как крылья, вверх и назад. Бледное невыразительное лицо с прямым носом заканчивалось аккуратной бородкой, а светло-голубые глаза прикрывала тоненькая полоска прозрачных очков в золотой оправе. При близком знакомстве и общении выяснилось, что человек он интеллигентный, образованный — физик-теоретик. Зовут Владимир, живёт в Ленинграде. Приезжает в это село регулярно для изучения аномальной зоны, которая находится на полуострове. Физик зачастил к Сергею в гости и разговоры вёл непростые, как бы прощупывая его способности и интеллект. Удовлетворившись в наличии оных, да ещё в немалых объёмах, он открыто заговорил о непознанном и взаимосвязи всего живого в Природе. Что кроме видимого мира, есть другие — тонкие, невидимые. Почесав кончик носа и поправив очки, он вдохновенно и пространно объяснял, что весь наш хрупкий видимый мир нужно понимать и беречь. Что мы ничего не знаем о потустороннем, тонком мире. О сущностях живущих рядом с нами, питающихся нашей энергией, но во многом от нас зависящих. Говорил о многополюсности и четырёхмерном измерении. Что теория трёхмерного измерения ошибочна и он, когда-нибудь, обязательно это докажет. Однажды в субботний банный день, физик предложил

Сергею экскурсию к месту накопления силы. Он сказал, что раньше на полуострове был графский конный завод и имение графа N. От графской усадьбы остался полуразрушенный дом, а в чаще леса есть старая изба. Живёт в ней колдун который творит невообразимые вещи!

— Вы там увидите такое, что присущее Вам неверие и ярко выраженный скептицизм развеются в прах!
— Убеждал он Бригадира, — Вы не поверите своим глазам, уверяю Вас!

На полуостров добирались верхом на лошадях. Физик знал тайные тропы сплошь усеянные грибами. Грибов и ягод было видимо-невидимо. Сергей никогда не видел столько всего и сразу. Владимир объяснил это просто:

— Полуостров занимает площадь порядка двадцати пяти километров, бо́льшая часть территории — лесной массив и болота. Грибов, ягод, шишек здесь полно! Собирать-то некому. Местный люд весьма суеверный, хоть и изрядно пьющий... в лес ходить боятся. Гнева духов боятся и колдуна... Уж и не знаю кого больше! — Хихикнув, изрёк теоретик, чуть прищпорив коня, — Говорю же — тёмный народец! Я б даже сказал — дремучий!

Берег быстрой и шумной реки обрывался без предисловий — чуть оступился и ауу!

— Течение здесь быстрое. Глазом моргнуть не успеете — унесёт! — Подмигнув, весело сообщил Владимир. — А воон там, посмотрите внимательно между деревьев, видите — озеро блестит, видите? — Ооо, это очень странное и загадочное место! Отец этого самого графа N. давно, ещё до революции, построил на

этом месте храм. Опираясь на письменные свидетельства и рисунки — величественное, скажу я Вам, сооружение! Высокое каменное строение с куполами, портиками и лепниной. Проходила в нём служба или нет, — не знаю, но, как утверждают очевидцы, — в одну ночь храм ушёл под землю! Весь... — Физик, как будто сам поразившись сказанному, печально замолчал. — Да... вот так... раз и нет его! Карстовая пещера обвалилась или что ещё — не ведаю. Котлован быстро заполнился речной водой и подземными ключами — так образовалось это озеро... Вода в нём холодная и прозрачная, а если заплывать на середину водоёма видны купола и крест...

Сергей удивился и переспросил, потянув удила на себя, отчего лошадь взбрыкнула и чуть не сбросила его на землю:

— Что, правда видны купола?!

Володя посмотрел на него как-то затравленно. Бригадиру даже показалось, что в его глазах вспыхнул страх! Он с горечью в голосе подтвердил:

— Да, видны... все три... и крест... тоже...

И снова Сергею показалось, что физик чего-то боится. А тот продолжал рассказывать:

— Странная там вода... мёртвая... — если кого заманила — не выпустит...

Владимир снова о чём-то глубоко задумался и какое-то время они перемещались молча, слушая мерный шум реки и щебет птиц. Сергея подмывало расспросить об этом озере ещё что-нибудь, но физик вдруг остановился:

— Вот и пришли.

На поляне, лысой, как коленка в окружении по-

валенных, полу-сломанных берёз и сосен, стояла бревенчатая, почерневшая от дождей и времени, изба. Возле неё сарай под деревянным навесом, заваленный с одной стороны дровами и разной утварью, а с другой коробками разных размеров с яркими этикетками. Мужчины спешили и привязали коней.

На лавке возле дома сидел старик лет восьмидесяти. Волосы длинные и седые, лицо суровое, обветренное с впалыми щеками и широким тонкогубым ртом. На коленях лежала объёмная книга. Подойдя ближе, мужчины могли её рассмотреть внимательнее: листы из светлой выделанной кожи с выдавленными пуклями разной величины: кружки, квадраты, звёзды, полумесяцы. Сами эти выпуклости были тёмными, а лист светлый. Старик водил по ним сморщенными крючковатыми пальцами, читая одному ему понятные символы. Он не сразу их заметил, а когда поднял глаза — Бригадир вздрогнул всем телом. Белки глаз были жёлтые, а радужка белёсая, как у рыбы, с чёрной сверлящей точкой по центру. Колдун спросил глухим голосом с нажимом, натужно, выдавливая звуки сквозь плотно сжатые зубы:

— Зачем ты, Во-ва, при-шёл?.. Чер-та´ посмотреть?

Физик кивнул. Старик легко поднялся, бережно закрыл книгу с тёмно-коричневой, кое-где протёртой до серого, обложкой и подошел к ним:

— По пя-тё-роч-ке!

Они отдали по пять рублей. Колдун, проходя мимо Сергея, чуть приостановился, скривился и пригнулся. Его длинный нос шумно втянул воздух. Выражение лица на мгновение изменилось. Он встряхнул кудлатой головой, как бы сбрасывая наваждение и

снова внимательно посмотрел на парня. От этого пристального взгляда у Бригадира мурашки предательски поползли по спине. Но старик уже отвернулся и привычным жестом указал куда сесть. Одним движением он резко открыл ляду. Пару секунд ничего не происходило, и вдруг! Из подвала скачком, сразу на обе ноги, выпрыгнула сущность. Коренастая, где-то под метр семьдесят. Без одежды, тело покрыто короткой, жёсткой и острой, как иглы, шерстью. Кривые ноги заканчивались копытами, но хвоста не было, во всяком случае, Сергей его не заметил. На голове маленькие, сантиметров 12, рожки, направленные назад, морда покрыта шерстью, как у козла. Существо стояло на полусогнутых ногах, немного заторможенно озираясь по сторонам. Спина его горбилась, при этом хребет сильно выпирал через кожу. Существо было довольно худое, но с мощным торсом и мосластыми коленями. Постояв так пару минут, оно резко прыгнуло в подвал, а старик тут же закрыл крышку.

Обернувшись и прищурив страшные прозрачные глаза, без усмешки и какой-либо иронии, старик так же сквозь зубы припечатывая каждый слог, спросил:

— Ещё по пя-тё-роч-ке?

Те переглянувшись, пришибленно закивали и отдали деньги. Дед снова открыл ляду.

Сущность мгновенно выпрыгнула и замерла. На этот раз ракурс был несколько иной и парни смогли рассмотреть другие подробности. Кожа у существа была плотная и тёмная, как у животного. Руки длинные, мускулистые, с крупными ладонями и длинными чёрными когтями. Тазобедренные суставы торчали, как лопаты. Оно водило красными воспалёнными глазами поверх голов как будто вокруг было темно и оно

пыталось что-то разглядеть. Нос, с большими овальными, как маслины ноздрями шумно втягивал воздух, грудная клетка узкая, выдавленная вперёд вздымалась при каждом вдохе. Существо задышало активнее, приплюсываясь и разворачиваясь в сторону парней, но дед что-то произнёс на тарабарском непонятном языке, и оно покорно спрыгнуло в подпол. Мужчины ещё несколько секунд сидели молча, боясь шевельнуться. Сергей не понимал, что же только что произошло и что он видел. Физик, довольный произведённым впечатлением, горящими глазами поймал взгляд Бригадира, как бы спрашивая: — «Ну, как тебе такое приключение?! Впечатляет?!» Дед куда-то вышел, и они смогли осмотреться. В центре комнаты печь, которая делила помещение на две части. За печкой стоял лежак накрытый тулупами, по периметру пара лавок и стол. Над столом и над печкой свисали гирлянды из кореньев, трав и сухих грибов. В углу пылился десятилитровый бутыль с мутноватой жидкостью. Бригадир предположил, что это сидр, в этой местности все делали вино из яблок и гнали вонючий сивушный самогон. В предбаннике оседлали друг друга три телевизора в коробках, чуть дальше два дефицитных холодильника в упаковке и ещё какие-то новые вещи. Сергей поискал шнуры, но не нашёл — электричества в доме не было, потому и стояли все эти подарки бесхозными.

Старик их не провожал. Когда они вышли, он возился в сарае и даже не обернулся.

Всю неделю Бригадир был занят, а на выходные решил сходить к странному озеру — рассказ физика не отпускал и хотелось самому посмотреть на это чудо. Кроме того, его тянуло к деду! Он как будто

встретил родственную душу. Странно, но Сергей не испытывал к нему ни страха, ни неприязни — только любопытство и желание помочь. Соорудив из подручных материалов удочку, рано утром он завёл инвалидку (купил по случаю у одного местного алкаша) и уже через полчаса въехал на полуостров. Через некоторое время машина неожиданно вздрогнула и заглохла. Мужчина, пытаясь завести мотор, вдруг увидел колдуна. Старик стоял перед машиной, расставив руки, как будто хотел кого-то поймать, без предисловий, сказал натужно, сквозь зубы:

— У Лукиных живёшь? У Лукиных? Я знаю. Тебя Сергей зовут. Серёжа. Ты хорошая заготовка. Редкая. Таких годами ищут, а ты сам ко мне пришёл. Сам. Лечить людей, будешь... но не сейчас... слаб ты ещё, слаб. В ученики ко мне пойдёшь, Серёжа?

Бригадир, слегка шокированный, — не знал, что ответить. А колдун и не ждал ответа. Он часто задыхался, громко выпуская из раздутых ноздрей воздух и вдруг зашипел: — Не ходи к озеру, Серёжа! Беда может случиться! Опасно там! — Сказал и ушёл так же внезапно, как и появился.

Сергей повернул ключ, инвалидка дёрнулась и завелась. Поколесив по полуострову, боясь угодить в болото, Бригадир всё же нашёл нужную поляну. Вода в водоёме действительно оказалась потрясающе прозрачной! Мужчина пристроился на твёрдой насыпи и, закинув удочку, стал ждать поклёвки. Просидел так до обеда... Прохладное утро цепляясь за верхушки деревьев, растворилось в ярких лучах летнего солнца. От полуденного зноя прозрачное марево поплыло над озером, втягивая в себя зазевавшихся комаров и

накрывая дымкой зеркальную поверхность воды. Сергея разморило от однообразия. Мотыль, нанизанный на крючок, размокал и его приходилось менять, но к удочке не приплыла ни одна рыба! Даже намёка на клёв не было! Чтоб окончательно не уснуть, Бригадир разминал ноги, осматривая побережье. Так он нашёл чью-то лодку-плоскодонку с самодельными вёслами. Недолго думая, прыгнул внутрь, оттолкнулся от берега и погрёб, периодически останавливаясь и всматриваясь в воду. Примерно на середине озера, к своему невероятному удивлению, он действительно увидел купола и кресты! Верхний большой купол был ближе других, но не позолоченный, как он предполагал, а тёмно-серый с зеленым налётом и с матовой макушкой креста. Ему показалось, что большой купол близко к поверхности — можно достать, если нырнуть. Он быстро разделся и бульк! Нырнул метров на пять-шесть и только после сообразил, что что-то не так, но продолжал по инерции плыть вглубь. Вода была не просто холодной — ледяной! И было в ней что-то ещё... У Сергея возникло такое ощущение, что его объедают! Нечто обволакивает его тело и жрёт! Чудовищная резкая боль в голове и во всём теле стала невыносимой! Каким-то чудом он вынырнул из этой вязкой страшной воды и буквально заскочил в плоскодонку! Не давая себе расслабиться он грёб и грёб к берегу что есть сил! Вывалившись из лодки — упал в траву и катался по ней с диким воем, как сумасшедший! Боль захлестнула всего! Голова разламывалась и казалось, что она сейчас взорвётся, как граната без чеки! Суставы выворачивало наизнанку, кожа горела огнём, всё ещё ощущая чьё-то жуткое прикосновение!

Сколько времени всё это продолжалось — он не помнил. Очнувшись оттого, что какой-то мелкий мужичонка с невероятно подвижным лицом предлагал ему помощь. Он поднял на него безумные глаза и вдруг поймал себя на мысли, что ему хочется его убить! Уничтожить! Растоптать! Ярость перекосила рот и он готов был напасть! Мужичок попятился назад, прикрываясь руками, а затем, как-то странно захихикав — сбежал. Сергей, ругаясь от невыносимой боли и злости, сел за руль и, как в бреду, прикатил домой. Там он забрался с головой под перину и забылся тяжёлым тревожным сном. Утром хозяйка отпаивала его травами и всё причитала:

— Не нужно было к поганому озеру ходить, Серёженька — нет в нём рыбы! Только зло! Столько людей утатило! Манит куполами и убивает! И что странно — тела утопленников не находят вовсе! А те, что нашли — искорёженные, как будто их пережевало и выплюнуло какое-то огромное страшное существо. А тебе, сынок, повезло очень...

Сергей ещё пару дней болел, а когда вышел на работу его вызвал к себе председатель колхоза Иван Михайлович, которого за глаза называли Клык.

Это был невысокий, носатый мужик с огромным размером ноги и постоянным запахом перегара. Прислышав, что Бригадир хорошо разбирается в технике, он попросил Сергея починить жатку. Это насадка на комбайн для разных сельхоз работ. Бригадир не отказался и Михалыч тут же вручил ему ключи от кузни. Провозился Бригадир долго, но сделал так, что все ахнули! Теперь эта жатка выдавала по три нормы! Там же в кузне, Сергей увидел огромную катушку электрического кабеля. Попросил председателя вместо

оплаты метров сто электрического шнура — тот даже обрадовался:

— Бери, что хочешь! Что говоришь, розетки нужны, выключатели, лампочки, кошки? — Бери всё, что нужно! Не жалко. Этого добра навалом! — Изрыгая густой запах сивухи, расщедрился Михалыч.

Погрузив провод и прочие комплектующие в багажник «инвалидки» Сергей рванул на полуостров к деду. Колдун его ждал:

— Здравствуй, дедушка. Я привёз кабель — буду тебе свет в дом проводить.

Дед как-то странно посмотрел на парня и молча зашёл в дом. Бригадир пожал плечами и приступил к задуманному. Он видел на некотором расстоянии от дома столб. Залез, подсоединился. Перекинул провод на берёзу и дальше. В доме сделал три розетки, пару выключателей и пару лампочек. Всё напрямую — без счетчиков и переключателей! Пока работал, к деду пришёл гость — плотный лысый мужичонка с каким-то свёртком. Он сильно потел и прятал глаза. Старик развернув кулёк — затрясся весь от злости. Страшные белёсые глаза стали безумными! Он снова шумно и часто засопел, накачивая себя. Не размыкая губ, сквозь зубы, выдавливая слова по слогам, заорал:

— Что ты принёс?! Я тебе что велел принести?! Страх потерял?! Так я тебе напомню!

Лысый закрыл лицо руками, как от удара:

— Нет у меня больше! Всё принёс, всё!

Колдун поднёс большой палец к его потному лбу, прищурился, как бы прислушиваясь и оттолкнув мужика, гаркнул:

— Врёшь! Пропил больше! Ступай! Сегодня же корова во дворе сдохнет!

Мужик попятился назад, прикрывшись руками! Сергею было неприятно и странно наблюдать за всем этим действием. Лысый дрожал мелкой дрожью и боялся смотреть колдуну в глаза. От так жалобно умолял, просил:

— Пожалей! В другой раз больше принесу! Слово даю! Не трогай Маньку — одна ведь осталась! Смиии-лууу-сяяяа! — Протяжно, как баба на похоронах, завыл лысый.

Дед лишь сплюнул в его сторону и отвернулся.

Сергея эта сцена покорила, но вмешаться не посмел. Он ещё долго возился, и к вечеру всё было готово. Подключил холодильник, а к цветному телевизору «Электрон» сделал примитивную антенну из проволоки и труб. Чуть повозившись с настройкой, позвал деда. На экране появился циферблат часов с бегущей секундной стрелкой. Включилась музыка Свиридова «Время вперёд!» на фиолетово-синем экране появился вращающийся земной шар и звёзды. Из шара выпала кремлёвская золотая звезда и луч из неё облетел землю. Из глубины шара появилось слово «ВРЕМЯ» также оставляя за собой голубые лучи. В правом углу высветилось «ТВ» СССР» и затем на фоне Кремля появились ведущие в строгих костюмах: Юрий Летунов и Анна Шатилова. Старик стоял, как вкопанный! Он смотрел на экран широко открытыми своими безумными прозрачным глазами, с некоторым страхом и любопытством ребёнка. Весь этот управляемый им низкий мир был ничто на фоне этого чуда по имени телевизор! Он заворожённо смотрел на мелькающие картинки экрана. На нём ведущие по очереди рассказывали о последних новостях в стране и за ру-

бежом, перемежая всё это картинками с места событий. Сергей пытался его отвлечь, сказать, что уезжает, но понял, что это бесполезно. Хорошо хоть предварительно объяснил деду, что телевизор можно выключить выдернув вилку из розетки.

На следующий день, к ним на объект прикатил на старом раздолбанном Уазике председатель и, подождав к себе бригадира, слёзно попросил временно взять под своё руководство бригаду женщин.

— Пойми, Валя Холод, их бригадир, заболела — ноги отказали! А бригада бесхозной осталась. Разбегутся ведь. Выручи, возьми себе. Опять же, заработаешь дополнительно — деньги там хорошие!

Сергей знал Валю. Пересекались — колхоз, не город — все на виду. Хорошая, работающая женщина из Донецка. Маленького роста, но очень сильная и выносливая, как мул! Пришлось согласиться. Расспросив у девчат где можно найти их бригадира, мужчина направился в старую баню на краю села, где эта Валя отлёживалась. Вокруг бани разрослась высокая сочная крапива, закрывая дощатую дорожку. Ещё какие-то ароматные травы, окутанные вечерней росой, напитали воздух пряностями настолько концентрированно — хоть пей! Закатное солнце подкрасило малиновым абрисом просевшую деревянную крышу бани и всё видимое пространство вокруг! Былинный лес, подступивший почти вплотную, окутанный туманом и звуками, казался сказочным. Появилось ощущение, что сейчас над лесом появится ступа с хихикающей бабой Ягой.

Валя лежала на топчане, обречённо глядя в потолок, затянутый паутиной. Некогда округлое лицо за-

острилось, щёки впали и приобрели нездоровый оттенок. Сергей осмотрелся. Возле топчана стояло ведро с водой и громоздкий табурет с выдавшей виды железной миской. На другом стуле лежали, сложенные неровной стопкой, какие-то вещи, за стулом ещё один топчан, накрытый пёстрым покрывалом. За больной ухаживала однорукая молодая татарка. Она исподлобья взглянула на высокого молодого темноволосого мужчину и неожиданно, с мягким восточным акцентом, выпалила:

— А я Маринэ!

Сергей недоумённо уставился на молодую женщину. В её больших карих глазах, под сросшимися бровями, была какая-то чертовщинка. Она широко улыбнулась и добавила:

— Меня зовут Марина.

Мгновенно пошли строчки: «Я слепил из пластилина пучеглазую Марину с маленькими рожками и с кривенькими ножками». Он ей игриво подмигнул, отчего щёки женщины мгновенно стали пунцовыми, и отправил погулять. Бригадир решил помочь. Опыт кое-какой был, но риск, что что-то пойдёт не так, немного беспокоил. Успокаивало знание сопромата и необходимость поднять бригадира на ноги. Обмотав не очень толстое полено полотенцем, взятым из стопки белья на стуле, он положил его под спину женщины и толчком выщелкнул стволуной нерв. Женщина вскрикнула и застонала. Сергей попросил её пошевелить пальцами ног — они слушались. Слегка размяв мышцы на её бёдрах и икрах, он помог Валентине согнуть ногу в колене — получилось. Парень спустил её ноги с кровати и она, с трудом, но встала, придерживаясь за Сергея. Работать она ещё не могла, но зато

появилась надежда на выздоровление — нужен был свежий воздух, нормальное питание, покой и уход. Всё это Бригадир ей обеспечил.

Бригада женщин занималась прополкой сахарной свеклы. Условия председатель поставил жёсткие. Закончить нужно до определённого числа — иначе штраф! Если не успевали — за каждый просроченный день теряли в деньгах. А тут, как назло, каждый день ливень! Только-только выцапают — снова бурьян стеной! Председатель знал, что задача почти невыполнимая — дождь остановить невозможно, но ничего не сказал и никаких поблажек не сулил — одни убытки.

Дома хозяйка Лукина, видя, как он нервничает, подсказала, что ему может помочь колдун. Мужчину, вытаращив глаза, удивился:

— Как?! Он может остановить дождь?!

Баба Оля спокойно и уверенно подтвердила:

— Может! Он всё может!

Сергей вышел на крыльцо. Тяжелые тучи плотной завесой затянули всё видимое пространство. Нудный затяжной дождь косой стеной полоскал дома, лес, поля... В том числе поле сахарного бурака, которое бригада девчат никак не могла закончить к обозначенному сроку. «Когда ж ты прекратишься?!» — Зло окинув взглядом небо, подумал Сергей. Вернувшись в дом, он надел плащ, высокие резиновые сапоги и, особо не надеясь на благоприятный исход, поехал на полуостров. Дед смотрел телевизор. С тех пор, как Сергей провёл в его избу свет, старик забросив все свои дела, сидел перед экраном, боясь пропустить хоть слово!

— Чего ты пришёл, внучок? Что попросить хо-

чешь? Для тебя всё сделаю! — Опережая вопрос спросил колдун.

Парень вкратце объяснил ситуацию.

— Остановить дождь? — Ничуть не смущаясь, спросил дед, — На сколько? Недели хватит, внучок? — Сергей кивнул, — Подожди, я сейчас, сейчас.

Он взял со стола нож, зажал его между двумя пальцами лезвием наружу и, открыв форточку, швырнул нож в небо. Через три-четыре минуты в тёмной, налитой влагой, туче образовалась мутно-жёлтая брешь. Сначала маленькая, затем она начала раздвигаться. Из неё выглянуло солнце и дождь прекратился.

— Всё, внучок, иди. Или ещё чего попросить хочешь?

Сергею ничего больше не нужно было. Он ошарашенно смотрел на небо и улыбался на все тридцать два зуба!

— Спасибо, Дед! Я побегу — работы много!

Старик без улыбки посмотрел на парня:

— Иди, внучок, иди, работай. Не волнуйся, всё успеешь. Ты приходи ко мне, приходи. Смышлёный ты, внучок. Мне такой нужен. Заготовка-то и впрямь хорошая...

Молодой мужчина, пока ехал домой на своей грохочущей инвалидке, вспоминал всё, что говорил и делал колдун. От увиденного мурашки по коже бегали! Мысли роились: «Немыслимо просто! Как он это сделал?! Кааак?!!! Ножичек в окошко фьють! И получите солнце! Даа уж... кому скажу — не поверят! И слова эти странные «заготовка хорошая». Хмм... заготовка... для чего? Ощущение, что колдун его рассмат-

ривает, как Папа Карло из известной сказки А. Толстого рассматривал полено, чтоб отстрогать послушную куклу. «Неет, дед, прости, но я не твой Буратино!»

Всю неделю бабы вместе с новым бригадиром полели свеклу до самой ночи и до седьмого пота! Погода стояла жаркая и солнечная, но ровно через неделю небо обиженно нахмурилось и снова зарядил нудный, затяжной дождь! Когда Бригадир рапортовал председателю об окончании работ, тот взглянув на него исподлобья, процедил сквозь зубы:

— К колдуну ходил?!

Сергей, не опуская глаз, кивнул. Клык, зло смежив парня мутно-зелёными глазами и сплюнув под ноги, прошипел сквозь зубы:

— Ну-ну... доиграешься, пацан!

Пришлось-таки Михальчу раскошелиться и выплатить всю сумму обозначенную в договоре.

Обе бригады разъехались по домам, и только четверо остались крыть крышу весовой в двадцати пяти километрах от этого села. Работы не много — за неделю должны управиться. Бригадир тоже остался — не столько из-за обещанных денег, сколько из-за родного брата колдуна. В последний день он случайно узнал, что недалеко от Сасово, в котором подрядились крыть крышу, жил его брат-близнец Трофим. В отличие от своего брата, он помогал людям, делал мази, чагу, настои, питьё. Лечил различные аномалии: родимые пятна, незаживающие раны, гнойники. Полностью излечивал трофические и другие язвы, брался за онкологию. Предсказывал судьбы людей. Мог всю жизнь рассказать от рождения до тризны. Шли к нему

со всей округи. Приезжали из больших городов. Больные селились на его подворье неподалёку в маленьких домиках, похожих на огромные ульи. Некоторые лечились у деда месяцами.

Вот и Сергей, как только о нём узнал — не смог удержаться, чтоб не навестить доброго колдуна.

Только вот поехать к нему никак не получалось, пока не случилось непредвиденное.

В районе народец был разный, и среди них имелись пришлые, в том числе судимые. Бригадир проснулся не в духе — ночью кто-то стащил его брюки. «Вот же ж гадство! Хоть под подушку их прячь — упрут!» — Ругнувшись, Сергей достал последние спортивки и пошёл на работу. Впереди, метрах в тридцати от него шла молодая женщина. Мужчина без особого интереса рассматривал её нескладную фигуру: тяжёлый низкий зад, полное отсутствие талии и громадные плечи. Он уже догадывался как она выглядит спереди. Примерно так же, как большинство местных женщин — огромный грачий нос и какие-то пустые бесцветные глаза. Сергей невольно хихикнул, вспомнив «Собачье сердце» Михаила Булгакова финальный эпизод, где Шарик задумался о своей родословной. Тому неописуемо свезло с потаскухой-бабушкой гульнувшей с водолазом, что помогло ему окончательно утвердиться в квартире профессора. А в происхождении этих особ точно было что-то нечисто — их предки, видимо, вели свой род от грача или ворона. Он снова невесело усмехнулся и прибавил шаг. Когда дошли до моста, из-под него неожиданно выскочили два бритых парня. Один вырвал у женщины сумку, другой схватил за руку пытаясь утащить под мост. Женщина что есть силы заорала на всю

округу! Не долго думая, Сергей решил вмешаться. Парень он крепкий, каратист, к тому же железки тягает регулярно, поэтому, отшвырнув того, кто тащил девушку, он догнал вора с сумкой и сначала нанёс ему удар ногой по почкам, а потом кулаком в челюсть! Развернувшись к первому только собирался показать мастер-класс, как бандит метнул в него ножичком. Успев сгруппироваться, Сергей прикрылся ногой и нож насквозь прошил колено! В горячке, ещё не чувствуя боль, он выдернул нож и раскидал барыг, как мячики в пинг-понге. Те, кроя его матом и сплёвывая кровь, спешно ретировались. Девушка сбежала ещё во время драки. Только оставшись один, Бригадир почувствовал невыносимую боль! Кровь лилась ручьём, заливая почти новые спортивные штаны: — Тьфу ты, зараза! — Скривился Бригадир, — Последние штаны порвали, уроды!

Он свернул в несколько слоёв штанину и поверх затянул её майкой. Кровь остановилась, а боль только усилилась. Пришлось возвращаться. Кое-как дотащился до конюшни. Конюх Григорич помог ему перевязать рану, дал лошадь и сказал, чтоб срочно ехал к колдуну Трофиму. Объяснил куда ехать, где свернуть:

— Дом у колдуна высокий, приметный — мимо не проедешь!

Стеганув коня, долго смотрел ему в след. Сергей держался из последних сил — нога распухла, поднялась температура. Его открытое загорелое лицо стало мертвенно бледным, глаза лихорадочно блестели, а пухлые губы потрескались. Он почти не помнил, как добрался до места.

Дед Трофим помог ему слезть с лошади, усадил на завалинке и только после этого спросил:

— Так значит ты брата моего знаешь?

Сергей удивился:

— Да... знаю... Откуда Вы? — Но тот перебил:

— Знаю и всё тут... Хватит об этом! Горишь весь... Счас больно будет — потерпи, скоро полегчает.

Он взял палочку, постругал её ножом. Заставил задрать штанину и эту палочку вогнал в рану насквозь! Ошалевший от дикой боли, Сергей как безумный смотрел на окровавленную палку и на деда, а тот хладнокровно, уверенным движением влил в открытую рану черную маслянистую жидкость, пахнущую дёгтем. Боль оглушила! Как будто в рану влили расплавленное железо. Первым желанием Сергея было, со всей молодецкой дури, врезать целителю по его выразительному носу! Но он, скрипя зубами, передумал. Почуввав неладное, дед, слегка отстранившись, тихо сказал:

— Терпи, терпи, парень — шас полегчает.

Через короткое время боль, сузившись из обширной в точечную, стала утихать. Старик отвёл его в пчельник с ульями, там лежала солома напитанная запахом трав и мёда — на неё и уложил больного. Заботливо укрыл старым офицерским плащом и ушёл. Сергей проснулся от невыносимой жажды! Казалось, что все внутренние органы съежились, высохли до состояния промокашки. В темноте он вылез из-под плаща, влажного от росы и побрёл во двор — вспомнив, что видел там колодец. Ночь облизала его приятной прохладой, пробравшись под любимую клетчатую рубашку. Шаловливый ветер пригладил высокую траву, уложив её в локоны. Качающейся походкой, как фрегат среди волн, мужчина упрямо шёл к высокому деревянному срубу, который, как крохотный спасительный остров возвышался среди бушующего

океана. На колодце стояло ведро со студеной водой. Парень упал лицом в эту воду и пил, пил, жадно глотая прозрачную живую жидкость, от которой внутри всё наполнялось и набухало самой жизнью! Вдруг, внезапно, всего на одну секунду, ему показалось, что он захлёбывается в глубоком страшном озере с затонувшим храмом! Он вздрогнул всем телом и, отбросив ведро, отскочил на некоторое расстояние от колодца. Смахнув с лица остатки воды успокоился. Всё нормально. Он жив и здоров и далеко от проклятого озера. Только сейчас он ощутил, что нога не болит совсем! Полная луна в обрамлении крупных ярких звёзд, осветила его колено и парень удивился ещё больше — рана полностью затянулась, оставив чуть припухшую полоску. Задрав голову к небу, он улыбался от нахлынувшего ощущения покоя и счастья. «Ай да дед! Вот тебе и братья-близнецы! Один лечит — другой калечит...»

Утром дед Трофим его накормил вкусно и досыта. Напоил терпким ароматным травяным чаем с душистым мёдом. Бригадир разглядывал его лицо — такое знакомое, но такое другое! Удивился разительной схожести и не схожести двух братьев! Та же седая голова, тот же прямой нос, упрямый рот и глаза такие же, необычайно светлые. Только вот выражение глаз совсем другое! В них тепло, сострадание и радость. Без укора и осуждения, он сказал, что его брат разглядел особые способности парня и хотел отдать ему свою силу и знания: «Только ты не поддавайся, не принимай этот дар — его сила от низкого мира, тёмного и опасного — окупёшься — не выберешься».

— Ты тоже лечишь людей — всё правильно. Только пока ты ещё слаб и знаний не хватает, но всё

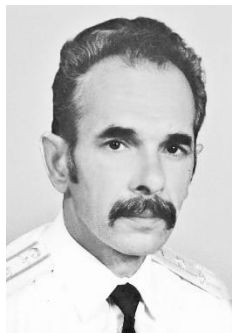
вперед. Твой удел лечить и помогать людям — не отступай от него! — Напутствовал дед.

После обеда Трофим разложил парню всю его жизнь от рождения до тризны до мельчайших подробностей. Сергею даже стало не по себе. Перед дорогой он попросил деда продать ему чудодейственное лекарство для знакомого. Тот получил ожог на морозе и теперь рука, уже пятый год, гноилась. Трофим принёс лекарство и сказал, что через месяц человек поправится. А ещё сказал, что не свидятся они больше.

— Прощай, сынок. Береги себя и помни о том, что я тебе сказал.

Сергей помнит об этом всю жизнь. Сбылось многое, но многое ещё впереди...

Василий

Дудаков

ВСЕМУ НАЧАЛО

— Но-но, шагайте! Ровней тяните! Ты, Зорька, бороздой держись!..

Длинная междуполосная межа густо заросла полынью и высоким бурьяном. За ней и видно, как движутся спины лошадей и с ними голова в жёлтой фуражке, которую Василёк Алтайский любил и практически не расставался. А ещё слышны разговоры братьев-пахарей.

Двоюродные братья. Василёк и Иван были привязаны к друг другу, их всегда можно было видеть вместе. Они с детства отличались трудолюбием.

Ребята переговариваясь пахали огород.

— Ты, Василёк, хорошенько за лошадьми смотри. А то Зорька норовит из борозды качнуться.

— И ты Ванюшка, тоже плуг крепче держи. Вывернется — огрехи будут, исправлять придётся.

Два братика охотно занимаются пашней. Давно они просились у Ванюшкина отца к плугу. Но он всё отказывал: «Не доросли ещё. Тяжеловато будет». И вот позволил. До этого мальчишки упражнялись.

Дядя Гриша Радченко – отец Ивана давал им то плуг поддержать, то лошадьми командовать. Освоились теперь. Можно и одним доверять...

Как же был устроен тогдашний плуг?

Его рабочая часть сходна с современным тракторным. Разница лишь в том, что у тракторного несколько лемехов, а у конного – один. Плуг состоит из передка с прицепом для упряжки и корпуса. Корпус имеет отвал, лемех, вертикальный нож и ручки... Брус корпуса ложится на передок, прикрепляясь цепью. Колёса передка: одно большое, другое поменьше. Забавно! Когда Василёк был ещё маленьким, увидел во дворе плуг и детским умом пытался разгадать, почему одно колесо больше, а другое меньше. Заключение тогда: «Наверное, мастер ошибся...» Потом себе улыбался, когда заметил, что большое колесо по борозде идёт, а маленькое по цельной почве. Значит, мастер был хороший – сделал, как надо.

Как получается борозда или пласт? Плуг движется. Нож делает вертикальный надрез, а лемех снизу – горизонтальный. Образуется пласт. Он поднимается по отвалу, переворачивается и укладывается в сторону. Глубину вспашки и ширину пласта можно регулировать.

С конца четвёртого тысячелетия до нашей эры во многих странах Древнего Востока уже пользовались сохой. А в среднем веке она появилась у многих народов Европы и Азии. Соху вместе с плугом можно было встретить в России и в XX веке. В отличие от плуга соха пласт не переворачивала, а только сдвигала его в сторону. Работая с сохой, пахарю приходилось её или приподнимать, или налегать на неё.

Теперь приглядимся поближе к упряжи. Читатель

уже догадывается, что плуг тянут две лошади. Зорька идёт по борозде, а Звёздочка рядом по цельной полоске. На мягкой почве запрягалась в плуг и одна лошадь.

Ни оглоблей, ни дуги здесь нет. Упряжь оформлена с помощью вальков и постромок. Валек — это деревянный брусок с металлической петлёй в середине, которой зацепляются за груз. На крюк передка надевают парный валек, а на концы его уже вальки для каждой лошади. На концы этих вальков надеваются постромки (верёвка с ушком). Лошадь заводится между ними, и второй конец постромок привязывают за гужи хомута. Для поддержания постромок в определённом положении их привязывают к поперечнику, перекинутому через сиделку. Бывали плуги и без передков. Валек зацеплялся непосредственно за корпус. Хомуты у лошадей простые. Они не только лишены каких-либо украшений, но даже не обшиты кожей. Иногда вместо хомута применялись «шорки» — петли, простёганные войлоком с кожей. У них не гужи а кольца. За них постромки и привязывались.

Кони связаны поводками. От них идут вожжи. Взрослый пашет один. Он лошадьми и плугом правит. Вожжи висят или на ручках плуга, или надевают их на шею. Лошадей не взнуздывают — тут не разбежишься, удерживать их не надо.

Казалось бы, пахота не такая уж трудная работа. Держись за ручку плуга и ходи за ним, песни пой. Нет! У стального друга есть враги. Они норовят ему испортить путь, вытолкнуть из борозды. Пахотные участки бывают часто заросшие бурьяном, полынью, жнивьем. В сырую погоду к отвалу налипает земля.

Пашут ведь и в дождь. Приходится соскабливать, очищать. А если уж плуг натиска не выдержал и выскокчил, то налицо явный огрех, конфуз.

Участок юным пахарям отец Ванюшки старался подобрать почище, но всё равно доставалось им. Ребята разделяли труд по правилам: младший Василёк — с лошадьми, а старший Ванюшка — плуг ведёт.

Ногам вроде работа одинаковая, а обувь изнашивается по-разному. Обувь Василька отказывает быстрее: ему приходится шагать по жнивью, а то по колкому осоту. Скоророды Ивана измазанные землёй, тянут раза в три-четыре дольше.

Легче подвигается пашня к концу мая.

Почва ещё с осени притоптана стадом. Стальной помощник идёт, и, кажется, шепчет: «Не беспокойся, хозяин, отдохни, я и без тебя могу обойтись». И действительно, идёт, не шелохнётся. Шагов тридцать-сорок без прикосновения рук. Сухая, горячая земля отполировала отвал, как зеркало. Пласт от него отлетает, точно намащенный блин.

Помимо вспашки, есть ещё и другая работа. Это так называемое «нянчанье дитяти» на концах полосы.

Пахари проехали полосу в одном направлении. Надо вести обратную борозду. Выворачивают плуг. Проехав поперёк поля, поднимают его и выставляют на обратный ход. Лошади не ждут. Нужно успеть. Иначе — огрех. И такое напряжение два раза за один оборот. Частенько необходимо этот груз таскать и когда вспашка заканчивается.

Не следует понимать, что борозды в полосу сливаются строго одна в другую, как строки на бумаге. Из-за того, что ширина полосы колеблется, то на уз-

ких местах она допахивалась, а на широких оставались ещё целинные места. Вот и приходится делать крутые развороты, заходы, дёргать лошадей, завершая вспашку.

Существуют два способа вспашки. Первый называется «враспашку». Начинают его с двух противоположных сторон полосы, кончая в середине. Второй — «навал». В этом случае идут от середины к краям, положив встречные первые пласты рядом. Виды вспашки на полосе с каждым новым посевом чередуются.

Мудрый пахарь говорит: «Чтобы поле вспахать — надо его исходить, истоптать». Действительно так. Ведь каждая борозда — пласт — это своего рода тропинка, пройденная пахарем и конями из конца в конец поля. Сколько же за день надо пройти тропинок, чтобы преобразовать поле в пашню?

Ширина пласта 25 сантиметров. Значит, в метр укладывается четыре. А в день распахивается 25 метров. Выходит, сто пластов. Кругов — 50. В один конец 213 метров и столько же обратно. Вот и набирается за один оборот почти полкилометра. А за день рождается удивительное число — 21 километр! Трудно поверить, но столько действительно проходят и пахарь и лошадь.

Наверное, не меньше исходили и наши герои Василёк с Иваном. Как-то, провожая их на пашню, отец Ивана наказывал: «Вы уж нынче не заканчивайте, пораньше возвращайтесь, Отдохните. А завтра поедете, допашите». Нет! Мужички допахали поле. Вернулись только затемно.

Во времена социализма, в сельском хозяйстве велось трёхполье. Земельные угодья делились на три

участка. Под яровые (пшеница, овёс, гречиха) поле пахалось весной. Участок под озимые культуры понимался летом и в начале сентября. В условиях Западной Сибири это было самое оптимальное время. Третий клин был занят созревающей рожью. Посевные культуры каждый год менялись. После ржи поле шло под яровые, а за ними опять рожь. И так чередовалось. Удобрения, кроме навоза, тогда почти не применялись. Обновление почвы шло за счёт смены культур. Может, редко-редко встречались хозяева, которые знали химикаты. Сельчане использовали часто залежные земли, располагавшиеся в берёзовых колках. Как же пахали залежь? В плуг подпрягалась ещё пара. Передняя шла на вожжах, от второй тянулся повод. Четвёркой руководить было нелегко, особенно на концах полосы, при заезде на новую борозду.

Целина давалась с трудом. Земля упорно сопротивлялась. Рвались гужи, постромки, ломались вальки. Выдерживали только стальные мышцы плуга. Отрезаясь, пласт издавал непрерывный треск и тянулся из конца в конец борозды, как ремень... Плуг едва-едва удавалось вывернуть на конце полосы. Иногда обновляли почву, вспахивая её глубже обычного. С глубины как бы добывали плодородный слой, и урожай улучшался. Обновление осуществляли один раз в три-пять лет. В плуг в этот раз тоже запрягали четвёрку.

Под яровые пашню старались подготовить осенью (под зябь). Под белым покрывалом пашня отдыхала. Весной пропитывалась влагой и была готова к севу. Бралась за пахоту сразу же после молотбы. Пахали до самой зимы, пока не замёрзла земля. Выпавшая на такую землю пороша пахаря не смущала. Он бороздил

и чёрное, и белое, пока не вмешивался мороз.

Если жнивье было высокое и поле находилось от деревни далеко, стерню поджигали. Зола шла под пласт как удобрение.

Многие сельчане удобряли почву навозом. Зимой они собирали и отвозили на поля, оставляя в кучах. Весной перед вспашкой кучи на полосе раскидывались. Удобряли только непаханое поле.

До чего же приятно распахивать прямоугольные участки! И чем длиннее полоса, тем легче с нею обращаться. Короткие полосы изматывали разворотами. Приходится считаться и дружить с такими соседями, как овражки, болотца и пеньки. Они влияют на размеры и очертания участков. И поэтому площади встречаются в виде прямоугольников, ромбов, трапеций, клиньев и просто неопределённой формы. Но русский народ, мои сельчане заставляли работать любой земельный лоскуток. Они в шутку говорили: «Неважно, какая форма, было бы с неё корм».

Плуг с пашни каждый день домой не возили. Он там гостил целыми неделями, пока не заканчивалась вспашка. Лошади были рады, что на отдых возвращались налегке.

Пашни наготовляли достаточно. Старались весной, летом, осенью при любой погоде. Хорошие и мудрые стихи написал о пахоте поэт Сергей Викулов. Помните?

*Все́му нача́ло — плуг и борозда,
Поско́льку борозда под внешним небом
Имеет свойство обернуться хлебом.
Не забывай об этом никогда:
Все́му нача́ло — плуг и борозда.*

Очерк посвящён хлебопашеству. Родившись в середине XX века в крестьянской семье на Алтае, я с детства видел, что жизнь крестьянина по своей сути неразрывно связана с землёй, с трудом на ней. Пахота, сев, заготовка дров, веников, изготовление домашней утвари, сенокос, скирдование, жатва... Огромное множество разных работ ложилось на плечи крестьянина. Но он не унывал. Это только ленивому и нерадивому работа в тягость. Настоящий труженик, напротив, мыкается и хворает, если работы мало или нет вовсе. Народом подмечено: хороший конь в гору тянет веселее, чем по ровной дороге.

Как в тройке есть коренник, так и в «упряжи» крестьянских дел, гармонично связанных друг с другом, была одна работа, которую можно назвать важнейшей — работа хлебороба. Посеять, вырастить, убрать и сохранить хлеб — что может быть значительнее этого!

*Беда
Цигельман*

ФУРАЖКА К МЕСТУ

Мой младший брат родился, когда мне было пять лет. Это событие я восприняла очень радостно, и помню, с каким энтузиазмом выполняла различные поручения папы: например, помыть горшок, принесённый из магазина. Жили мы тогда в Джанкое. Как мы забирали маму с братиком из роддома, не помню, но картинка возвращения домой стоит перед глазами. Я и мама едем на линейке (так папа называл повозку, влекомую смирной лошадкой, которая, следуя указаниям возницы, идёт шагом). Папа шествует рядом и несёт драгоценный груз — сына! Лошадке его не доверил. Мне самой сейчас не верится, что вижу это так отчетливо. Это был 1929 год. А сейчас, когда описываю эти события, — до нового 2014 года осталось две недели. Время несётся вскачь...

Я полюбила братца сразу и на всю жизнь. Волощёнки у него были лёгкие, как пушок, и с рыжинкой. Наверное, поэтому я сразу назвала его «красный командир», и очень мне понравилось имя, которое предложил папа: Владилен — Владимир Ильич Ленин. А

про Ленина я знала из рассказов воспитательницы моего детского сада. Правда, в течение жизни имя несколько трансформировалось: потерялась буква «и», и брат стал Владленом. В 2000 году мой дорогой Владик после тяжёлой болезни ушёл из жизни. Мы скорбим и по сию пору.

Но я хотела вообще-то написать об одном случае из моей жизни, происшедшем в 1945 году, а мой братишка был одним из участников этой забавной истории, вот и рассказала чуть-чуть о нём.

Каждый временной отрезок имеет свои приметы, новые имена, выражения и т.д. Например, в 1945 году зазвучали слова «аннексия», «контрибуция». На экраны хлынули новые фильмы: американские, немецкие. Вот о фильмах и говорили, что они получены по контрибуции. Мы — студенческая братия — сбегали с лекций, чтобы попасть на дневной сеанс (денег хронически не хватало). А названия как заманчиво звучали! «Индийская гробница», «Шнапурский тигр», «Звезда из Рио», «Мост Ватерлоо»... можно до бесконечности продолжать список. Но я, как всегда, отвлекаясь, вспомнила маму, которая с восторженным придыханием перечисляла фильмы её молодости (это где-то 1915 – 16 годы): «Тайна в море утонула», «Молчи, грусть, молчи», «Ты стоишь у камина и смотришь с тоской», — и добавляла: «Ах, Мозжухин, какой был актёр!» Вот и я её сейчас напоминаю... Да, так, фильмы были разные. Помню я, конечно, не все. Но один фильм мне запомнился, и вы поймёте, почему.

Итак, шёл фильм «Тетка Чарлея» — комедия. В двух словах о сюжете. Два студента, два друга, учась

в университете, валяют дурака, прожигают жизнь. Ну а папаша шлюет денежки в надежде, что отпрыски продолжат их дело. Происходит масса курьёзных историй. Одного из друзей зовут лорд Беберли. Его отец живёт где-то далеко в сельской местности, и в его большом поместье имеются стада овец. Вот этот молодой шалопай жалуется другу: «Представляешь, вернусь я в отчий край, а овцы будут вслед блеять: «Бэ-э-бс, бэ-э-бс!»»

К чему я это рассказываю? Да потому что мне в общежитии не давали прохода. Стоило появиться, как вслед неслось разноголосое «бэ-э-эбс!» А лучшие подруги стали называть меня Беберли и даже добавляли «лорд». Мое имя — Беба — интерпретировалось всеми моими товарищами направо и налево. Но несмотря ни на что, я захотела, чтобы мой брат, живший с мамой в посёлке Саки (теперь это город), куда мы вернулись из эвакуации, приехал на денек ко мне в Симферополь и посмотрел этот фильм. Ему было тогда лет 16, он отличался очень развитым чувством юмора, и мне хотелось, чтобы братец получил удовольствие.

В этот период наша группа находилась на практике в госпитале, где проходили лечение фронтовики. Я человек от природы общительный, и часто рассказывала ребятам о фильмах, о нашем общежитии. Один парень-лейтенант по имени Владимир Кузьмич (мы обращались только по имени-отчеству) был старше меня лет на шесть. Физиономия у него была, как у любопытного кота, глаза круглые, голова круглая, такой весь коренастый. А его сосед по палате был старше, и очень серьёзный — Николай Николаевич.

Глаза у него были всегда грустные. Они охотно слушали мою болтовню и, многозначительно переглядываясь, повторяли: «Энциклопедия!»

И вот Кузьмич, узнав, что ко мне приезжает брат, изъявил желание сопровождать нас в кино. Какими он правдами или неправдами получил своё лейтенантское обмундирование и как сумел отлучиться из госпиталя, не знаю, но к началу сеанса был возле кинотеатра. Ко мне ещё присоединилась подружка Люба, и мы вчетвером вошли в кинозал. Я хотела сесть рядом с братцем, но хитрый Кузьмич разместил всех по-своему: он сам, рядом я, потом Люба, и в конце Владик. Мне так хотелось понаблюдать за реакцией брата, пообщаться с ним, но на расстоянии, увы, это не получилось. И как только зажегся свет, я порывисто вскочила и, повернувшись в сторону Владика, хотела увидеть его реакцию на фильм. На моё несчастье, в стуле, находящемся в переднем ряду, торчал не то гвоздь, не то шуруп, и я в стремительном движении с треском оторвала огромный клочок платья (простите за натурализм) в области левой ягодицы.

Вот снова отвлекусь. Не могу не сказать, как мне дорого было это платье. Во-первых, оно одно было у меня приличное на тот момент, а во-вторых, воспоминание о его приобретении будит такое тёплое чувство...

Я уже где-то писала о человеке, причастном к этим добрым, трогательным моментам, но я позволю себе повториться. В Саках, куда мы вернулись из эвакуации, заведовал собесом фронтовик-ленинградец по фамилии Лапкин. Был он небольшого роста, пустой рукав справа был заправлен за пояс гимнастерки, а

лицо излучало такую невероятную доброту! Собес, кроме прочих дел, занимался распределением гуманитарной помощи. Он со своими немногочисленными сотрудницами чрезвычайно внимательно и с душой подходили к этому делу. Я это сполна прочувствовала на себе. Присылали письменное приглашение или кто-нибудь из них приходил по маминему адресу с просьбой явиться. Приезжая домой, я часто отправлялась по приглашению. Вещи были аккуратно развешены в специально отведенном помещении, и сам заведующий, не считая это зазорным, подводил меня к этим собранным в Америке не новым, но чистым и приличным вещам. «Посмотри, какие хорошие трусы», — рекомендовал он, вгоняя меня в краску. «Да зачем они мне, такие большие, да ещё с молниями какими-то». «Ну, попросишь девочек, продадут, хлеба себе купишь», — уже разобрался, что из меня покупатель и продавец никакой. Я всё равно категорически отказалась, а это, оказывается, были шорты, но тогда для

нас они были диковинкой. Зато с платьем мне повезло — оно было таким славным и очень мне шло. Я на многих институтских фотографиях в нем фигурирую — синее с белыми полосами и красивыми пуговицами. Это то самое платье, в котором я на фотографии перед этим рассказом. А до этого было тёмно-синее из крепа, но увы — в области подмышек быстро протерлось и наша общежитская выручалочка Зоя Мурко соорудила из подшивки подола огромные латки. А

ещё, вплоть до окончания института, до 1947 года мне подбрасывались то пальтишки лёгкие, то обувь. Если бы не эти вещи, не представляю, в чём бы я ходила. Да, вспомнила ещё один случай. Подходит ко мне однокурсник Юра Колтунов и говорит: «Нам студенческий комитет выделил по талону на какой-то материал, а названия такого ты, наверное, как и я, сроду не слыхала: «гринзбон». Вот я сошью своей 30-килограммовой жёнушке платье». А Женечка Колтунова действительно была такая миниатюрная-миниатюрная симпатичная блондинка. Каково же было наше разочарование: материал оказался грязно-белого цвета в мелкую елочку. Короче, из него шили кальсоны солдатам. Молодежь, наверное, и слова-то такого не знает, спрашивайте у самого старшего поколения. В общезитии мы покрасили мой «отрез» в коричневый цвет и наша спасительница Зоя сшила мне платье. Воротничок был стоечкой, освежаемый кусочком кем-то пожертвованного кружевца. Класс!

Однако возвращаюсь к своему полосатому платьицу, в котором я в тот день была в кино и которым умудрилась зацепиться за гвоздь. Треск поверг меня в шоковое состояние. А вот кто не растерялся, так это Владимир Кузьмич: он мгновенно своей фуражкой прикрыл мне оное место, и мы гуськом выбрались из зала. Мы с Любой удалились в ближайшую подворотню, и она мне огромной булавкой, которая была приколоты на внутренней стороне фуражки (вот запасливый вояка оказался!) кое-как прицепила оторванный лоскут. Лейтенанта отправили в госпиталь с благодарностью, а сами явились в общезитие и под непрекращающийся хохот девчонок поведали эту историю.

ЧИЖИК

(Зарисовка из студенческого далека)

Бегу, перескакивая через лужи, а ноги, как не стараюсь, промокли. Обувь, под названием бурки, увы, не выдерживает нашей промозглой поздней осени.

Учусь я на третьем курсе Крымского мединститута, который вернулся в Симферополь из Казахстана летом 1944 года. Ну а я перевелась из Харьковского II-го, который находился во время войны в городе Фрунзе, влившись в Киргизский мед. С первым же эшелоном из Фрунзе в июле 1944 года, вскоре после освобождения Крыма, я с мамой и младшим братцем вернулись в Саки, откуда в августе 41-го были эвакуированы. Мама с братом по возвращении жили в Саках, а я в Симферополе в общежитии.

Итак, бегу я утром с дежурства — подрабатываю ночной медсестрой в Симферопольском клинко-онкологическом институте. Опыта и умения, скажем прямо, никакого, но стараюсь изо всех сил. Отделение мужское на пятьдесят коек. Больные тяжелые. С оборудованием плохо, пользуемся коптилками — это пузырек с горючей жидкостью, в него вставляется фитилек, пропущенный через отверстие в железной пластинке (такое же освещение у нас в общежитии). После изгнания фашистов город не в состоянии всё наладить. Роль грелок выполняют бутылки. Кипяток наливается из титана — топим дровами. Естественно, бутылки часто лопаются, что очень осложняет нашу жизнь. Я говорю «нашу», так

как у меня надежные помощники: две нянечки — Лариса и тётя Аня — да мальчик четырнадцати лет — Петя Бушуев (так он представляется), никого у него нет — сирота. Прижился в больнице. Он самоотверженно всем помогает. Эта троица очень меня опекает, стараются приберечь остатки супа с обеда и хором меня уговаривают вздремнуть ночью, хоть чуток, но я не поддаюсь на уговоры. Стараюсь обойти все палаты. Выполняю назначения, разношу «грелки», которые имеют свойство быстро остывать — паровое отопление ещё не восстановлено. С кем-то поговоришь, кого-то выслушаешь, хочется хоть чем-то помочь — на то оно и ночное дежурство. Запомнился такой конфуз. Пришлось однажды дежурить мне в женском отделении, и у женщины осложнилось заболевание. Вынуждена была разбудить дежурного врача. Врач — молодой фронтовик, на протезе, с неожиданно ярким рыжим чубчиком, изрёк: «Придайте положение Тренделянбурга», — и ушел, бедняга, досыпать (был тяжелый операционный день). Стою в растерянности и думаю: а что же это такое? Спасибо, выручила пожилая медсестра из другого отделения, объяснила. А это значило придать ножному концу постели возвышенное положение — вот так просто. Ночи, свободные от дежурств, спала очень беспокойно. Девочки иногда меня будили. Во сне (с их слов) я бормотала, всхлипывала, вертелась. К страданиям людским привыкнуть невозможно.

Вот опять разговорилась и с трудом возвращаюсь в осень 1944 года.

Спешу на занятия по топографической анатомии. Преподаватель — профессор Василий Максимович Тоцкий — декан лечебного факультета — занятия проводит интересно. Рослый, доброжелательный, корректный.

Успела! Влетела в аудиторию прямо перед носом преподавателя. Мечтала приткнуться в задних рядах, но, увы, все скамьи были заняты, и я уселась на самом виду. Вообще, достопримечательностью аудитории, то есть полуподвала, являлась оригинальная печь, на первый взгляд обычная: сбоку дверца в топку, куда Василий Максимович методически подкладывал дровишки, но духовка была необычной формы — большая и круглая.

Ноги я пыталась прятать под скамью, но из-под подошв темнели на полу влажные пятна. Василий Максимович расхаживал возле доски, что-то рассказывал. Я в тепле расслабилась и изо всех сил таращила глаза — клонило ко сну. И вдруг вижу рядом преподавателя и слышу: «Чижик, иди сюда». Я, как сомнамбула, двигаюсь за ним, а он молча подвигает к печке свой стул, усаживает меня. Не помню, как мои ноги оказались в духовке, но когда Василий Максимович, как ни в чем не бывало, продолжил занятие, я за его спиной корчила рожицы своим товарищам, наверное, чтобы скрыть смущение. На самом же деле мною овладело какое-то необыкновенное чувство. И хотя прошло с того дня так много лет, я помню, ощущаю это чувство защищенности и тепла, овладевшее мною в те минуты.

И до сих пор верю в хороших людей!

ВСПОМИНАЯ С ЛЮБОВЬЮ

Хочу, чтобы вы запомнили и могли рассказать вашим внукам. Это надо же... прожить длинную-длинную жизнь и только теперь понять, как мало мы слушаем самых любимых, близких, дорогих... А ведь не все любят рассказывать. Причины разные: то ли излишняя скромность, то ли нежелание воскрешать в памяти и вновь переживать давно ушедшие события, вызывающие не всегда положительные эмоции. Да что там слушать — спрашивать надо было. Так нет же — всё некогда. Работа, работа, заботы, заботы. Теперь оправдываемся перед собой... А время ушло.

Дорогие мои, ненаглядные дети — все, все! Пожалуйста, спрашивайте, я ведь чувствую, что вы не безразличны. Вот и хочу поделиться с вами тем, о чём ваш папа, дед, прадед — наш Люсик — изредка вспоминал, нет, наверное, он помнил, но очень сдержанно рассказывал. Ранен он был четыре раза. Не знаю, какой это был по счёту, но почему-то именно он мне запомнился по скупому рассказу Люсика.

...Это случилось при форсировании Днепра. Молодой шофёр уложил меня в тени хаты, рядом ещё троих раненых, завёл свою полуторку и уехал, пообещав вернуться и отвезти нас в госпиталь. Левая раненая нога превратилась в сплошной очаг боли. Кто-то из ребят бредил. Я потерял ориентир во времени. Но вот раздался звук подъезжающей машины. Не могу вспомнить, как этот молодой солдат-водитель сумел нас погрузить в кузов своей полуторки и сколько времени продолжался наш путь. Но дорога!.. Машину швыряло, и нас тоже. Один из наших ребят умер в

пути, и его безвольное тело накатывалось поочередно на всех. Сил отодвинуться не было, и я, считавший себя взрослым мужчиной (20 лет!), заплакал от жалости и бессилия.

В госпитале голенище сапога разрезали, так как нога сильно распухла, и сапог не снимался. Сквозь провалы в памяти я слышал, как медики решали мою судьбу. Говорили тихо, я с трудом разбирал отрывки фраз. И всё-таки я уловил слово «ампутация». Помню, как наложили маску, и почувствовал запах эфира. Запах был мне хорошо знаком, и даже спустя много лет я не выношу его. В общем, капали эфир, как говорится, на глаз.

Очнулся я в палате, укрытый до пояса простыней. Ощувив боль в левой ноге, решил, что это «фантомные боли» — знал по рассказам старших товарищей, что такое ощущение бывает, хотя конечность отсутствует. Но, к счастью, пожалели медики молодого солдата, и, рискуя, сохранили мне ногу. Во время перевязки я обратил внимание на швы, проходящие через всю голень по заднебоковой поверхности. Доктор, немолодой, с покрасневшими усталыми глазами, мне объяснил, что это называют «лампасными разрезами», и их наносят во время операции при подозрении на газовую гангрену.

В общем, ногу спасли, но со временем появилась перемежающаяся хромота.

А вот этот небольшой эпизод был рассказан Люсином как-то к слову, на ходу. И если в предыдущем мне стало понятно, что дело происходило примерно в августе 43-го года, то в данном случае я не знаю, когда и где это было, но думаю, что раньше. Вообще, из-за

ранений, ребята иногда попадали в другую часть. Знаю, что в этот раз он находился во взводе полковой разведки и с гордостью носил свою первую награду: значок «Отличный разведчик». Итак, послали троих ребят в разведку. Одного из них ранило. Ранение, к счастью, было не тяжёлым. Товарищи сами оказали ему первую помощь и затаились в лесочке, решив до рассвета переждать. Уже смеркалось. Люсик и его товарищ уложили раненого на возвышение и улеглись рядышком с двух сторон — всё потеплее.

Начало светать, и они увидели, что уютно устроились на... противотанковой мины!!!

Люсик, посмотрев на мое потрясенное лицо, успокоил: «Так это противопехотная мина взрывается от малейшей тяжести, а противотанковой нужна большая тяжесть». Вот так!

*Кирилл
Мазилев*

НЕОБЫЧНЫЕ ГОСТИ (отрывок из повести)

Наконец, мой слух адаптировался к тишине окружающей обстановки, и я начал различать доносившиеся издали едва слышимые призвуки. Где-то по-прежнему натужно жужжали механизмы — казалось, весь этот подземный улей был опутан, словно артериями, разными трубами и проводами, по которым постоянно что-то текло, перемещалось, бежало, пульсировало, ни на секунду не останавливаясь. К этому, наверное, со временем можно было привыкнуть, но не покидало ощущение, что ты всегда находишься в гуще некоего броуновского движения, и никогда не бываешь в одиночестве. Хотя хаотическими эти процессы назвать было нельзя. Все та же интуиция подсказывала, что всему этому движению, каждому жужжанию есть вполне разумное объяснение, а каждое гудение вызвано вполне конкретной неопровержимой причиной.

Но вот на фоне непрекращающегося аппаратного гула можно было различить ещё и глубокий вдумчивый голос. Это был отточенный инструмент профессионала

своего дела или же прирождённого оратора. Я склонялся к мысли, что голос был хорошо поставлен. Интонации, паузы, ударения — всё говорило в пользу этой версии. Однако, как и у всех обитателей здешних мест, этот голос имел изъян: он был надтреснутым и хриплым. Неожиданно мне пришла в голову диковатая мысль. Я припомнил, что эволюция, формируя живущих в подземельях существ, лишённых солнечного света, сосредотачивает внимание на альтернативных источниках получения информации об окружающем мире — таких как обоняние и осязание. В то время как глаза становятся тотально незрячими, устраняясь из расчетов за ненадобностью. А мне подумалось о голосе. Могут ли голосовые связки поколение за поколением претерпевать изменения, пребывая в замкнутом пространстве глубоко под землёй? Под толщей холодной земли, избавленные от возможности быть хоть изредка прогретыми тёплыми солнечными лучами, они станут скрипучими и ржавыми. Металл в некогда сильном голосе порыжеет и превратится в тот сломанный заводной механизм, который приводили в движение Килм и его друзья, когда открывали рот.

Как бы то ни было, голос принадлежал нарратору. Складывалось впечатление, что я слышу лекцию, заранее записанную на плёнку. Монолог был чётким, отработанным. В голос вслушивались — его никто не перебивал. За неимением лучших идей, я двинулся коридором по направлению к доносящейся речи. Постепенно звук становился всё громче, однако слов я никак не мог разобрать. Казалось, что я улавливаю обрывок доступной мне фразы, но затем вновь слышу какую-то тарбарщину. После очередной попытки проанализировать услышанное, я пришёл к выводу, что это не мой язык.

Он был грубоватым и отрывистым, с большим количеством согласных. И по чёткости и напористости выговора напоминал немецкий.

Продолжая слушать «лекцию», я подумал, что два имени, которые я услышал в подземелье, одним из которых назвали меня самого, несомненно, звучали на этом языке очень даже гармонично.

Периодически я слышал русские фразы. Сначала до меня долетела тихая обрывочная «вы должны практиковать чужой язык в бытовом общении друг с другом», а затем, через десяток-другой слов «взрослые специально говорят с вами на языке человека — сейчас у вас оптимальный период для формирования языковых навыков и запоминания — нужно его использовать по максимуму».

Я опешил! Получается, что эти существа не просто отличались чем-то от нас — они и вовсе не были людьми! Так кем же они являлись, если даже на словах дистанцировались от человеческого рода!? Причём, мне показалось, что в чётко поставленном, невозмутимом голосе лектора-профессионала прозвучало горделивое пренебрежение к «языку человека» в частности и, соответственно, человеку вообще. Хотя нет, пожалуй, не показалось. Так и было!

Спустя ещё одну сотню шагов голос уже стал настоящему громким, фразы были абсолютно разборчивыми. Русская речь сейчас прорезалась чаще, фразы на чужом для меня языке перекликались с фразами на моём родном, который был чужим для этих существ. Я всё никак не мог до конца осознать, что же происходит на самом деле! В моём возрасте дети окончательно перестают верить в различного рода сказочные параллельные миры, поскольку сталкиваются с реальностью,

исключающей подобные фантастические заблуждения. У меня же получилось всё с точностью до наоборот. Реальность, в которую попал я, не просто подвергла сомнению устойчивость повседневного мира, она разрушила его до основания!

По всей видимости, произносимые нарратором фразы на русском языке, дублировались для лучшего запоминания в переводной форме. А основная лекция всё-таки проводилась на этом, похожем на немецкий. Двери, ведущие в личные апартаменты, тесно расположенные по обе стороны коридора, по которому я двигался, заканчивались в нескольких шагах от меня, а сам тоннель заканчивался проемом без двери. Коридор вливался в большое помещение сферической формы. Стоя на том месте, до которого добрался, я мог видеть только часть этого зала. Лекция проводилась именно тут — голос при выходе из тоннеля достигал наибольшей громкости, но людей я пока не видел. Видимо, они стояли уровнем ниже. Мой коридор выходил в большой зал, занимавший несколько этажей. Вверх купол уходил довольно высоко. На моём этаже помещение опоясывал неширокий балкон с металлическими перилами. Насколько хватало взгляда, можно было видеть, что на балкон выходили и другие коридоры, подобные тому, которым пришёл я. Значит, я подобрался к самому центру этого подземного бункера, который был выстроен в форме улья. Центром его и был, насколько я понял, Большой зал, о котором говорил человек в коридоре, принявший меня за Радэ. И я пришёл на занятия, которые тут проводили. И где-то здесь, среди студентов, должен был быть настоящий Радэ.

Я вытянул шею, заглядывая на нижний этаж: через решётчатый пол балкона было видно, что внизу собралась огромная толпа народу. Одежания собравшихся совершенно не отличалось разнообразием. Как водилось в этой дыре, все носили длинные чёрные плащи с капюшонами. Слушатели были низкорослыми, видимо, являясь детьми. На небольшом возвышении, наподобие сцены, стояла фигура значительно более внушительных габаритов. Именно она и вещала тем самым профессионально поставленным голосом, который я имел удовольствие слушать на протяжении последних минут двадцати.

Он был настоящим артистом! Мне вспомнился документальный фильм о массовом манипулировании сознанием, в котором рассказывалось о некогда культовом персонаже в области парапсихологии и гипноза по фамилии Кашпировский. Его безумная популярность позволяла получать эфиры на центральных каналах в прайм-тайм, и вся страна могла не только заинтересованно взирать на это безумие, но и принимать в нём непосредственное участие. Я был удивлён тем, что в столь мощной державе подобное массовое помешательство запускали на телевидении. Ведь это могло привести к непоправимым последствиям. Я настолько увлекся этой темой, что расспрашивал родственников, действительно ли такое имело место в эпоху «китайского» проклятия постсоветской жизни. Эпоха перемен! Кажется, в нашем государстве она никогда не закончится. Всегда найдутся реформаторы, перестраивающие своё личное благополучие за счёт унылого безгolosого стада. Разница только в том, что одни могут открыто назвать собственноручно организованный бед-

лам перестройкой, а действия других народ с безнадегой в голосе окрестит застоём. А ведь застойная перестройка — это диагноз, с которым сложно выжить.

В общем, этот иллюзионист был явно из подобной же категории людей, которым просто жизненно необходима сцена и публика. Он вовсе не обязан блистать талантами — но всегда найдёт что рассказать, отчаянно делая вид, что совершает обряд передачи великого знания. Он мне сразу не понравился. Хотя кто из этих уродов пришёлся мне по душе? Вряд ли такое было возможно, учитывая характер их деятельности и личностные характеристики. Но дети слушали его, казалось, вообще не дыша! Среди толпы не было ни недвольного шевеления, ни шепотков с хихиканьем, никто не запускал в воздух самолетики и не плевал бумажными пульками через трубочку. Всего того, что, в моем представлении, должно быть неотъемлемыми атрибутами любого школьного занятия, тут не было и в помине! Пафосность позы лектора предусматривала своего рода храмовое преклонение перед учителем. Я сделал для себя отметку: что-что, а дисциплина здесь на небывалой высоте! Немудрено, что человек в тёмном, принявший меня за Радэ, так удивился факту моего опоздания на занятие. Даже сложно себе представить наказание, которое здесь предусматривалось за такую провинность.

Тем временем, лекция продолжалась, и я услышал еще несколько понятных мне предложений. «Вы должны твёрдо понимать суть возложенной на вас миссии и относиться к работе, исходя из этой доктрины!

Только принимая незыблемость устройства мироздания, вы можете уберечь мир от хаоса и разрушения!» — вещал Кашпировский из Ку-клукс-клана.

«Боже ты мой, — подумал я, — разве можно обращаться столь высокопарным слогом к детям?» Мало того, что они ничего не поймут, так ещё и самому говорящему должно быть противно от вычурности, которую исторгла его ротовая полость. Ну, какая может быть миссия у рядовых школьников? Хорошо учиться и слушаться папу с мамой!? Разве что. Вряд ли на их плечи можно возлагать нечто большее, а уж тем более требовать соответствующей ответственности. У них, конечно, полнейший порядок с дисциплиной, но они всё-таки пока лишь дети.

Я бессовестно подсматривал за происходящим, выглядывая из своего коридора, совершенно перестав думать о том, что буду предпринимать дальше. Меня настолько увлекало действие, что я расслабился, будто сидел с ведром попкорна на интереснейшем детективе. Видимо, не эта толпа замерших по стойке смирно учеников была озером безответственных детей, а прежде всего я сам был всего лишь ребёнком, от которого сложно было ждать серьёзных решений и предельной концентрации внимания. Пришедшая в голову мысль не порадовала меня. Она была «холодным душем» полночного напоминания о несделанном домашнем задании перед завтрашним ответственным днём в школе.

Пока всё, на что я сподобился, было наблюдение. Я ждал озарения, но у меня ещё было слишком мало информации. И я продолжал её собирать. Потому и наблюдал. Подсматривал. И, увлеченный этим процессом, я не сразу заметил, что за мной также ведётся пристальное наблюдение.

Мальчик сидел в тени высокого стеллажа на балконе в десяти метрах от меня. Он очень удачно выбрал место — в игре в прятки он бы запросто вышел победителем. Скорее всего, он не впервые отсиживался здесь. Его наблюдательный пункт был куда более продуманным, чем мой. Нет сомнения, что он сразу меня заметил, как только моё любопытство взяло верх, и я высунул нос из коридора. Но он не спешил окликать меня. Если от взрослого Килма, который встретил меня у двери, и принял за Радэ, меня укрыли низко надвинутый капюшон и разница в росте, которая при этих обстоятельствах играла мне на руку, то теперь я был в невыгодном положении. Мальчик сидел ниже меня, а я, забыв об осторожности, открыв рот от удивления, и даже, наверное, высунув язык от усердия, всячески пытался разглядеть происходящее внизу. А значит, мальчик видел моё лицо. Не знаю, насколько вероятно было то, что он знает лично всех своих коллег по классу (всё-таки их было слишком много), но он мог сразу определить, что я не отношусь к их роду по некоторым отличительным признакам, о которых я не знаю.

Узрев чужака, он должен был закричать, позвать на помощь, подписав мне этим смертный приговор. Но он не сделал ничего такого. Вместо этого мальчик в плаще шёпотом произнес: «Неужели ты сверху?»

Я перепугано уставился на фигуру, задавшую мне вопрос. Слова разбегались, в горле стоял ком. Я чувствовал, что должен сказать что-то важное и даже сделал попытку открыть рот. Но исторглось из него совсем неожиданное «Это сложно объяснить!»

Мой собеседник вряд ли понял, о чём я. Еще бы! Я и сам понятия не имел, что несу. Хотя в школе меня

всегда считали довольно красноречивым и находчивым. Видимо, в этот раз мои таланты дремали.

Мальчик резко спрыгнул с прямоугольного предмета, на котором сидел. Оказавшись на полу, он двинулся в мою сторону. Я инстинктивно попятился и, сделав несколько неуверенных шагов назад, уперся спиной в стену. «Не надо!» — снова хрипло выдал какую-то глупость я. Фигура, пребывая всё ещё преимущественно в тени, на секунду приостановилась, а потом продолжила свой путь. В ответ на мои нелепые слова он произнёс: «Я ещё ни разу не видел живого человека!» Что и говорить, меня задело это «живого». «Мол, на мёртвых уж посмотрелся, спасибо», — читалось между строк. И тут на фигуру в плаще наконец упал свет. Я ужаснулся! Огромный свежий шрам занимал большую часть детского лица!

Он был болезненно ярким на фоне бледной, не знающей дневного света, кожи. Словно обглоданный скелет рыбы, рваный розовый хребет извивался по щеке, а перпендикулярные «рёбрышки» недавно наложенных на рану швов дополняли нездоровую ассоциацию. Видно было, что тут потрудился травматолог, стягивая ниткой лоскуты кожи, однако края глубокого пореза выглядели чудовищно неряшливо, словно их пришлось обрабатывать молодому, неопытному в своем деле человеку. «Или же их специально сделали такими», — пришла мне в голову шальная мысль. Меня передёрнуло. Это было явным абсурдом! Кому могло понадобиться умышленно уродовать юное и довольно симпатичное лицо!? Действительно, если представить, что шрама на лице мальчика не было, то эту мордашку

можно было смело назвать очень милой! Как у Маколея Калкина, оставшегося в одиночестве на Рождество, за славными приключениями которого когда-то восторженно наблюдали миллионы людей. Да, этот парень был бы очень похож на мальчишку, сумевшего изобретательно дать отпор двум опытным грабителям, только если бы он был не ярким блондином, а вдруг стал голическим ребёнком. А тем временем глаза моего собеседника горели нешуточным любопытством.

— Насколько мне известно, в Цоколе никогда не было людей. Ты первый. Как ты сюда попал? — спросил бледный парень.

Мне надо было собраться с мыслями и ответить.

— Кажется, я спустился на лифте, — выдавил я. И это была довольно связная фраза. Впервые за последнее время! Более того: в ней присутствовал смысл! — Только не кричи, пожалуйста! Не выдавай меня, прошу!

— Вот ещё! Не буду я кричать! — Парень будто бы оскорбился, услышав мою просьбу. А после небольшой паузы добавил. — Но как же это возможно? Транспорт не открывается людям! Известный факт! Любой ребёнок это знает. Ещё в младших классах этому учат. Выходит, ты нашёл способ.

— Не искал я ничего, — замотал головой я. — Зачем мне это могло понадобиться? Я вовсе не старался попасть в это место! Думаю, это просто ошибка. Чёрт, я даже не знаю, где мы!

Бледный мальчик в плаще был очень вдохновлён происходящим. При этом паршивом освещении мне неожиданно показалось, что его щёки даже налились от возбуждения румянцем. Он потёр пальцем лоб, будто обдумывал важную мысль.

— Конечно, ведь вы же не должны знать о существовании этого места! Чтобы мы могли спокойно выполнять свою работу. — Произнёс он не первую за сегодняшний вечер фразу, лишённую для меня всякой логики.

— Какую ещё работу? — только и смог я выдавить.

— Ну, как же!? Нашу работу. Мы ведь тут не просто так засели. — Мальчик сделал паузу, а затем слегка повернул голову и ткнул пальцем вниз, на толпу детей в чёрных плащах, собравшихся перед оратором на сцене. — Вон как раз учат работать.

В голове так ничего и не прояснялось. Информация вроде бы поступала, да вот толку от неё не было никакого. С каждым новым словом моё недоумение только росло, а количество белых пятен упорно не желало уменьшаться. При этом беда заключалась в том, что сформулировать вопросы я, казалось, был вообще не в состоянии. А ещё совершенно непонятными для меня оставались живой интерес мальчика ко мне и тот факт, что он не выдал меня.

В ту же секунду, когда я об этом подумал, он сам спохватился на этот счёт. Выражение его лица поменялось, он шагнул мне навстречу, взял за локоть и потянул в сторону.

— Идём. Тут не лучшее место для беседы. — Сказал он по-деловому. — Кстати, меня зовут Радэ.

Ну, конечно! Вот теперь стало понятно, почему я не был раскрыт этим мальчиком. А также встало на своё место и другое обстоятельство. Стало понятно, почему я нашёл его сидящим на ящике отдельно ото всех, вместо того, чтобы так и не встретиться с ним, стоящим

со всеми вместе внизу на занятиях. Этот одиночка жил, нарушая правила. Что бы он сейчас не предпринял по отношению ко мне, это будет не то, чему его учили пафосные ораторы вроде того, который распинался перед толпой внизу.

— Я Игорь, — ответил я на приветствие.

Странно, но мне вдруг стало несколько неловко. Я подумал, что мое имя должно звучать очень глупо для этого мальчика, который носил едва ли не сказочный титул. Радэ... Я ничего похожего не встречал даже в приключенческих книгах. А уж их-то я перечитал огромное количество.

— Чудесно! Рад знакомству! Давай за мной! Нам надо выбраться отсюда и добраться до безопасного места. У меня есть кое-что на примете. И надвинь капюшон пониже на случай неожиданной встречи с «моими». Они могут отреагировать на твоё присутствие неоднозначно. — И Радэ засмеялся собственной шутке.

Я двинулся следом за ним и тоже невольно заулыбался. Отреагировать неоднозначно. Это уж непременно! И вообще, если задуматься на секундочку, все происходящее вокруг было более чем неоднозначным! Все это было чертовски двусмысленным! Оказалось, что под моим миром, который я считал единым и неизблемым, существует другой, совершенно иной, словно зазеркалье. Иной, населяемый другими существами, которые не хотят иметь ничего общего с людьми, и которые отреагируют неоднозначно, если встретят меня неподалёку от своего дома. Однозначно отреагируют неоднозначно!

Тут я уже едва не расхохотался! Что мне было терять? Но Радэ шикнул на меня:

— Будь добр, постарайся вести себя потише, пока мы не придём в заброшенные склады. Там можно будет расслабиться. Что это тебя, кстати, так развеселило?

— Да, в общем, ничего особенного, — ответил я.
— Любимая игра: игра слов. Я в неё могу играть бесконечно. И, самое интересное, для неё мне даже не обязательен второй игрок.

— Любишь слова? — Радэ улыбнулся. — Я тоже к ним равнодушен, если честно. Хотя у нас тут не слишком поощряют это увлечение. Приветствуется изучение только обязательной программы. Это касается и языков: нашего и вашего. А всё, что сверх этого, — уже считается лишним. Так что моё хобби здесь редкость.

— А что это за обязательная программа? — поинтересовался я. — Обязательная для чего?

— Обязательная для работы. Это тот лингвистический инструментарий, которым ты должен владеть в совершенстве для максимально эффективного осуществления миссии. И тут лучше бы действовать уверенно, используя наработанные и проверенные формы, сформированные на основе продуктивных клише. А если ты начинаешь импровизировать, сочиняя на ходу что-то новое, говоришь свободно, это чревато непредсказуемой реакцией и может не принести искомого результата. Так нас учат.

— Боже ты мой! Ничего не понял! — пожаловался я. Он говорил так витиевато, но очень уверенно, будто уже неоднократно повторял это выступление. А во взгляде Радэ читалась твёрдая концентрация на задуманном: он вёл меня на заброшенные склады, просчитывая кратчайший, наиболее безопасный путь, и не позволял мозгу отвлекаться на сторонние задачи.

*Фауна
Дерий*

ИГРЫ ДЕТСТВА

Всю ночь лил дождь. И, переворачиваясь на бок в постели, Раечка отмечала, что едва-ли придётся погулять. Но тут же теплилась надежда, что утром будет всё иначе.

А вот и утро. Раечка вышла на крыльцо в ночной рубашонке. Укутала ею колени и смотрела на вечное чудо природы. Солнце. Оно сияло и было такое нежно-тёплое, переливалось разными цветами своих лучей. Рая была удивлена. «Да оно дрожит! Оно живое!» — чуть не крикнула она и тут же вспомнились слова мамы: «А на пасху солнце играет». «Да» — думала Рая. «Оно и без пасхи играет. Вон какие круги цветные». Она замолчала, продолжая наблюдать за солнцем. А оно поднималось всё выше и выше и сияло всё ярче и ярче. Его тепло распространялось на кусты, расположенные на пригорке и они казались горящими. Его лучи касались ручья с незабудками и даже жгучая крапива была им освещена, каждая дощечка на крыльце была прогрета. Они были гладкие, тёплые. На них приятно было сидеть... «Какая утром тишина!» — отметила Рая. Она закрыла глаза, слушая

тишину. Где-то далеко-далеко пискнула птица. «Может позавтракаем?» — неожиданно раздался за спиной голос мамы. Она стояла прислонившись к косяку дверей. «Ма-ам, посмотри какое солнце!» — в ответ бросила Рая. «Да, доченька, солнце всегда необыкновенное». «Ладно, я сейчас» — девочка встала и побежала к колодезному ручью, что протекал возле дома. Умыться в ручье — особое удовольствие. Вода как обжигала лицо, руки, шею. Этот ручей был очень звонкий. «Мама, а наш ручей поёт» — говорила Рая ещё когда была меньше. А ручей действительно был настолько звонким, что даже в доме слышалось его журчание. Под солнцем он искрился. Песок на дне переливался золотистыми песчинками. Вода настолько холодна и чиста, что хотелось испить. Но когда пили — сводило зубы. Ручей был с родниковой водицей. Вот уж любила Раечка в нём умыться. Плещется так, что на груди вся рубашонка мокрая. Такая свеженькая и холодная бежит в дом вытираться.

Завтракали борщом из крапивы. Мама её сушила впрок да и так около забора хватало. Было вкусно, а если ещё и пироги, то и говорить не приходится. Они убывали с каждым днём, и к тому же заметно.

После завтрака хотелось погулять с ребятами. Их голоса были слышны. «Ма-ам. Можно пойти погулять, когда помою посуду?» — спросила Рая и, прислушалась к получению ответа. «Да иди-иди. Иди», — сказала мама. И Раечка вприпрыжку побежала на улицу, а там ещё лужи. А в лужах — солнце отражается. Встанешь в такую лужу и всё в ней начинает искриться, как будто солнце рассыпается на множество искр-звёздочек. Красиво! А вода в лужах горячая. На дне грязь но что эта грязь для детворы? Дети

бегали по лужам, специально шлёпая. Девчонки, те, конечно подтыгивали свои подолаы у платьев вверх, чтобы не запачкать. Когда лужи начинали подсыхать, то из грязи делали посуду. Девочки с увлечением занимались лепкой посуды, а мальчишки — им нужна техника. Материала предостаточно, поэтому ссор не возникало.

Чего только не выдумывали дети: из травы, из листьев, из прутиков. Делали сумочки, корзинки, венки, лошадок. Денег в ту пору водилось не у многих, поэтому и игрушки были такими. Недолговечны, но сколько тебе надо цветков на венок новый? Целое поле для тебя. Так и тряпичные куклы самоделки шились самими детьми вместе со взрослыми. Придумывали сами. Кто на что был способен.

Каждый цветной карандаш, каждый чистый лист бумаги был в цене. А ещё девчонки собирали цветные фантики с конфет, обёртки с шоколадок. Их, конечно, было мало. Ценился в них рисунок, цвет и даже чьё производство: ленинградская конфетная фабрика или московская. Многие знали какие конфеты вкуснее. Но тоже не от того, что они их ели сколько хотели, а просто интересовались. Какие уж там конфеты! Разве только карамельки. Но они же были вкусные! Фантиков собирали много — до 300 и свыше. Потом пошли игры с бумажными куклами и из фантиков стали кроить разные наряды для этих кукол. Тут и цветные карандаши не нужны. Шашки. Эта игра никогда не терялась. Фигурки — шашки делали из бумаги, из пробок, а доску расчерчивали на листе плотной бумаги или картоне. У некоторых — из фанерки.

Разнообразны были и подвижные игры. Играли всей улицей в «чижика», «Бабки», «Классики», со

скакалками малыми и большими. Настоящих скакалок конечно было мало, но тяжёленькие тонкие верёвочки были у каждой хозяйки. Вот и прыгала детвора. Физкультура! А игры с малым и большим мячом! Играла все: и мальчишки и девчонки в одни и те же игры: «Школа», «Море волнуется».

Очень любили игру «Краски», «Цепи». Там уже чувствовалась симпатия к кому то из друзей, но и коллективизм. Всем было весело.

Улица, на которой жила Раечка, была широкая, зелёная, в конце одном была водопроводная колонка, с другого роща, зелёная, тенистая. В ней была воинская часть, и дети часто видели зимой солдат, пробегающих на лыжах. Чем отличалась эта улица? На ней жили все как в большой деревне. Знали друг о друге всё. А что ещё важно, так это то, что делились игрушками, спортивным инвентарём. Вот и площадку построили волейбольную совместно. Столбы выпросили, когда меняли электролинию-опору. Подгнившие столбы врыли родители и старшие ребята с улицы. А сетка со двора Бориса. Он совсем взрослый парень. Мячей было два. Один у Бориса, другой у Юрки Рощина. Борис был — душа коллектива. Высокий, спортивного типа сложения. Его волосы, брови и ресницы были белыми-белыми. Он подкрашивал брови, но никто не смеялся над ним. Его уважали. И только девчонки, его сверстницы, тихонько, украдкой от него, хихикали. Когда не было дома Юры или Бориса, группа других шли и други но все в один голос просили поиграть мяч. Мячи рвались от частых игр. Их зашивали и они вновь служили для всех и был слышен звон мяча от удара ладоней.

У Юрки Рощина был велосипед. На нём катались все подряд. «Господи! Один на всех! Да вы, ребятки поберегите его. Играйте остороженько» — выговаривала бабушка Юры, а сама с радостью смотрела как детвора гоняет на велосипеде её внука. «А! катайтесь!» — махала она рукой и, насмотревшись, уходила, закрыв плотно калитку. Раечке тоже хотелось кататься, но она никак не могла набраться смелости и попросить. Сегодня, приближаясь к площадке, она решила: « Попрошу. Дорога по центру сухая. Лужи только по обочинам» — и она решительно направилась к Юрке. Его называли «блондин». Волосы были гладкие, золотистого цвета. Глаза голубые, а иногда серые. Всегда аккуратен в одежде и в причёске, с плотной фигурой, небольшого роста. Среди сверстников отличался серьёзностью. «Ты умеешь кататься?» — в ответ на просьбу спросил Юра у Раи. Она чисто-сердечно ответила: «Немножко». Сама думала: «Не даст?», а Юрка посмотрел в сторону, где лежал велосипед и неожиданно сказал: «Бери, ладно. Только не падай». Рая обрадовалась. «Я думала, что он — жадина» — говорила сама себе Рая и уже направилась к велосипеду, что лежал под кустом. Он был большой, мужской, с рамой. Дядя Витя помог опустить ей седло, но всё же Раечка плохо доставала до педалей. Но желание было столь велико, что Рая, собрав всё мужество, стоя на педалях, двинулась в путь. Дорога шла ровная, наезженная. Велосипед катился. Всё было хорошо. Надо было только держать руль и правильно выбирать дорогу. Но вот дорога изменилась и надо было крутить педали, а ноги не могли крутить — педали были тугие, а сил не хватало. Всё произо-

шло так быстро, что сообразить, что-либо было некогда. И... велосипед оказался в одной стороне, а Раечка — в другой. Колено содрано. Но велосипед цел, а это — главное. Рая подняла велосипед и повела к дому. Сорвала лист мачехи. В ручье обмыла колено. Оно саднило, но приходилось терпеть. В доме нашла пузырёк с зелёнкой. Закрывает глаза и приложила кусочек ватки, смоченный в зелёнке. «Ну, вот и прошло всё» — тихо произнесла девочка. «Хорошо, что никто не видел», — наклонившись к коленке, добавила она. Но мама! Разве от неё что-то скроешь? «Больно? — спросила она. «Ничего. Всё заживёт. Хорошо, что только так». Она прижала крепко девочку к себе и Рая с радостью подумала: «Мама не поругала. Она всё поняла, моя милая добрая мамочка». «Теперь куда?» — вновь спросила мама Раю. «Отвезу на место» — и Рая кивнула на лежащий велосипед. «Хорошо» — думала девочка, — что велосипед лежит под кустом, вдали от площадки. Никто не увидит моё зелёное колено».

А на площадке шла игра в волейбол. Раздавались громкие голоса ребят. Спорили, если нарушались правила игры. Рая подошла к площадке, остановившись за кустом, помахала рукой Юре в знак благодарности. В ответ он кивнул головой и Рая пошла к дому, размышляя о том, что она уверенней может кататься, если будет женский велосипед или подростковый. «Но когда подрасту, то и на этом сумею. А велосипед надо смазывать. Педали тугие» — закончила она. Как много она желала! Она хотела научиться кататься на лыжах, на коньках, плавать, быстро бегать, высоко прыгать. Но больше всего она любила петь. «Очень хочется на настоящих коньках кататься. Но на них,

говорят, не очень-то просто научиться». Она шла некоторое время ни о чём не думая. С Ирой рыженькой и Борюсей Рая ходила кататься к колонке на коньках из дощечек. Дощечки с двумя дырочками, через которые проходила верёвка покрепче. Одевались такие коньки прямо на валенки и хорошо закручивались палочкой сбоку валенка. Такие коньки у всех есть, а вот настоящих — не у всех. Дорого. Иметь бы такие коньки, чтобы они были по ноге. Есть беговые. Ни длинные и кажется — острые, как ножи. Есть хоккейные. Ой, вспомнила. Мы же катались на коньках, а мне попали именно хоккейные». Однажды Рая с Иринкой рыженькой и Борюсей, а также ребятами с соседней улицы попали на каток. Коньки можно было взять на прокат. Она вспомнила как тогда стояла в очереди, чтобы получить коньки. Седая бабушка в очках с роговой оправой, устало глядя на неё, спросила: «Какой размер?» «35-й» — ответила Раечка. Женщина посмотрела в ячейку, пошла куда-то вглубь, а вернувшись, сказала безразличным тоном: «Нет такого размера. Разобрали. Ждать будешь или хоккейные возьмёшь? Умеешь кататься на них?» от Раи ждали ответа — женщина и те, что стояли сзади, а Рая не знала, как поступать. «Что сказать? — думала она. Было стыдно признаться, что она ещё ни на каких коньках кататься не училась. Не взять коньки, то вообще без коньков можно остаться. Ждать? Когда их будут сдавать? Какого размера? Нет. Я возьму, попробую на них прокатиться». «Ну что?» — долетело до неё. «Возьму, возьму» — поспешно ответила она и, взяв коньки, отошла от окошка раздевалки. Рая почувствовала тяжесть коньков. «Что тяжелей — коньки или ботинки? Не знаю. «Да. Это не то, что коньки-

палочки на валенках. Почему они на концах закруглённые?» — она проводила пальчиком по лезвию конька и, задумавшись, шла дальше, размышляя. «Наверное в них легче бегать. А вдруг наоборот? — и, улыбнувшись, села в уголок. Вспомнила как на стадионе быстро бегали хоккеисты, когда играли в хоккей. Но снова и снова возникала мысль: «Почему коньки закруглённые?» Рая уселась в уголке, где протоптанная снеговая дорожка поворачивала на лёд. «Как я на них буду кататься?» Раечка вспомнила, что обувь должна плотно прилегать к ноге, а то можно подвернуть ногу. «Шнуровать надо покрепче» — серьёзно говорила она. «Я умею шнуровать». И Рая сосредоточенно начала шнуровать ботинки. Глядя на неё со стороны, можно было подумать, что эта девчушка действительно знает своё дело и на коньках умеет кататься давно.

Подбежала Ирка, рыженькая. Да она и не рыженькая вовсе, но и не блондинка. Сама курносая. Глаза, как два бледно-синих стёклышка, что зимой дети вставляли снеговикам. Только глаза Иринки были как будто всегда чему-то рады и удивлены. А веснушек около носа и на щеках было множество. «Меня солнышко любит» — отвечала она, если ей говорили о веснушках. Кудряшки коротких волос торчали из-под шапки. Она была на много ниже Раечки. «Ты идёшь?» — спросила Иринка, подходя к Рае. «Нет, ещё» — тихонько ответила та. «Догонишь тогда» — громко крикнула Ира, удаляясь от Раи. «Вот и хорошо, что ты ушла. Я одна хочу быть, чтобы никто из наших не увидел, как я буду учиться кататься». И встав на снег обеими ногами, Рая решительно двинулась на лёд и только стоило ей ступить на лёд, как

будто кто-то взял и закружил её. Она еле удержалась на ногах. Наклонившись чуть-чуть вперёд, замерла. Появилась неуверенность в движениях, а в ногах какая-то слабость. Раечке хотелось ехать в одну сторону, но эти коньки делали всё по-своему и направляли совсем в другую сторону. Она уж и ноги-то то соединяла, то ставила как на беговой дорожке на соревнованиях, но коньки не слушались, и Раечка делала такие замысловатые пируэты, что со стороны можно было подумать: «Шутит девочка. Ишь какая интересная разминка». Рая сама удивлялась — как это она ещё не упала. Даже на одной ножке проехала. Коньки почему-то очень часто делали повороты и всё не в ту сторону, куда бы хотелось девочке. Надо было приложить не мало усилий, чтобы хотя чуток проехать по прямой. Ей стало жарко. Она сумела развязать шарф и спрятать его под пальтишко на груди. «Что же делать?» — мелькнула мысль. За ней никто не наблюдал. Все были заняты собой, а ей-то казалось, что все именно на неё и смотрят.

С катка Рая шла одна, не дождавшись друзей. Снег скрипел под ногами. Девочка мечтала о лыжах. «Может когда-нибудь и у меня будут лыжи» — мечтала она. «У Юрки Рощина мяча не было, а потом подарили. Вот и у меня...»

Конечно Раечка понимала, что лыжи вещь дорогая. Но кто не мечтал в детстве? Её губы тронула улыбка. «Я бы всем разрешала кататься на них, как Юра. Чинили бы как мячи сейчас чинят».

Да, не у всех были в те годы велосипеды, лыжи или коньки. Строили ледяные горки, заливая их на ночь водой. Даже ступеньки сбоку пристраивали, чтобы легче было на них подниматься. Катались кто

на чём: один на санках, вторые на дугах, третьи — просто стоя или на фанерках. Но как дети так и взрослые были дружнее. Конечно все были отзывчивыми и «болели» за всё происходящее или за соседа. Но в большинстве делились своими радостями и горестями между собой и всё друг о друге знали. Когда ремонтировали велосипед, то денег не брали за это. Так возникла дружба, уважение младших к старшим. На камеру для мяча складывались все. Конечно, не без взрослых. Все понимали какое было время и были даже рады, что детвора играет на их улице. Особенно много болельщиков было на волейбольной площадке. Приносили с собой табуреточки, маленькие скамеечки и усаживались «поболеть». Улица походила на шумный улей в одном месте и спокойствием в другом. Было такое чувство, что это было не на окраине города, а словно всё происходило в деревне. Никто никого не обижал. Взрослые сидели у дома на завалинках или на вынесенных лавках. После напряжённого дня, после тяжёлого труда хорошо было отдохнуть на чистом воздухе, посудачить о работе, о ценах на базаре, о продуктах в магазине, о помощи России другими странами. Описывали вкус тушёнки из Америки. Хвастались платьями из парашютного шёлка. Младшие играли в театр, рисовали пригласительные билеты и вручали их взрослым. «Почему бы и не посмотреть», — поглаживая бороду, басом прогудел дед Порфирий, а сам улыбался и глаза его озорно смотрели на других, таких же как он, стариков и старушек. «А вдруг ещё и в самом деле будут артисты!» — продолжал он. Все улыбались и с любовью смотрели на «артистов».

Дети есть дети. Они были непосредственны, а игра предостаточно: «Чижик», «Бабки», «Жёстка». Вот в эту игру все хотели научиться играть, но не у всех получалось. Некоторые играли в неё виртуозно, как хороший футболист на тренировке мячом. Кусочек олова пришивали к кусочку меха. Почему так называлась игра, никто не знал. Наверное от того, что от того, кто в неё играл, требовались определённые черты характера: терпение, сила воли, выносливость, отсутствие обиды, добрый нрав и внимательность. Физически крепкие играли дольше, набирали больше очков. Жёстку клали на носок ноги и подскакивали. Ловили тоже ногой — вновь на носок или на внутреннюю часть стопы, на внешнюю. И всё это без остановки. Некоторые играли обеими ногами. Счёт доходил до сотни и выше. Правила на каждой улице были свои. Зрители сидели или стояли вокруг. Судили строго. Они хлопали, свистели, кричали: «Мазила!», когда ведущий ошибался. Обижаться нельзя. Нужно было отыгрываться. У проигравшего отбирали жёстку и оправляли её подальше, а он должен был её поймать. Если не мог поймать, то отыгрывался, т.е. снова начинал играть. Зрители охотно ему помогали — считали за него. Он — только играл. Даже взрослые парни играли в неё. Иногда, смеялись, подходили чьи-то отцы и просили попробовать поиграть. Но у них уже не получалось так, как у мальчишек. Все вместе сеялись, а взрослые мужчины, улыбаясь, отходили, переговариваясь между собой и махнув рукой. Что ж, всему своё время.

А вот игра в «Ножички» проводилась обычно тайком. Где-то в таком месте, чтобы никто не видел из взрослых или родителей, т.к. они запрещали играть в

неё. Дело в том, что в эту игру играли на деньги. Сначала, кто постарше был и уже умел играть, давал в долг, а уж должнику надо было отдавать долг. Но кто же из мальчишек не хотел бросить ножечек с головы, из-за спины, с плеча, с ладони, да так, чтобы он упал, воткнувшись в землю. Конечно желающие находились, но такое «метание» вело за собой желание иметь деньги. Где их мог взять мальчишка?

Конечно это было заманчиво. Дети играя, были в долгу. Хорошо, если признавались родителям. Родители объясняли почему нельзя играть в такие азартные игры. Ребёнок понимал — воспитывались вредные привычки и уже не подходили играть, а только наблюдали.

Ох, уж эти мальчишки! Война не отучила их играть в «войнушку». Оружие мастерили из дерева. Был даже флаг. Но что интересно, что никто не хотел играть роль фашиста или предателя. Было великое желание быть командиром, солдатом, но фашистом...нет. Доходило даже до слёз у иных и тогда кто-то более стойкий и понимающий, что этого всего лишь игра, соглашался играть эту роль. Вот вам и характеры с детства. Разве мало было отважных маленьких героев войны? Как много горя принесла война! Как многих осиротила, оставила без крова. Но в людях жила любовь к Родине, к близким, родным, друзьям, просто знакомым. И никакая война не заглушит это чувство.

Поэзия*Лариса**Алексеева***СОЛНЦЕ**

В человеческом сердце
Есть огромное солнце.
Чтобы ввысь наглядеться,
А не только на донце.
 Чтоб с утра до заката
 Высотой наслаждаться.
 Чтобы птицей крылатой
 В синеве искупаться.
Чтобы лучиком светлым
В мире многострадальном
Радость множить на свете
Людям близким и дальним.
 Пусть душа веселиться,
 Светлой станет дорога.
 Пусть любовь эта длится
 Дольше жизни немного.
Чтобы в небо взглядеться,
А не только на донце,
В человеческом сердце
Есть духовное солнце.

О СЧАСТЬЕ

Сын ненавидит отца,
Он платит той же монетой:
«Вырастил я подлеца» —
Стонет по белому свету.
 Бросил родителей сын,
 Пусть убивается мама.
 «Сам я себе господин,
 Жить буду с девочкой-дамой».
Ненависть губит сердца,
Цвет убивает у почек.
Мать позабыл и отца,
Что с тобой будет, сыночек?
 Жизнь остановим на миг
 И ужаснёмся поступкам.
 Боже, ты нас вразуми
 Следовать счастья минуткам.
Мы на крутом вираже,
Рвём своё сердце на счастье.
Если нет Бога в душе,
В жизни не может быть счастья.

ЗАЩИТА

Украинцы, милые, родные,
Что ж не прекращается разлад?
Лишь о вас, страдальцы дорогие,
Души наши плачут и болят.
 В судьбах было много прегрешений,
 Оттого страданья велики
 За грехи ушедших поколений
 И за наши личные грехи.

Все теперь в тревоги дни и ночи
И такой судьбе никто не рад.
Головы нечистый заморочил
И пошёл враждой на брата брат.
 Не враги Россия с Украиной!
 Поразмысли, заплутавший брат,
 Ведь у нас с тобой один — единый
 Внешний, лютый и жестокий враг.
А фашизм душа не принимает,
Там чем больше зла, тот и герой.
Но у нас у каждого страдает
В Украине человек родной.
 Мы молитвой искренней и сильной
 Станем вместе Господа просить:
 Украину помири с Россией,
 Сохрани, помилуй и спаси.
Надо нам стоять стеной единой.
И когда друг друга все простят
Три Святые Лавры Украины
Страны Православья защитят!

АНФИСА

*Шестилетней киевлянке
Анфисе Цукановой*

В подвигах, победах, пораженьях
Закалялась Русь судьбой своей.
И растила в каждом поколенье
Светлых сыновей и дочерей.
 ... В Киеве Анфиса подрастает,
 Утренняя чистая зоря.
 Её нежность все игрушки знают
 И её любимая семья.

А душа достойна уваженья
За победы в танцах на катке
С грацией оточенных движений,
В плаванье, в английском языке.
 В мир высокий приоткрыта дверца,
 Учат там мечту свою любить.
 И стремится маленькое сердце
 Лучше, чище, правильное быть.
Чтоб достичь небесного блаженства,
На Земле сейчас должно быть в нас
Мощное стремление к совершенству,
Творческой энергии запас.
 Вверх спешим мы с силой кипариса,
 Сделаем пораньше первый шаг.
 В каждом сердце пусть живёт Анфиса,
 Чистая, летящая душа.

ВETERАНЫ

Ветераны, друзья дорогие,
Как нам хочется с вами дружить
И к ногам вашим, наши родные,
Все награды на свете сложить.
 Драгоценней алмазного фона
 Ваших душ побеждающий свет.
 Вы живите ещё долго, долго
 Окончания подвигам нет.
Вы достойный пример человека
Посреди тяжелейшей войны.
Ветераны, вам в жизни полвека
Часто снятся военные сны.
 Снится берег и волны морские,
 И десант и осенний рассвет,
 Украины дороги, России
 И ребята, которых уж нет.

В жизни выпали вам не свиданья,
Не свирель соловья в ту весну,
А такие судьбы испытанья,
Десять жизней вместились в одну.
 Вдруг случится година такая
 Повторить мы ваш подвиг смогли б?
 Увидав вас, мы шапки снимаем,
 Низкий, низкий поклон до земли.
Люди, мир от врагов берегите,
Пусть не будет пожаров во мгле.
Каждый воин как ангел-хранитель
Охраняет покой на земле.
 Вспомнив молодость, дни боевые,
 От волнения слёзы из глаз.
 Вы защитники наши родные
 Что б мы делали в жизни без вас?!

ВЫПУСКНИК

*Воспитанникам
интерната №1 г. Керчи*

Вот последний звонок тронул сердце,
Сто дорог перед нами лежит.
Позади бесшабашное детство,
Впереди у нас взрослая жизнь.
 Быть внимательным надо и строгим,
 Ведь живём мы не в райском саду.
 Постараемся выбрать дороги,
 Те что к жизненным целям ведут.
Есть у сказок о жизни красивой
Обещанный крючок золотой.
Друг, давай-ка найдём в себе силы
Обойти эту вещь стороной.

Мы совета надёжного спросим,
Чтоб врагу дать достойный отпор.
Он, учти, не игрушечный вовсе,
Враг реален и очень хитёр.
 Чтобы люди за нас не краснели,
 Надо близких своих уважать.
 В нашей жизни серьёзные цели,
 Родились мы, чтоб их выполнять.

Иногда нам нужна остановка,
Чтобы новые силы найти.
Друг — опора твоя и страховка,
Помощь нужная в трудном пути.
 Нас судьба по морям не носила
 И пока от страданий хранит.
 Дружба в жизни — великая сила,
 Крепче, твёрже она, чем гранит.

Мы свободные, умные люди,
Сил запас есть у нас на года.
Если трудно товарищу будет,
Всё оставим, поможем, всегда.
 Годы школьные нам всё дороже
 И запомнится каждый их миг.
 Чем учитель мудрее и строже,
 Тем счастливей его ученик.

Педагоги, наставники наши,
Замечателен каждый из вас.
И советы так мудры и важны,
С благодарностью вспомним не раз.
 Соберёмся мы лет через двадцать,
 Вспомним класс и проделки друзей.
 Нам себя не придётся стесняться,
 Будет встреча достойных людей.

ОСЕННИЙ БАЛ

*Елене Денисовой,
воспитаннице интерната №1*

Милая, нежная, славная,
Маленькой леди портрет.
Будь для себя самой главной,
Любит тебя белый свет.

Ты в своём центре Вселенной
Яркой звездой свети.
Радостней станет, Елена,
Всем, кто с тобою в пути.

Осень прозрачным мгновеньем
Сердца касается пусть.
И принесёт вдохновенье
Первая светлая грусть.

Словно прощения просит,
Тихо слезинка дрожит
Милая девочка — осень
В вальсе кленовом кружит.

Пусть на улыбку ложится
Солнце и снег, и дожди —
Всё ещё в жизни случится,
Всё у тебя впереди.

Светлана

Бурова

ЕСЛИ У ВАС НЕТУ СЧАСТЬЯ

Старая песня на новый лад

Если у вас нет чего-то, —
Радуйтесь, вам говорят.
Если у вас нет работы,
То вас и не сократят.
Если у вас нет квартиры, —
Проблема с наследством ясна.
Если достали вампиры, —
Кровь ваша, значит, вкусна.
Если у вас нету дачи, —
Вору не светит обед.
Если ни в чём нет удачи,
То к вам и зависти нет.
Если раздеты, голодны,
Бобикам бедным под стать, —
Можете гавкать свободно,
Шерстью и то обрастать.
Если у вас нету счастья,
Загнаны в нору, как крот, —
Будьте спокойны, в ненастье

Молнией вас не убьёт.
Если с утра под шарманку
Где-то финансы поют,
Значит, к какому-то банку
Клиенты толпой побегут.
От натиска этих клиентов
Банку не устоять.
А коль на счету нет ни цента,
Так что ж вам, скажите, терять?
2000 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕДЫШКИ

*В. Маковецкому и литератур-
ному клубу «Не хлебом единым»*

Природы давняя подруга,
Никак не вырвусь к ней из круга
Преград, что мной руководят.
И только в редкий час досуга
Я мчусь мечтою к морю, к лугу...
Часок истёк — плетусь назад.
Потехи время золотое
Истратить ничего не стоит,
От дел отбоя нет зато.
А мне б до вечного покоя
Налюбоваться красотой.
Уйти бы в отпуск лет на сто.
Жизнь созерцанием богата.
Душе б ещё побыть крылатой,
Летать, не глядя на часы.
Брать курс на зори и закаты,
Луну, плывущую куда-то,
Огни вдоль взлётной полосы.

Чудесны странствия, походы.
Пришлись бы кстати скороходы,
Да счастье полно лишь в раю.
Ах, мне бы в обществе Природы
Вкушать все прелести свободы
И брать у Музы интервью.

Мне б замок посетить старинный,
Как Робинзону погреб винный,
И сейф условный приоткрыть,
Разгадки клад в себе таящий:
Что там, за жизнью преходящей,
Где всем нам быть или не быть.

МОЙ УГОЛОК ЗЕМЛИ

Моя квартира пятьдесят квадратных метров.
Балкон и окна с видом на восход.
Тут во дворе гуляют вольно ветры
И голуби — пронырливый народ.
Тут море видишь, стоя на балконе,
И белый парус — глаз не отведёшь.
Посёлок дачный весь как на ладони,
На деревеньку русскую похож.
В обзоре пруд и заросли сплошные,
И вечный холм, обласканный травой.
Пейзаж родной, ты тоже часть России,
Ты тоже часть истории живой.
Тут я могу, не выходя из дома,
Смотреть с отрадой в небо без границ,
Внимать весною пенью хоровому
Лягушек и кузнечиков, и птиц.
Быть может, обстоятельствам в угоду,
Погрязла б я в заботах без просвета.
Но мой балкон выходит на свободу,
На радуги, на звёзды и рассветы.

ПРЕДОСЕННЕЕ

Природа готовится к осени.
Ветра, как по просьбе, возникли.
С жарой, комарами да осами
Сражались, пока не затихли.
Но крылышки многим взъерошили.
Природа готовится к осени.

В компании с громом и молнией
Дожди приходили тоже.
Канавы водою наполнили
И распугали прохожих.
Кого-то отмыли досиня.
Природа готовится к осени.

Вот дерево — листья зелёные,
Лишь ветка, как брошь, золотая
Взгляды влечёт восхищённые:
Откуда краса такая?
Какими судьбами заброшена?
Природа готовится к осени.

Уж скоро и ветки-соседки
Займутся нарядом-фасоном.
В чести нынче ярче расцветки.
Кого удивишь зелёной?
А травы грустят под росами.
Природа готовится к осени.

Юлия

Котлер

Член ЛИТО «Лира Боспора». Победитель общекрымского литературного фестиваля «Крымский орнамент», лауреат многочисленных поэтических конкурсов. Печата- лась в литературных изданиях Крыма, Украины, России, а также в зарубежных альманахах. Филолог. Работаю на керченском телевидении.

* * *

*Почему мужчины всегда играют в убийство?
Патриция Хайсмит*

Проходя сквозь волны вивисекций,
Воскресаем в новом смертном теле.
Даже если Бог стреляет в сердце,
Зачастую рана не смертельна.
 Это лишь проверка в стиле Ницше,
 Или эпизод из девиаций.
 На краю любой вселенской ниши
 Пляшут плетерукие паяцы —
Бьющие наотмашь — между делом.
Ведь и смерть для Бога — между прочим.
А в графе гуманности идеи
С мига сотворенья жирный прочерк.
 Тает ночи сладкая личина...
 Мы подходим к призрачному краю.
 Но не забываем: Бог — мужчина,
 Стало быть в убийство он играет.

* * *

*Если б у Бога не было нас,
Он бы, пожалуй, и не был Бог.*

Марина Матвеева

Одиночество — Божий ген
В нас, вне нас и всегда над нами,
В ядовитой слепой пурге
Проступающий письменами
 Крови, памяти, мыслей, шор.
 Со спокойствием фармацевта
 Отпускает Он боль и шок
 Без сомнения и рецепта
Всем и каждому по чуть-чуть,
А кому-то — совсем с лихвою.
Даже если не по плечу
Ноша — с поднятой головою
 Заставляет идти вперёд,
 Делать вид, что живёшь и веришь,
 Наплевав на душевный гнёт,
 Незаслуженные потери...
Это просто извечный быт,
Проходящий сквозь нас и мимо.
Бог последним словцом добил
Хитромудрый кроссвордик мира —
 Из шести драгоценных букв
 По вселенским горизонталям.
 Есть Любовь. Остальное — бунт,
 Послесловия и детали —
Незначительные как жизнь,
За которой по расписанью
Только смерть. Априори лжи
Воскрешение не спасает.

Анестетик наш — суета,
Отвлекающая от боли.
А Ему одиноко так,
Что хоть волком... Да что там — полем
 Обожжённым стонать и выть
 От бессилия и гордыни.
 Понимает и Бог, увы:
 Всё тщета и осадок дымный.
Есть забвенье и вечность. Но...
Ужас в том, что в тюрьме вселенной
Есть единственное окно,
Приоткрытое в размышленья
 Человеческие. От них
 Даже Богу бывает страшно.
 Люди просто его дневник
 Недописанный и вчерашний -
До того, что хоть вены рви.
Только Богу суицидальность
Недоступна. Опять увы:
Каждый в свой же капкан. Банально...
 И прозрение есть итог:
 Каждой клеточкой в нас стеная,
 Одиночество- это Бог
 В нас, вне нас и всегда над нами.

Пара.НОЙ.Я

Круглосуточна боль, словно крепкая дружба мужская.
А тоска — с перерывом на сон, да и то не всегда.
На свободу длинную в минуту себя отпуская,
Я ищу золотые деревья в увядших садах.

Чтоб без мук, сожалений и клейких апрельских листочков —
Только дерево к дереву. Словно Зефир и Борей.
Не алеть парусам и мечтаньями не кровоточить.
Это лодочка-бункер для самых спесивых морей.

Научиться гореть и дышать лишь сегодняшним днём.
Обрасти гладкостенным ковчегом и стать ненадолго
Провиантом надежды и грёз запасть непременно.
Не забыть про вино, апельсины и яркие сны.

Одного для ума — без особых примет и привычек.
А другого для тела — вот тут уже прочь интеллект!
А ещё два светила — влюблённую парочку птичек,
Чтобы помнить о том, что бывает закат и рассвет.

И не видеть земли с ненавистными догмами быта,
И не слышать давно опостылевших мне голосов.
Только знать, что в ковчеге моём, этим миром забытом
Есть надёжная дверь, что закрыта не прочный засов.

ВЕСЫ

Марине Цветаевой

Не из ребра, не из солёной пены,
А из неравновесия весов,
Одна ладонь, которых постепенно
Тобой перевешенной вселенной
Разбила веско времени висок.

И стала ты весами мирозданья —
Крылатыми и трудными как суд,
Сносящими лишенья и страданья,
Пощёчины любви и подаянья,
И отчужденья горестную суть.

Плечами, подмечая как очами
Вес и весомость вёсен и высот,
Весь век свой так пришлось тебе качаться,
С печалью понимая, что нечасто
На точность и отмеренность везёт.
 Отмеренность щедротами увечий,
 Отмеченность безумием любви —
 К любому, пошатнувшемуся в вечность,
 Примерившему пышноцветный венчик —
 Пусть даже он к разлуке скорой свит.
Для пальцев, как для маленьких аптечных,
Лекарство отмеряющих и яд,
На чашечках холодных легкоплечих:
Грамм — умертвит, а может быть излечит —
Любовь всегда на ощупь как своя.
 Фемидины слепые — мгла разлуки —
 Качаются, чуть ветер припадёт
 К их полюсам. Слеполетающий случай
 Разносит предсказания как слухи
 И письма с опозданием раздаёт.
Не знавшая смиренья, мира, меры —
От всех весов взяла ты по чуть-чуть:
Входила в предназначенные двери
Отпущенной тебе беды и веры,
Отмеренных тебе дорог и чувств.
 Но лишь у тяжкорукых у базарных,
 Привыкших к торгу, гилям и костям
 Разбитым, перемытым — ты в гостях
 Всегда была с огромными глазами,
 Струящимися ввысь как гордый стяг.
Ни ржавчины, ни будней не приемля —
Воздушный знак — подкожный водяной —
Ты выбрала эфир, отвергнув землю,
И кислород — из эмпиреев зелье,
И даже смерть — в полёте над землёй.

Константин

Артёмин

* * *

Есть ли прок от порока?
Есть ли прок от пророка?
От пророка есть прок.
Пока нет от порока.
И пророк, обличая
Опасность порока,
Побеждает порок
По законам пророков.
А законы пророков
Диктуются роком,
Ибо сердце пророка
Всегда одиноко.
И, лишённое пагубной
Гязи порока,
Одиноко
Оно подчиняется року.
Сущность рока — жестока,
Но сила пророков
Отражает сияние
Божьего Ока.
И поэтому рок

Не терзает пророков,
Что бредут по порочной
Земле одиноко,
Побеждая поток
Человечьих пороков,
Бьющих чёрным фонтаном
В Небесное Око.
И такая судьба
Своенравных пророков
Недоступна рабам
Сладострастных пороков.

* * *

В минуту трудную
Мне очень хочется
Легко избавиться
От одиночества, —
От груза тяжкого,
Невыносимого
Всего бессмысленно-
Необходимого.
Хочу я чувствовать,
Друзья-товарищи,
Надежду чуткую
С тех пор, когда ещё
Я развиваться стал
И, трезво думая,
Найти друзей желал.
Но жизнь угрюмая
Срывала маски все
С друзей бессмысленных,
И открывалась мне
Простая истина.

Что друг не только тот,
Кто улыбается
И лестно говорит,
И пресмыкается.
Друг — это тот, кто в миг
Тяжёлой участи
Тебе готов помочь,
Тебя не мучая,
Кто впустит на ночлег,
С тобой беседея,
Поделит соль и хлеб,
Отдаст последнее.
Друзья в момент беды
Для нас источник благ.
О, как хотелось бы,
Чтоб все мы жили так!
О, как хотелось бы,
Чтобы в жару и вьюгу
Мы от любой беды
Могли спасти друг друга.

* * *

Жит, не взирая на
Проблемы и невзгоды;
В любые времена,
В любое время года.
Любить людей, цветы,
Планету и деревья,
Соцветье красоты
Повсюду лицезрея.
Легко летать душой
Над многомерным миром
И быть самим собой,

Не сотворять кумиров.
На каждом вираже
Восторгом наполняться,
Слагая гимны же-
лаемому счастью,
Прекрасный фейерверк
Показывая людям,
Убить навеки смерть
В честь жиненосных судеб —
Вот истинный предел
Восторженных фантазий —
В пустыне мелких дел
Спасительный оазис.

* * *

*Светлой памяти
моего лучшего друга
Поэта Галины Дмитриюковой*

Твой звонкий смех
Забыть не в силах...
Стою.
Передо мной — могила,
Вполне реальная такая,
А кажется, что ты...
Живая.
Самообман...
Ненужный бред...
Иллюзия больного мозга.
Тебя на этом свете нет.
И каяться,
Пожалуй,
Поздно.

А слёзы по лицу бегут,
И в горле ком застыл щемящий.
И правда, видимая тут,
Воистину непреходяща.
И остаётся лишь одно:
Упасть бессильно на колени
И у тебя,
Мой друг святой,
Молитвенно
Просить прощенья.

* * *

Лишь в творчестве спасение
От разных потрясений я
Сумел найти
На жизненном пути.
Без всякого сомнения,
Без капли сожаления
Я верю: счастье
Будет впереди.
Не жду его, как прежде я,
Хотя живу надеждою,
Без страха и бессмысленных обид.
Я верю, что когда-нибудь
Искра возжжётся пламенем,
Всё прошлое плохое истребит.
И в творчестве неистовом
Сгорая, стану чистым я
И людям подарю
Любовь свою
К прекрасному, высокому,
Бескрайнему, глубокому
Всесильному Вселенскому Огню.

И люди будут радостны,
И скажут: как нам сладостно
Горение такое лицезреть!
Очищенными душами,
Всевышнему послушными,
Мы победим
Болезни, голод, смерть.
О, детские мечтания,
Наивные желания,
Лишь вам я благодарен без конца
От всей души, клокочущей
Все, что сказать мне хочется
Перед лицом Небесного Отца!

* * *

Потоки книг. Какую ни возмёшь,
В любой из них увидишь только ложь.
Впервые мир перед тобой возник
Не на страницах непотребных книг.
Реальность — вне премудрых букварей,
Вне штампов и конвейерных идей.
Она всегда живёт в твоей душа,
И нужно постигать её уже.
Когда её увидишь ты, она
Тебе открыть сокровища должна.
Где правда? — можешь ты спросить, скорбя.
В тебе. Её не сыщешь вне тебя.

* * *

Вот, настала весна,
Неожиданно, непостижимо.
Свежей силой наполнив
До края людские сердца,
Веселилась она,
Танцевала и нас одарила
Искромётной любовью
В чертах молодого лица
Своего, а глаза её
Так глубоко опьяняли,
Так манили к себе и в себя,
Что я, в них погрузясь,
За пределы трёхмерного
Времени вылетел в дали
Многомерных пространств,
Обретя с ними новую связь.
И в дожде из цветов —
Алых роз и гвоздик, и пионов,
Мчалась в свету душа —
В запредельно-бездонную высь,
Где пожаром пылал,
Погружая весь мир в невесомость,
Сонцеликий цветок,
Подаривший мне новую жизнь.
Приближаясь к нему,
Замерла во мгновение ока
Моя тонкая сущность,
Миры отражая собой,
Поглощая в себя
Миллиарды энергопотоков
Всемогущего разума

И бесконечный покой.
Я не мог говорить и лететь
От восторга немого.
Я забыл: кто я? Где нахожусь?
И куда устремлён?
И внезапно исторгла
Душа моя вечное слово,
Это слово «Любовь»
Сотрясало пространство, как гром!
И в сиянье галактик,
Окутанный радужной тканью,
Я любил бесконечность
Свободно, легко и светло.
И во мне воскресал
Убиенный за истину Даймон,
Побеждающий силой любви
Ненавистное зло.
И видение это,
Казалось, продлилось мгновенье,
А мгновение это,
Казалось, продлилось века.
Я стоял у окна
В эту ночь, у раскрытой вселенной,
Ароматную розу сжимая
В дрожащих руках.

* * *

И вновь ко мне пришла старуха Кали,
Ужасным ртом о вечности треща,
Она, смеясь, подбросила печали
В души моей безогненный очаг.
Она так много, долго говорила
О том, что смысла в наших жизнях нет,
Что плоть обречена, попав в могилу,
Бесцельно тлеть там много сотен лет.
И красный цвет её зрачков вонзился,
Как дротик, в худощавую мою
Грудную клетку, в коей нервно бился
Комочек, обречённый на дебют
Её зловещей непреклонной властью,
Перед которой, голову склонив,
Я в свете смерти наполнялся счастьем,
Но был ещё, в формальном смысле, жив.
И всё земное мне казалось тленом,
И разум мой так быстро угасал,
И даже нерешённые проблемы
Решать необходимым не считал.
А Кали так приятно хохотала,
Так нежно шепелявила, что я
Не смог заметить, что меня не стало
В неутомимом ритме бытия.
Душа моя в посмертье лицезрела
Бессмертной смерти тёмно-синий лик.
А на земле в грязи лежало тело,
Исторгнувшее свой последний крик

Людмила

Десятова

ФУНДАМЕНТ

Серебрится вечернее море у ног.
И рыбацкий баркас у причала прилёт.
Благодать изначальная. Время — не в счёт.
Голубая вода всё куда-то течёт.
 Разноцветные баржи пестрят вдалеке.
 И ракушка рапаны — в девичьей руке.
 А ведь точно сегодня, таков был прогноз,
 Должен света конец состояться из гроз.
Жизнь течёт, несмотря на прогнозы пройдох,
Возбуждавших проплаченный переполох.
Но вот, ловится рыба, и баржи плывут,
И в вечерней природе — привычный уют.
 Пусть ворчат старики и младенцы кричат.
 Жизнь течёт, как всегда, как и эру назад.
 Ты уйдёшь — ну и что ж? Остаётся твой след.
 Он фундаментом будет для новых побед.
Золочёным становится море с утра.
Мы идём, ожидая от жизни добра.
И сквозь войны, сквозь ужасы надо пронести
Нашу ниточку жизни, что будет, что есть!

ЧЕРДАК

Скрипнешь дверцей, откроешь чердак.
Там живёт улетевшее время.
В пыльном мраке ты ищешь, чудак,
Свою молодость, лёгкость и стремя.
Там в углу чемодан со старьём.
В нём шкатулка, как в птице яйцо.
Открываешь её — и твоё
Озаряется счастьем лицо.

Пожелтевшие письма твои —
След романтики прошлого века:
Афоризмы, прожекты, мечты,
Нотки самодовольного эго.
Смена адреса — смена эпох.
А конверт — он хранитель любви...
Ключ восторгов давно уж иссох.
Закрывай! Уходи! И живи!

БОГАТЫРСКАЯ ПОРОДА

(или Покаяние Амазонки)

Ой, бабоньки, не так уж мы несчастны.
Я это поняла весной в Крыму.
Познав Майдан и панику, сейчас мы
Надежду обрели и свет сквозь тьму.
Есть, есть ещё славянские мужчины
И с трезвостью, и с разумом в глазах,
Без комплекса рабов или песчинок,
Солдаты чести, им неведом страх!
Лишь долг защитника семьи, земли, народа
Они несут на знамени своём.
Не правда ль, богатырская порода
Жива в мужчинах. Славу им поём!

17 марта 2014

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Течёт, меняя вектор, речка Кама.
Впервой её освоил кто — незнамо.
Тут многие бывали племена,
Всему свои давая имена.

И вот село возникло Бисерово.
И были его жители здоровы,
Трудились, создавая для семьи
И пол, и кров, и баньку, и овин.

Иван Ильич, мой дед, отец семейства,
Был умным мужиком, опорой места,
Трёх сыновей родил и Машу дочь,
Ваял своё хозяйство день и ночь.

Авторитет Ивана безусловен.
Хоть был его характер крут, но ровен.
Он с сыновьями кузницу создал
И получил клиентов целый вал.

Хозяин богатырского сложенья
Был мастером кузнечного уменья.
Сыночки Коля, Яша да Иван
Учились у отца, всяк смел и рьян.

Сковать скобу, щипцы, ухват, подкову
К весне соседям требовалось снова.
И даже из далёких деревень
Шли люди в кузницу и в ночь, и в день.

Изба кузнечная всегда дышала жаром.
В мороз к ней шли кто с делом, а кто даром,
Ведь вятская зима — совсем не рай,
Жить хочешь — от мороза убегай!

В семье Ивана строгий был порядок.
Покорная супруга Вера рядом,
Хранительница мужнина стола,
Здесь неприкосновенность берегла.

Ведь в ящике стола рубли лежали
И обещали розовые дали
Для дочки, для сынов и их семей.
И прикоснуться к ним никто не смей!
 Но не достиг Иван благополучья.
 В селе для всех возник несчастный случай:
 Какие-то пришли большевики
 И всё добро снесли в свои мешки.
Забрали всё: и семена, и лошадь
Молодчики с наганами и в коже.
Их защищал неправедный закон,
В том беспределе был всесильен он.
 Сельчане выжили, тая обиду,
 Гнев на грабителей убрали с виду
 И продолжали строить и пахать.
 Настали испытания опять.
По радио с утра звучали марши
О том, что армия непобедима наша.
И вдруг — война, уж немцы под Москвой!
Всех сыновей отправили на бой.
 Красавец Николай убит был первым.
 Слегла от горя Бисерова Вера.
 Её старшему было двадцать семь.
 И нет его. Вдали. И насовсем.
Через полгода где-то в Беларуси
Погиб второй сын, Яков рыже-русый.
Не стало солнышка... сплошная тьма,
Сводившая родителей с ума.
 Но дома был ещё Ванюша — младший,
 Он до войны женился, стал папашей
 И внучку Ираиду подарил
 На радость старикам, и с ними жил.

В последнем эшелоне новобранцев
Ванюшу увезли с врагами драться.
Куда ушёл тот вятский эшелон —
Ответа нет с тех сталинских времён.
Малышка Ирочка росла средь огорода
Бесправная, как дочь врага народа.
А дочь Мария, не признав вину,
Детей учила в школе всю войну.
Салют! Победа! — вдалеке кричали.
А бисеровцы сумрачно молчали.
Вернулись в семьи пятеро калек.
Как сельским вдовам доживать свой век?
Иван Ильич от горя обезножел
И пятьдесят всего годочков прожил.
Жена чуть-чуть его пережила,
Увидев внука Вову, в гроб легла.
А дочь Мария гордой оставалась,
И безупречной быть всегда старалась.
Что «дочь кулацкая», «пропавшего сестра» —
Клеймо обидное несла в себе с утра.
Когда же я у Маши появилась,
Неладно сердце матушки забилося,
В кардиологию родимая слегла,
Работать в школе больше не могла.
Нас из последних сил она растила,
Почуяв час, осознанно простилась...
Вот так истаяла хорошая семья.
А в даль чудесную течёт реки змея...

*Борис
Васильев-Пальм*

ОТКРОВЕНИЕ

Жаждешь свидания с Богом?
Да, ближе нету родни!
Думаешь, он за порогом?
В душу себе загляни.
Силой любви обнаружен
Он в сердцевине души...
Тайне свидетель не нужен.
Верить в неё поспеши.

Ищем не там и не то мы,
Путая спуск и подъём.
Выгоды бесом влекомы,
Сами себя предаём.
Бог же, которого ищем,
Вне доброты с красотой,
Шепчет богатым и нищим,
Каждому шепчет: «Постой,
Не суетись, не завидуй, —
Ты моей сущности плоть...»

Счастье дано инвалиду,
Если он верит: «Господь
Связан со мной воедино
Родственным Духом Святым».
Дьявола лишь поединок
С Богом в себе не простим.
Выбьем его покаяньем,
Мором гордыни в себе,
И, просветлённые, глянем
В небо с поклоном судьбе.
18.04.2015

* * *

*«С запада ждите врагов,
а друзей ищите на востоке», —
сказал кто-то из русских святых.*

Пётр не окно в Европу прорубил.
Он ей в Россию распахнул ворота!
И этим Русь едва не погубил.
Но выстояла матушка... Хоть рвота
Не раз одолевала от гостей,
Навязывавших чуждые ей нравы...
Так нынче нас от лживых новостей
воротит, как принявших часть отравы.
У нас свой путь, история своя...
Нет, европейничать не надо русским людям.
И раболепья не ужалит нас змея, —
Мы независимыми были, есть и будем.
Тому порукой «Крымская весна».
Хотели Крым втянуть от нас в Европу...
Долг платежом, а Правдой Русь красна,

и фигу показали мы укропу.
Давно мадам Европа отцвела,
Настало время расцветать России.
Но наши возрождения дела
спать не дают Америке... Усилий
заокеанский не жалеет монстр:
блокаду объявляет Крыму... Дура.
Кремль взялся в Крым такой построить мост,
Что свадьбу справят Бизнес и Культура.
промашку еврофильного Петра
подправила весьма Екатерина:
не западные, — южные ветра
проветривают Русь окошком Крыма,
где «шёлковый» когда-то стлался путь
от Рима аж до Индии с Китаем.
И, поумнев, корабль свой повернуть
мы в сторону друзей предпочитаем!
конец 2014 г.

С АВТОМАТАМИ В ПАРИЖЕ — ТЕРРОРИСТЫ,

С АРТОБСТРЕЛАМИ В ДОНЕЦЕ КТО, — АРТИСТЫ?

Смертоносные и там, и тут гастроли,
Что ж так разнится реакция на роли?

I

Не знаю, — мир свихнулся в горе,
Иль я — в сочувствии Парижу:
Не вижу разницу в терроре...
В оценке разницу лишь вижу:
Погром в «Шарли», конечно — зверство,
Но по Донбассу канонада, —
Война с детьми — не изуверство?
О них печалиться не надо?

Там оскорбили Мухаммеда,
А тут Бандера в укоризне.
Свободы слова там победа,
Тут под угрозой образ жизни,
На речь родную покушение...
Карикатурой оскорбленье?
А на Донбассе — потрошенье,
Людей с домами истребленье.
Там перед чувствами вина
За перебор насмешки в шутке,
А тут за отчий дом война.
Террора здесь масштабы жутки.
Погибло там десятка два
Не абсолютно невиновных,
А тут народа жизнь едва
В телах, от голода бескровных,
Зимую теплится, но нету
В Европе варварству протеста...
Теракт в «Шарли» шумел по свету,
Тревоге ж нашей нету места
На площадях столиц Европы.
Умыли руки, «с краю хата»?
Придут под свастикой «укропы», —
Россия будет виновата?

II

Не хватит ли про русских басен!
Ведёт с бандеровцами бой
Русскоязычный на Донбассе
За право быть самим собой.

Тут не пророка ненавидят, —
Фашизму здесь дают отпор.

В парижках будто бы не видят
Такой трагедии в упор.

Сожгли живьем весной в Одессе
Антимайдановцев десятки,
Но где, в какой Европы прессе
Кто возмутился? Взятки — гладки!

Наверно, я свихнулся в горе:
Часть Новороссии в дыму...
Не вижу разницы в терроре,
Но, слава Богу, я в Крыму!

14.01.2015 г.

* * *

*«Город выглядит как толчея фарфора
и битого хрусталя»
И. Бродский «Венецианские строфы»*

*«Восемь лет в Венеции я не был»
И. Бунин*

Никогда в Венеции я не был.
Всякий раз, когда о ней мечтаю,
не могу себе не удивиться:
чем моя питается надежда, —
некому позвать меня как гостя,
да и денег даже на дорогу
отродясь потребных не имел я,
а поди ж ты, — сорок лет мечтаю...
Что она покажет мне такого,
чтобы сердце так затрепетало,

как минувшим летом было в Умбе?
В маленьком посёлке беломорском.
Небо там не «влажной бирюзою
облаков сиреневые клочья»
на утеху взору окаймляет...
нет, оно свинцом и перламутром
мало отличается от моря...
солнце там, отнюдь, «не стены Дожей
пригревает», — а гранитный берег,
хвойными деревьями поросший.
Запах моря в Умбе при отливе
мне напоминаем детства дорог.
Что же мне Венеция предъявит,
чем заставит сердце встрепенуться
там, где мне природа не родная, —
парусный баркас милей гондолы...
что мою мечту подогревает,
чем она питается так долго?
Уж не стихотворной ли рекламой
Булнина и Бродского — поэтов
Русских, но прославленных чужбиной
Как бы в пику родине-России,
Их изгнавшей, будучи в затменье,
Вражьим силам сдав бразды правленья,
И теперь, как Феникс, возрождаясь,
Покаянно их труды принявшей...
Оба от Венеции в восторге.
А второму, давшая могилу,
Видимо, особо благодарна.
Но меня, прожившего в границах
Родины, чужих земель не видя,
(Украина — это не чужбина, —
временно окраина свихнулась), —

именно Венеция чем тянет?
Может, непохожестью на Умбу
При одном, но безусловном сходстве
(тех времён, когда я жил в посёлке, —
времени всемирного пожара,
к бедам всех раздутого фашизмом):
не было и в ней автомобилей
на единственно, вдоль моря шедшем тракте...
лошади возили да олени.
Улочка с дощатым тротуаром
в близости почти венецианской
к Н2О, волнуемой ветрами,
собственно, одну телегу знала, —
хлебный, в виде будочки, фургончик
с ароматом, слюнки вызывавшим...
(Где муку пекарня добывала,
мы теперь едва ль уже узнаем).
Есть ещё с Венециею сходство
Умбы — приполярного посёлка:
их война не тронула бомбёжкой, —
вражеским огнём не опалила.
Впрочем, самолёт с крестом я видел,
слышал его зверское рычанье...
так не эти ль сходства и различья,
прямо скажем — несопоставимость
двух географических объектов,
побуждает их связать навеки
чудом, не во времени с пространством,
а в биографическом контексте
вязью рифм, уже рождённых Умбой,
и грядущих «строф венецианских»?!

ноябрь 2014 г.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ПОЭМЫ

Я — с Белого, неласкового моря,
Единственного моря на Руси,
Воспитанник приюта Бед и Горя...
Спасенья у таких, как я, проси.
 Привычны нам экзамены природы:
 То в жар, то в холод резкие броски.
 Пытали нас соседние народы
 На прочность... Поняли, как Богу мы близки!
Ни на кого судьбою не похожи,
Оболганные нынче и в веках,
Самих себя мы судим прочих строже,
И флаг побед опять у нас в руках!
 Сказал поэт: «мы азиаты, скифы»...
 Нет, мы давно избранники Христа.
 Мы не на час в истории халифы, —
 Куда ни глянь, — священные места.
Одно из них — сакральный Крым-Таврида, —
Врагам от века лакомый кусок...
Всем прошлым войнам как бы пирамида,
Чей русский статус царственно высок.
 Здесь, в Херсонесе, дланью Византии
 В Христову Церковь Киевская Русь,
 Приглашена... Фаворский свет, свети ей!
 И всё на круги возвратится пусть.
А я взгляну на полуостров этот,
Как портретист на чудо пред холстом,
Молясь не на художественный метод,
А — на любовь, внушённую Христом.

2015 г.

ПО ПРОЧТЕНИИ «ИЗБРАННОГО»**НИНЫ КРАСНОВОЙ**

*«Ах, умею я целоваться,
И рукам я волю даю.
Но сберёг я своё богатство —
Никому не сказал: люблю».*

Ю. Кузнецов

Никому, никогда не завидовал, —
Был с рожденья уверен в себе,
Будто лучше себя и не видывал.
Не был горд, — доверялся Судьбе.

Нынче зависти знаю терзания...
Вот, опять накатила волна:
У Красновой в стихах есть признания —
Тем, кого обожала она, —
Столь разительной силы и нежности,
Неземных и высот, и глубин,
Что понятно: и в браках, и в грешности
Так я женщиной не был любим.

По какой по такой по причине,
Это дело уже не моё...
То ли не был я ровней мужчине,
То ли просто не встретил Её?!
А у зависти есть объяснение:
Стало ясно и горько до слёз, —
Я сугубое чувство весеннее
Вхолостую по жизни пронёс.

То есть, мне приговор — одиночество,
Хоть по прихоти загговских жён
Трижды имя своё вывел в отчество,
Но Амура стрелой не сражён.
И теперь мужикам тем завидую,
Кто таких, как Краснова познал...
Жалким вряд ли по жизни был с виду я,
Да вся жизнь — ожидания зал.

Утешаюсь одною догадкою:
Вместо пряников хлеб мне ржаной,
Ибо жизнь окажись очень сладкою, —
Не была бы мне Муза женой.

И выходит, что вера в себя моя
Не имела в виду счастья дом...
О другом она. Факт. Вещь упрямая.
Значит, я не иду, а — ведом.

24.06.2015

ЗАПОЗДАЛЫЙ ОТВЕТ ПОЭТУ,

*который перестал писать стихи,
когда их не стали оплачивать гонораром
и поинтересовался, в какой банк Москвы
выгодней перевести сбережения из Крыма.
(дело было в начале 1990-х годов)*

Поэт с деньгами в недрах банка,
Не Музы друг, а — ростовщик.
Пегаса вожжи — не баранка.
Поэт — разведчик, не ямщик.

Он не доходом озабочен,
Скорей отводом бед и гроз...
Ему милей цветы с обочин,
Чем на базар товара воз.

Но он, как все, не бескорыстен.
Он тоже поиском живёт:
Любви — во встречах, в спорах — истин,
И верит, что найдёт, — вот-вот...

А что до денег, если лишка,
Тем, кто беднее, отдаёт...
Скорей гостить придёт мыслишка.
Скорее сердце запоёт!

*Елена
Лапченко*

К СОБЫТИЯМ НА ДОНБАССЕ

Ангажированы, тиражированы
Словеса, — в них ни чести, ни воли!
На копейки душа растрянжирена, —
И не слышит, не чувствует боли...

Стоголосой моралью двойною
Заполняются души нагие...
Брат на брата кровавой войною
Наступает! На отчей могиле!

Плачут матери в скорбной печали:
Друг на друга идут сыновья,
Позабыв, что отцы завещали —
«Умерети за други своя!

Так славянское братство низложено,
Сожжено иноземцам в угоду,
Там, где прадедов головы сложены
Ради жизни славянского рода...

РАССТРЕЛ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Стяг победы уронит предатель,
Затаилась гадюкой измена.
Помоги, милосердный Создатель!
В скорбной яви ареста и плена.

Сатанея по горло в кровищи,
Демос меч свой заносит умело.
Защити Их о Боже Всевышний!
Мать-Россию спаси от расстрела!

Мать-Россию спаси от проклятья
За исход Венценосной Семьи.
Заменявши расстрелом распятыё —
Все вернулось на круги свои...

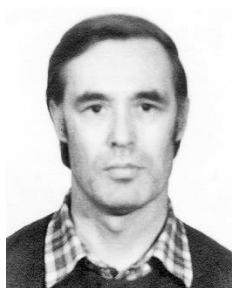
Всех детей заслонивши собою,
(Сыну только четырнадцать лет!)
Мать с отцом не услышат их боли,
Сходу, первыми приняли смерть.

Исполняя кровавое право —
Ясноглазых Царевен России,
ГубЧеКа, завершая расправу,
Добивая штыками, казнили!

Жертвы светлые, дьявольской мессы
К нам взывают с укором последним.
Русской сказки, четыре Принцессы —
И надежда России — Наследник!

РАЗДУМЬЕ

Контурсы барханов словно волки,
Серебристый стелется туман,
Ночь — южанка из сырого шелка
Кинет шаль на золотой лиман.
А приборй отсчитывает вечность,
Будит то, что как-то улеглось.
Подсознанием правит бесконечность
Рвется из души немой вопрос:
— Для чего ниспослан прапрадедам
Разум космогенной глубины?
Чтобы все вокруг себя изведать,
Семь процентов мозга нам нужны...
— Для общения с Кем, такая сила?
Кто вместил такой потенциал?
— Кто, скажи точнейшее мерило, —
Совесьть как завет нам передал...
В «гугле» или «яндексе» не сложно
Мудрость знаний выверить опять.
Только Душу этак невозможно
«Отсканировать» и дальше «распознать»
Тайну всех истоков мирозданья
С интернета тоже не скачать...
Южной ночи свежее дыханье
Заставляет думать и молчать.

Владимир

Лось

АВГУСТ

Что-то в августе есть от осени.
Хоть и лето ещё, но всё ж
Той весенней прозрачной просины
В небе дымчатом не найдёшь.
Полусонных деревьев ветви
Тень густую бросают вниз,
Неуверенно гонит ветер
Самый первый опавший лист.
Всё какое-то зыбкое очень,
А в садах в полудневный зной
На носки поднимается осень,
Чтоб достать до вершин рукой.
И в вершинах уже пробивается
Среди зелени желтизна...
Так в висках у нас появляется
Неожиданная седина.

* * *

Огнём деревья полыхают,
А искры медленно летят
И на земле не потухают,
А так же пламенно горят.

Пожары осень разжигает
И в перелесках, и в лесах,
И лето медленно сгорает
На колдовских её кострах.

* * *

Виска коснётся дуновенье
И вдруг со дна минувших лет
Всплывёт какое-то мгновенье,
И вспыхнет в сердце яркий свет.
Там, в годы вёдра и ненастья,
Ты молод был, любил, страдал,
И счастлив был. Но только счастья
Не узнавал, не понимал.

КУКУШКИНЫ СЛЁЗЫ

Растёт на опушке
Под белой берёзой
Трава под названьем
Кукушкины слёзы.
 Кукушка, наверное,
 Здесь пролетала
 На ветку присела,
 Покуковала.
А после заплакала,
Затосковала...
Быть может, детишек
Своих вспоминала?
 И падали наземь
 Кукушкины слёзы,
 И прорастали
 Под белой берёзой.

* * *

Степь уже зазеленела,
И над ней легко и звонко
В синем небе то и дело
Распевают жаворонки.
Травы шепчут: «Как чудесно!»
Одобрительно кивают,
К солнцу тянутся и к песне
И тихонько подрастают.

ЭПОХА

Моя непростая эпоха!
Ты, — времени чтоб не терять, —
Ещё несмышлёнышем-крохой
Учила меня выживать.
Учила не в шутку, и била
Не как-нибудь — прямо под дых.
В шлепках твоих скрытая сила,
И жёсткость в ударах твоих.
Я был ученик нехороший, —
Не все из уроков постиг,
Хотя и сгибался под ношей
Твоих аргументов «простых».
«Бей первым!» — Не бил никогда я.
«Не дай обмануть — обмани!»
О, эта наука сухая:
«Предай, оставаясь в тени!»
Я помню другие уроки:
«Нельзя обмануть и предать!»
Эпоха, о друг мой жестокий,
Готов я всегда повторять:

«Прямым, словно штык, оставайся,
Будь честным во всём до конца
И дружбы принять не пытайся
Ни сволочи, ни подлеца»...

Ещё ты меня научила
Любить и стихи понимать.
Во мне твоя скрытая сила,
Во мне твоя жёсткая статья.

* * *

Я, товарищи, не знаю
Отчего она такая —
Голубая, голубая
И зелёная вода.
Зеленеет, если рядом,
Здесь, за линией прибора,
Голубеет, если взглядом
К горизонту поведёшь.
Ну, а глянешь против солнца —
Всё сверкает и искрится,
Словно падает на воду
Золотой весёлый дождь.
Я не знаю, в чём тут дело,
Но догадываюсь всё же:
Потому что это море,
А не просто так — вода.
У него такой характер —
Разноцветный и весёлый,
И поэтому друг другу
Очень рады мы всегда.

РЕШАЮЩИЙ ШАГ

До чего же неровен путь и тяжёл
С начала и до конца!
А надо, чтобы малыш прошёл
От матери до отца.
Они на коленях стоят пред ним,
А он, — их маленький бог, —
Тянет неловко ручонки к ним.
«Смелее, смелее, сынок!»
И вот он уже в надёжных руках,
Единственный их кумир.
Он сделал, сделал свой первый шаг
В огромный и светлый мир!
И, словно сам осознав, что смог
Ускорить времени бег,
Смеётся радостно маленький бог —
Будущий человек.

* * *

Хозяйка делает букет:
К цветку цветок и к цвету цвет.
Гвоздики, астры — в серединке,
А сентябринки — по краям...
Купите запах сентябринки
С осенним ветром пополам.

В ГОРАХ

Качает ветер волосы-деревья,
Скрипят и стонут древние стволы.
У самого подножия — деревня,
Чьи домики до странности малы.
Идём вперёд и долго и упорно,

Ступая, как по звёздам, по росе.
Под нами, за крутым отрогом горным,
Вдаль убегает ниточка шоссе.
Ты чувствуешь, как дышат исполины,
Как будто вросшие в базальт времён?
Как высоко их каменные спины
Над миром поднимают небосклон!
Пусть нам с тобой навеки
будут свойственны
Крутой подъём, большая высота,
Уверенное, мудрое спокойствие
И эта горизонта широта.

* * *

Как жаль, что смертен человек,
Что он — песчинка в этом мире,
Что так недолог его век:
Кратчайший миг в коротком миге.
Что у Вселенной на виду
Стоит он, мал и беззащитен,
И ищет главную звезду —
Звезду бессмертия в зените.

* * *

Зашторено небом море,
Солнце скользит по шторе,
И медленно-медленно тонет,
А море от жалости стонет.
Волна на песок набегаёт,
Шепчет о чём-то, рыдает,
И реквием солнцу слагает...

*Елена**Собко*

ЧТО УШЛО, ТО УШЛО

Что ушло, то ушло,
В Лету тихо стекло,
Остается сказать: «Пока!»
Что имею — ценю,
Рада каждому дню,
Плещет жизни моей река.
Капля каждая — драгоценна...

ГРУСТНО

Мне стало очень грустно отчего-то.
Без всякой на то видимой причины:
То — не хочу, и это — неохота.
Все скучно, пусто, серо — все рутина.
И, сидя у окна бездумно, долго,
Я наблюдаю за бездомной кошкой,
За мухой, страстно рвущейся в окошко,
И время тянется, как черная резина.

МНЕ ПРО ЛЮБОВЬ СЕЙЧАС СМЕШНО

Мне про любовь сейчас смешно,
И про мечты о лучшей доле.
Я у высот своих в неволе,
И «много» сузилось в «одно».
Лишь тайный смысл вещей манит,
Земли духовная страница,
И, как растерянная птица,
Душа в неведомом парит.

ОБИДА — ЧУВСТВО ГОРЬКОЕ

Обида — чувство горькое,
Угрюмое, несчастное,
И никому не нужное,
Куда ни кинь, напрасное.
С обидой дни туманные,
Пустые, бесталанные,
Я, вся покрывшись ранами,
Живу и не живу.
И со своей обидою
Ношусь, как дурень с торбою,
Наохлилась, скукожилась,
Похожа на сову.

СЕЗОН ДОЖДЕЙ

Да что ж такое, дождь с утра до ночи!
Который день, которую неделю.
Хотя б один, хотя бы бледный лучик,
Но солнце мне дарить его не хочет,
И, что появится оно, уже не верю.
Туманы душат серой пеленою,
И всё вокруг, и всё меня достало:

Деревья грустные с промокшею листвою,
И небо низкое с угрозой грозовой,
И ветра стон, тягучий и усталый.
Иллюзии мои потоком смыты:
Конец печальный у веселой сказки.
Сезон дождей, и сброшены все маски,
Озябшие деревья просят ласки.
И я. Без ласки. У разбитого корыта.

ЧЁРНО-БЕЛОЕ ФОТО

Милы мне чёрно-белые цвета:
В них ясность, чёткость, простота,
И прошлого застывшие мгновения,
И некое отдохновение
Для глаз моих, уставших
От яркости вокруг.
На чёрно-белом рядом давний друг.
И давняя любовь с улыбкой нежной.
Но время стёрло всё,
Бездумно и небрежно,
Оставив мне лишь фото чёрно-белое,
Где я красивая, весёлая и смелая,
Раскинув руки, обнимаю мир,
В котором есть ещё придуманный кумир.
На фото глядя, возвращаюсь вновь и вновь,
В те дни мои, и в ту мою любовь.

ГДЕ МОЙ ПАРУС?

Безудержно, страстно
Любить я умею.
И нежной, и ласковой
Быть я могу.

Но где же тот парус?
И где же мой милый?
Ну, сколько торчать мне
На берегу?

ПЕРЕМЕНЫ

Вижу, знаю, несомненно,
Вы нужны мне, перемены.
Я зачахла от застоя,
Будни, праздник — всё одно.
Дни цепочкой неизменной
Надоели откровенно,
От застывшего покоя
Мне сбежать пора давно.
Сумка в руку, зонт за плечи,
Позади привычный вечер:
Кресло, плед, огонь камина...
Здравствуй, ветер перемен!
В жизни новое — лавиной,
Шлю прощальное спасибо
Своему «вчера» без боли,
Уходя от старых стен.

В КОНЦЕ ВРЕМЁН Я

В конце времен я, в Кали-юге.
Кто недруги теперь, кто друзья?
Кто близким был, тот стал чужим.
Пришёл к своим, но изгнан ими.
Иду дорогами иными:
На огонёк, на тёплый дым.

ВЕТЕР, СТРАСТИ ПОЛНЫЙ

Ветер, страсти полный ветер,
Выделил меня, заметил,
Чувствую себя отважной,
С этим ветром всё могу.
Парус рвёт в моих ладонях,
Мне и весело и вольно!
Только парусник — бумажный,
Только я — на берегу...

Я ИХ ЗНАЛ, НО ЗАБЫЛ

Лишь стена предо мной.
Где же к раю пути?
Я бреду в пелене бесконечной.
Я их знал, но забыл.
Я хочу их найти.
Вечный мученик, странник вечный.
Где же к раю пути,
По которым ходил,
Песни пел, и душа моя пела?
Я их знал, но забыл,
Видно, много грешил,
И душа моя петь расхотела.
Словно в сером бреду,
Сам себя предавал,
И к себе лишь давила жалость.
Я лелеял беду,
И слова, что я знал,
Растерял, позабыл, не осталось.
Я накликал беду:
Безрассудно грешил.

Мои ангелы онемели.
И забыл я пути,
По которым ходил,
И слова, что мне душу грели.
Я их знал, но забыл,
Но надежда жива:
Я когда-нибудь вспомню
Все эти слова.
Нужный ряд, нужный тон,
Как венок их сплету,
А затем их спою, разрушая
Той стены монолит.
Всё уйдет, что болит.
А пока те слова вспоминаю...

ВСЕ ЧЁРНЫЕ — ТЫ БЕЛАЯ

Все черные — ты белая,
Все правые — ты левая,
Все рядышком — ты в сторону,
Как грустно, невеличка.
Такая уродилась ты,
Как диво, появилась ты,
Лети, ищи свою мечту,
Удачи тебе, птичка!

ТАК ПРОСТО ВСЁ И СЛОЖНО

Так просто все. И сложно.
И нужно и не нужно.
Живём мы осторожно,
Клянем рутину дружно.

И цель не обозначена,
И любим неуверенно,
Пустяшно озадачены,
Глядим в себя потерянно.
Друг другу чужеродные,
Самим себе чужие,
Без Бога — тли безродные,
Слепые и глухие.
О нежности ни слова,
И искренность забыта,
Мы глупо многословны,
И тупо плодовиты.
Мечты и сны прекрасные
Утеряны навеки,
Мы робкие, несчастные,
Духовные калеки.
Жуём судьбу безропотно,
Цвета не различаем,
В беде уныло-хлопотны,
А в радости скучаем.
Горбы на спинах выросли,
Поклоны бьём натужно,
Простое всё нам сложно,
А нужное не нужно.

Зарема

Дадой

АРЗЫ-ХЫЗ ¹

**(Крымско-татарская легенда,
переложенная в стихотворную форму)**

Жила красавица Арзы,
Необычайной красоты.
Глаза прекрасны и черны,
А губы яркие и нежны.
Тугие косы до колен.
Её краса манила в плен.

Зря женихи по ней вздыхали,
И ключ к любви её искали.
Страдала в тайне и она.
Порою, стоя у окна,
Смотрела всё куда-то вдаль,
В глазах — бездонная печаль.
И вспоминала, как весной,
Проехал всадник молодой
Возле Ай-Петри на заре,
На белоснежном скакуне.

¹ *Хыз – девушка (тат.)*

Он вдруг коня остановил,
И взглядом деву проводил,
И молвил: «Девушка, стой,
Поговорить хочу с тобой,
Твоей сражён я красотой,
Мне имя знать твоё позвол?»

Арзы:

Хочешь знать, так сам узнай!

Эмир:

Меня зовут, Эмир.

Арзы:

Прощай.

Эмир:

Найду тебя, я так знай.

И вот, настал Курбан-Байрам.
Светлый праздник мусульман.
Возносился к небесам,
Напевной призыв — изан.
В мечетях люди собирались,
Молясь, Аллаху поклонялись,
Животных в жертву приносили,
Мясо людям разносили.

И в дни веселья, торжества,
Там шутки, добрые слова.
И бесконечная игра,
Не затихала до утра.

Здесь манэ ² пели остроумно,
Джийины ³ затевали шумно.
Ходили в гости все друг к другу,
А старшим целовали руку.
Подарки раздавали всем,
И угощение затем.
И на земле седой Тавриды
Не вспоминали про обиды.

Природа пышно расцветала,
В ней было волшебства немало.
Стояла чудная весна,
И лишь Арзы была грустна.
Отец встревожился не зря.
Спросил он: «Милое дитя,
Здорова ль ты, душа моя?
Скажи Арзы, встревожен я!

Арзы:

Нет, не волнуйся, не больна,
Но, я, как прежде, — не вольна.

Отец:

Попалась в сети ты любви,
Знакомы мне её следы.
Но над судьбой не властны мы,
Кто знает, что там впереди?
Кто он? Ответь, не утай.

Арзы:

Отец, родной, я так страдаю,
И ничего о нём не знаю,

² Манэ – аналог частушек.

³ Джийины – собрание молодёжи для совместных плясок

А знаю имя лишь его —
Эмир — что скажет нам оно?

Отец:

Дитя, прекрасное моё,
Сердечко береги своё,
На всё свой срок, на всё свой час,
В руках Аллаха мы сейчас.

Он слёзы девичьи отёр,
Вздыхнул, и медленно ушёл.

Однажды вечером одна,
От подруги шла она.
«Арзы!», — вдруг кто-то крикнул ей,
Стоял любимый рядом с ней.

Эмир:

Не уходи, постой со мной,
Я потерял, Арзы, покой,
С той минуты, с того дня.
Как встретил первый раз тебя.

Арзы:

Уже темнеет, мне пора.

Эмир:

Как доживу я до утра!
Взойдёт безликою луна,
И снова ночь пройдёт без сна.
Мы завтра встретимся опять?
У скал морских я буду ждать,
Скажи — придёшь, душа моя?

Арзы:

Не знаю... жди... не знаю я!..

Весь день казался серым, длинным,
И вот закат на небе синем.
Арзы к любимому спешит,
И к морю путь её лежит.
Вот месяц молодой всплывает,
И день тихонько угасает.
Стихает чаек дружный хор,
Они кружатся над водой.
Эмир спешит на встречу к ней,
И молвит: «Свет моих очей,
Я ждал, ты всё-таки пришла,
И грусть с души моей сняла.
И торопил, и гнал я прочь,
Безликую, глухую ночь,
И этот бесконечный день, —
За ним я следовал, как тень.
В надежде увидеть вновь тебя,
Как бесконечно счастлив я!»

Арзы:

Я тоже этот миг ждала,
И встречей мысленно жила.

Эмир:

Теперь мы связаны с тобой
Одной мечтой, одной судьбой.
Я вскоре шлю сватов в ваш дом,
Мы будем счастливы вдвоём.

Арзы:

Но ведь знакомы мы едва...

Эмир:

Ах, это вовсе не беда.

Арзы:

Некстати он идёт сюда,

Злодей-купец Али-баба.
Как неприятен мне старик:
Подобно призраку возник.
Я часто слышу от отца, —
Его злодействам нет конца.
Уйдём отсюда поскорей,
Так будет лучше, мне поверь.

Али-баба (бормочет, глядя на Арзы):
Впрямь, для султана рождена, —
В его саду цвести должна!
И как бутон — едва-едва
Лишь раскрывается она.

Ночь тревожная прошла,
Приснилась чёрная змея,
К ней подползла ещё одна...
Во сне вдруг вскрикнула она.

Отец:
Что?! Что случилось, дочь моя?

Арзы:
Мне кажется, — кричала я...

Отец:
Вставай, уж солнышко взошло,
То был лишь сон, забудь его.
Забот других и так полно, —
В кувшине нет воды давно.

Арзы:
Я за водой схожу сейчас,
И буду дома тот же час.

Арзы спускалась за водой,
Родник пленял своей игрой,
Делился щедрою рукой,
Своею влагою живой.
Кувшин наполнила она,
Своими думами полна,
Пошла знакомою тропой,
И вдруг, заметив взгляд чужой,
В испуге бросилась домой.
Но сзади цепких две руки,
Тропою к морю повели.
Поспешно в шхуну посадили,
И немедленно отплыли.

Али-баба торжествовал!
Как долго он удачи ждал,
Теперь, конечно, впереди
Стамбул! А там уже, гляди,
Богатство, слава и почёт,
Его в столице этой ждёт.
И не ошибся злой старик.
Султан щедр был, и велик.
Немного времени прошло, —
Осыпал золотом его.

Арзы смириться не смогла,
На сердце грусть её легла,
И часто с болью вспоминала,
Как шхуна быстро отплывала,
С родного, милого Мисхора,
Как бушевало грозно море,
А ветер злобно завывал,
И волны шумные листал.

И вот чужие берега,
И до безумства два шага,
Беде не нужно и гонца:
Ей нет начала и конца.
И вот проходит ровно год,
Аллах младенца им даёт,
Султан доволен этой вестью,
Спешит домой, со свитой вместе.

Султан:

Арзы, прекрасная моя,
За сына благодарен я,
Чего желаешь — всё проси.

Арзы:

К отцу на веки отпусти.
Ведь дочь я гордого народа,
И для меня важна свобода.

Султан:

Нет, не бывать такому, нет!
И это твёрдый мой ответ.

Арзы:

Как моя доля нелегка!
И, как судьба моя горька!
Но ты ведь тоже не Аллах, —
Такой же раб, в его глазах.

Султан:

Твои слова, как нож мне в спину!

Арзы:

Я всё равно тебя покину.

Султан:

Каким же образом, скажи?
О мой Аллах, нас сохрани!
Куда уйдёшь ты, из дворца?
Твоим капризам нет конца.

Спит евнух тихо во дворе,
Дождинки плачут на стекле,
Сопит ребёнок в колыбели,
Арзы встаёт с своей постели.
Младенца на руки берёт,
И к башне угловой идёт,
Идёт ступеньками всё выше,
«Не плачь, сыночек, тише, тише!
Всё ближе к нам небесный свод...»
И вот, шагает в бездну вод
Арзы, с отчаянья и горя, —
В волны сонного Босфора.
И сына крепче прижимает.
Луна на небе замирает.
Русалка, — гордая душа,
Плывет в пучине не спеша,
В Мисхоре с сыном выплывает,
И дух легенды оживает!

Айгу.ю
Бухарбаева

ПРОСТАЯ ЛЮБОВЬ

Тебе неведом вкус простых объятий,
Обычных радостей любви.
Ты словно сгусток из заклятий,
Захочешь нежности, — зови.
 Услышу, подарю любовь
 Простую, чистую, как новый день.
 Согреется твое сердечко вновь,
 Растает ледяная тень.
Растопит солнышко всю боль твою,
Распустится цветами утро.
О женской тихой я любви пою
Мелодию о состраданье мудром.
 Есть вечность у тебя всегда —
 Познать себя внутри, снаружи.
 Преграды и страданья — не беда,
 Когда есть искра среди лютой стужи.
Свой внутренний огонь не расплескай,
Неси его, свети себе и миру.
Весь страх, страданье боли отпуская,
Приумножай души и духа силу.

Мучения, заклатья твои
Несут уроки и подарки жизни.
Судьбу свою и счастье сам твори.
Все начинается с одной лишь светлой мысли.
 Друзья, враги и существа вокруг
 Искусно отражают содержание.
 Все заблуждения, иллюзии умрут,
 Когда наполнишь сердце состраданьем.
Любовь простая — близкий путь туда,
Где сердце обретёт покой и счастье.
Мы все искали этот путь всегда,
Нам поиск помогал преодолеть ненастья.
 Мечтая о любви простой и мудрой,
 Ты мечешься в потоке всех эпох.
 Для тела и души сей путь запрудный
 Всего лишь тихий выдох, лёгкий вдох.
В масштабе мира и вселенной
Спокойный выдох и свободный вдох.
17.03.2015 (5.15)

ПРО НЕЁ

Цветок чудесного созданья,
Ты отраженье мирозданья.
Пусть расширяется сознание
От вида твоего, касанья.

Ты даришь счастье, глубину, рассвет.
Тебе подобной красоты на свете нет.
В чём удивительный таинственный секрет?
Лишь сердце познаёт, ни ум и ни совет.

Твое звучание и неземная красота,
Прекрасная и целомудренная нагота,
Смех, всех цветение садов и высота
Дарят блаженство, где сияешь ты — уходит суета.

Твои дары — великолепие и свет
Жизнь украшают, и тебя прекрасней нет.
Твоя мелодия звучит, даруя счастье и покой.
Вся сила Женщины и ключ мужских сердец с тобой.

Тебя хочу лелеять, раскрывать.
Богатство и любовь с тобою даровать.
Пусть растворяются в тебе тоска, печаль.
Кто прикасается к тебе, то создает Грааль.

28.03.2-15 (23.40)

СЧАСТЛИВАЯ ТИШИНА

Мне очень хорошо с собой
Внутри нашла я тишину, покой.

Пусть разливается везде любовь.
Освободилось сердце от оков.

Свет льется с неба, из сердец.
Счастливой жизни радость и покой венец.

15.03.2015 (10.14)

РАДОСТЬ БЫТИЯ

Благодарю я жизнь свою
События и встречи, и себя,
Пишу стихи, танцую и пою,
Мир, музыку, людей любя.

Пьянею от любви и страсти,
Напиться не могу и надышаться.
Пусть сердце наполняется любви властью,
Жизни и людям буду улыбаться.

Я предвкушаю каждый миг,
Всё, что придёт, приму открытым сердцем.
То, что мой ум пока что не постиг,
Познают ум и сердце вместе.

Пусть я не каждый миг пою,
Не видела, не чувствовала что-то.
Здесь и сейчас спокойно я стою,
Доверившись всему легко и просто.

Счастливой быть хочу и радоваться всей собой,
Пространство расширять в уме и сердце.
Миг счастья, улетай, расти, не стой,
Тебя создам и насладимся вместе.

31.08.2014 (20.40 дом)

*Анна
Тарасенко*

* * *

Я так устала от твоих проблем,
Любить того, кто ненавидит,
Прощать, когда меня обидят
И избегать ненужных тем...
Ночами выть в тиши, в подушку,
О всех несбывшихся мечтах,
Понять и пожалеть подружку,
Принять предательство и крах...
Приободрить сквозь слёзы словом,
Вниманье — роскошь наших дней,
Самой себе не стать укором
За воспитание детей...
Устала сильной быть до колик,
Под грузом не своих проблем.
Расправлю плечи в жизни новой,
От старой — лишь остался тлен.

ОБНОВЛЕНИЕ

Не в роскошных зелёных шелках по утрам
И уже не в осеннем багрянце деревья:
У подъезда встречают меня тут и там,
Облетевшей листвы отшумевшего пенья...
Были молоды мы, как весной дерева,
Не клонились ветрам, были горды и глупы,
Но пришла незаметно и наша пора,
Мы погрязли в ошибках, обидах и путях...
Но другой стороной у медали «Года» —
Стали дети мои, внуки, мама и мудрость,
И черпаю я счастье свое из себя,
Забывая, предательство, лживость и грубость.
Я прощаю за всё и прощенья прошу,
Обновляюсь, как зелень весной проростаю,
Первоцветом у солнца луч света беру,
С благодарностью новую жизнь начинаю.

ДОРОГА ДОМОЙ

Я на машине ночью возвращаюсь в Керчь.
Вдыхаю полной грудью аромат степи.
То Южный ветер для меня принёс букет
С полей родных лаванды, — неба голубей.
А за окном густая ночь плывёт...
Там небосвод эскортом звёзд усыпан.
И в мерное движка пыхтение
Врывается пронзительная песнь сверчка.

*Татьяна
Анисимова*

Родилась в Сибири, с двухлетнего возраста – керчанка. Закончила Ялтинское педучилище. Работала художником, воспитателем. Стихи пишет с детских лет. Печаталась в газетах Киева, Керчи. Являлась членом литературно-интеллектуального клуба «Русское собрание» в г. Киеве. Многочисленные поездки по стране отражены в её творчестве.

* * *

Дожди, дожди!..
От сырости стволы позеленели...
Меня не жди —
Мы притворяться не умели.

В плену дождя
Весь мир как будто невменяем.
Я, уходя,
Тебя ни в чём не обвиняю.

Припев
А дождь стучит, усталости не зная
И завтра будет то же, что вчера.
А дождь стучит и нам напоминает,
Что от такой любви бежать пора.

КЕРЧЕНСКАЯ

Есть в Крыму у моря
Город небольшой:
На солнечном просторе,
С открытою душой

Привет:

Волна качает лодку
Лёгкую мою —
Ловим мы селёдку
Керченскую
Катерок скучает,
Волны бьют о борт,
О друзьях мечтает
Городок-курорт

Привет

Солнце, море, рыбка... —
Лучше не найдёшь!
Приезжай с улыбкой
Славно отдохнёшь!

Привет

КРЫМ

Солнце медленно катится в море,
Тропы горные, будто, в дыму...
Здравствуй лес и степные просторы:
Наконец-то я дома в Крыму!

Привет:

Много разных дорог есть под солнцем,
Говорят, все ведут они в Рим,
Но одна из них, сколько ни вьётся,
Все равно возвращается в Крым.

Есть места красивей и богаче,
Но я счастлив лишь здесь потому,
Что мне жизнь подарила удачу:
Потерять своё сердце в Крыму.

Притев.

ЛЕТО КОНЧАЕТСЯ

Тихо по небу проходит луна
Вечная, прежняя
И страстно берег ласкает волна
Тёплая, нежная.
Я в этом мире сегодня одна,
Скука безбрежная.
И перспектива по звёздам видна
Безутешная.

Лето ещё, но повсюду уже
Осени, признаки;
Как неуютно сейчас на душе:
Мучают призраки;
Бьётся о берег усталый прибой,
Лодка качается...
Я этой ночью простилась с тобой...
Лето кончается.

ПРЕКРАСНА ТЫ, ОСЕНЬ...

— Прекрасна ты, осень,
Но как ты некстати —
Душа еще просит
Весенних объятий:

Безумных, горячих,
Желанных до слёз ...
Слова ветер, пряча,
Схватил и унес...

Слова улетели,
Их осень не слышит,
Спит в рыжей постели
И холодом дышит.

И канула в просинь
Нелепая нежность
И приняла осень,
Я, как неизбежность.

МОРЕ, МОРЕ, МОРЕ

Море, море, море —
Солёная вода,
Захлебнись в нём горе,
Утопись беда!
Не живут у моря
Ни печаль, ни злость,
Море, море, море,
Я опять твой гость!

На песке горячем
Снова полежу,
О своих удачах
Морю расскажу.
Тихо море вторит,
Разговор идёт —
Мы друг друга с морем
Ждали целый год.

Каждый день у моря —
Праздник для меня,
Дорогое море,
Ты мне, как родня,
Ты тепло и ласку
Щедро даришь мне,
То я будто в сказке,
То я как во сне.

На морском просторе
Посмотрел вокруг:
Всех ласкает море,
Каждый брат и друг,
Каждый дорог морю,
Также, как и я,
Видно, что для моря
Мы одна семья.

Лилия

Олейник

Член ЛИТО «Лира Боспора». Бессменный руководитель хора ветеранов «Память», вокальный педагог, певица, самостоятельный автор множества песен и стихотворений.

К ЮБИЛЕЮ

Ах! Сколько лет... Теряется им счёт!
Зачем считать, когда душа крылата?
Она жива, трепещет и поёт
О, музыка, в тебя я верю свято!
Ты помогаешь в жизни мне во всём.
Забыв невзгоды, беды и печали,
Любимых клавиш я коснусь и — всё:
Вновь улетаю в песенные дали.
Ложатся звуки снова на стихи.
Их множество — весёлых и печальных.
В них шелест трав и шорохи тихи,
Они мне посланы из стран тех дальних...
Из стран любви и юности моей,
Где ночи пахнут розами и морем
И где рука моя ещё в твоей,
И нет там места ни беде, ни горю.
Свою любовь я в сердце сохраню,
О, музыка, к тебе, моя богиня!
Пока живу, дышу, творю, люблю,
Покуда солнце светит в небе синем!

А песни — это дети для меня...
В них продолжение жизни быстротечной,
В них утра новь и яркий отблеск дня,
В них голоса друзей и смысл вечный!

НЕЖДАННАЯ ОСЕНЬ

Бисеринки дождя на оконном стекле
И озябшая роза грустит в хрустале...
На душе неудобная боль и тоска.
Эта осень так рано, ненужно пока...
Летний зной нестерпимый уже позади.
Бабье лето, ты где затерялось в пути?
Зеленеет листва, не успев пожелтеть,
Птицы песни свои не успели допеть.
Так не хочется им в тот постылый полёт,
Оставлять не остывших пока ещё гнёзд.
Золотой листопад, ты пока впереди,
А холодные ветры навевают дожди...
Небо слишком уж рано покрылось свинцом
И уж хочется в шарфик упрятать лицо.
Море больше не брезжит на нас бирюзой,
Помрачнел и нахмурился тихий прибой.
Чайки с грустью уныло кружат над волной
И не радуется глаз горизонт голубой.
Скороспелая осень, ты так не спеши
И остатками лета ещё подыши...
Нас порадуешь теплом и листвою золотой,
Караванами птиц над притихшей водой...
Ты успеешь ещё нас ветрами обвить
И снежком неуместным листву остудить.
Никуда нам не деться от скорой зимы.
А пока, дай нам солнышка хоть бы взаймы.

ТАЙНА

Пелена твоей нежности
Вдруг накрыла меня.
От её неизбежности
Нет ни ночи ни дня.
Чувство сладкое тайное
Шоколадом горчит.
Что-то необычайное
В наших венах стучит.
Поселилось нежданное
И в сердцах и в умах.
Что за топь окаянная -
Наяву иль во снах?
Из неё нам не выбраться -
Видно это судьба.
А с небес тихо слышится
Или зов, иль мольба.
И дыханье горячее, и дрожание рук...
Наше счастье бродячее
В дом прибилося вдруг.
Как магнитом притянуты
И тела и сердца.
Наши струны натянуты,
Им звучать до конца.
Позабыв об условностях,
Все запреты забыв,
Вопреки своей совести
На распутье судьбы
Как шальные проказники
Не сдержали слова...
Новогодние праздники
Ведь пора волшебства!

Наши годы – с сединками,
А в душе маята.
И с лучами-морщинками
Ты не тот, я не та...
Ну прости же нас, Господи!
Мы грешны и больны...
Накажи, но не до смерти,
Дай напиться весны!

ВНУЧКЕ МАРИНОЧКЕ

Какой же бесценный подарок
Мне послан судьбою с небес!
Твой день так прекрасен и ярок.
Ты – чудо из тысяч чудес!
Ах, внученька, как я просила!
Господь всё ж услышал меня!
В рожденье великая сила
И нету счастливей меня!
Пришла в этот мир провиденьем —
Близнец к Близнецу — нету слов...
Ты к маме в её день рожденья
Подарком из сказочных снов.
Дочурка для папы и мамы,
Для братика — крошка-сестра.
Божественной этой программы
Ты ангел любви и добра!
Желанный, родимый комочек
Хочу я скорее обнять.
Не хватит не слов и ни строчек,
Чтоб чувства мои передать!
Ты — радость моя, вдохновенье,
Частичка ты дочки моей.
В тебе и моё продолженье
И смысл моих будущих дней!

РОДИНА

О событиях в Украине с болью...
Что-то не спится и часто не можетя...
Ночью душа и болит и тревожится.
Быть бы живым, остальное приложится,
Сможется, Господи, стерпится, сможетя...
Сколько всего, так нежданно-негаданно,
Перевернулось вдруг с ног да на голову...
Глупо, нелепо и так неоправданно,
А на душе неприкаянно-холодно.
Глазки детей, из экранов молящие,
Женские слёзы, уж непроходящие,
И старики, по подвалам лежащие —
Не из кино уже, из настоящего...
Родина! Там ведь могилы родителей,
Детство и юность, дома и обители...
Правду о Крыме узнать не хотите ли?
Нас ведь спасли и ничем не обидели!
Братья-хохлы, да ослепли вы что ли?!
Разве за это стояли, боролись вы?!
Это ли воля? Страшнее неволи...
Не сосчитать ни смертей и ни ран вам!
Кто вас поймёт и кому вы нужны там?
Всё там чужое, диктат и насилие!
Что же вы прёте на друга, на брата
От безнадёги, вражды и бессилия?
Вас разделили, разрезали заживо,
Заполонила умы вам Америка.
Ах, украинцы-браты, ну куда же вы?
Знать в никуда, от родимого берега!

*Марина
Збараг*

БАБЬЕ ЛЕТО В КРЫМУ

*Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный...
Иван Бунин*

«Лес, точно терем расписной...»
Украла строчку у поэта.
Автобус мчит меня домой.
В окно люблюсь бабьим летом.
Играет листиками осень.
В глазах рябит от красок ярких.
И, хоть её никто не просит,
Природа дарит всем подарки.
Какой красивый лес в долинах!
А над холмами неба просинь.
Скорей за краски и в картинах
Запечатлите эту осень.
Бумагу в руки, карандаш...
Слагайте, милые поэты.
У всех творцов ажиотаж,
Когда приходит бабье лето.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

«Клубами фиолетового дыма»
Повсюду распускается сирень.
Смотрите все, не проходите мимо
Сегодня День Победы, майский день!
Шагает Полк Бессмертный из портретов.
Народа подвиг позабыть нельзя никак.
Во все века мы помнить будем это:
Как развевался над Рейхстагом красный флаг,
Как жизнь спасал немецкому ребёнку
Советский воин. Память всё хранит.
Он из-под танка вытащил девчонку.
И в Трептов-парке памятник стоит.
Проходит Полк Бессмертный из портретов.
Бесстрашные глаза глядят на нас.
Во все века мы помнить будем это,
Родных героев, кто наши жизни спас.

ГРУСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Скоро, скоро Новый год.
Дождик льёт, как из ведра.
Пёс продрогший у ворот.
Не выходит со двора.
Каша в мисочке размокла,
Не догрызенная кость...
При погодушке нелётной
Не стучит в калитку гость.
Кошка, старая подружка,
Не торопится гулять.
Вот и пёс, поджавши ушки,
В конуру пошёл дремать.

ЖИВИ НАСТОЯЩИМ

Живи настоящим,
Не прошлым, не будущим.
Живи настоящим,
Без всяких вопросов.
Живи настоящим,
Завидуя всем любящим.
И сам всех люби,
Хоть не так это просто.

КАТАЕТ КОТИК МОЙ ОРЕХ

Катает котик мой орех,
И раздаётся детский смех.
Соседка девочка-мальшка
Сидит, коту читает книжки.
Глядят они друг другу в глазки.
Котёнок тоже любит сказки,
Но только слушать не умеет.
Тут стала девочка смелее.
Кота в объятьях держит крепко
И заставляет слушать «Репку».
Глядит котенок на орех,
Как вырваться из ручек тех,
Что его держат очень крепко
И заставляют слушать «Репку».
Про «Золотую Рыбку» — вот,
Наверно, слушать будет кот.
И про неё не хочет слушать,
Он просто рыбку любит кушать.
Вдруг разыгрался аппетит,
А кот в объятьях сидит.
Рывок, прыжок, и он на воле.

Кот на свободе, а не в школе.
И плачет девочка-мальшка,
И просит кошку слушать книжку.
Та соглашается немножко,
Она ведь не котенок — кошка.
Она взрослее и умнее
И обижать детей не смеет.
Наелся котик и под бок
Он к кошке-мамочке прилѐг.
Втроем теперь читают книжку.
И очень счастлива малышка.

ЛЮБИМЫЙ УГОЛОК

Мне не надо персиков и вишен.
Еду я в родимые леса,
Где знакомых птичек голос слышен,
По утрам прохладная роса.
Под окном и сосны, и берёзы,
Ель пушистую качает ветерок.
По щекам тихонько льются слёзы.
Вот он, мой любимый уголок.
Ничего, что комары, да мошки,
Ночи белые мешают мне заснуть,
Утром я отправлюсь за морошкой,
До чего приятен этот путь!
Наберу черники и малины,
И грибов, как дождичек пройдёт.
Нет милей родных лесов картины.
Моё сердце плачет и поѐт.

МАЛЕНЬКИМ ШКОЛЬНИКАМ

Это обращение к маленьким школьникам я написала, услышав по радиосообщению о том, как дети Ленинградской области закидали камнями бывшего узника концлагеря. Он шёл в свой посёлок после получения медали «70 лет Победы». Маленькие школьники не знали, кто такой узник.

Маленькие школьники, с видео, мобилами,
Хоть бы раз поплакали вы над их могилами,
Кто за ваши жизни жизнь отдал свою,
Защищая Родину, погибал в бою.
Бухенвальд, Освенцим... Да, зачем вам это?
Смотрят ваши глазки на экран планшета.
Кто такие узники, вы совсем не знали.
Оставшихся в живых, камнями закидали.
Что же происходит нынче, дети, с вами?
Кто же управляет вашими мозгами?
О войне вам, школьники, знать бы больше надо.
Как старались выжить в блокаду Ленинграда,
Но везли на кладбище маленькие сани.
Прочитайте записи Савичевой Тани.
Описать Хатыни пламя, не хватает слов,
А ещё всем помнить надо Багерровский ров.
Замрите на минуту, не пользуйтесь мобилами,
Склоните низко головы над братскими могилами.

МЕТЕЛЬ В СТАРОМ КРЫМУ

Закружила, заиграла метель,
Замела Старый Крым снегом белым.
На холмы настелила постель
И опять принялась за дело.
Успокоилась, наплела

Нежных кружев, сил не жалея.
И стоит вся белым-бела
Зачарованная аллея.
Вновь метель понеслась, завьюжила,
А куда, и не знает сама.
Старый Крым оказался под стужею.
Наконец, наступила зима.

МНЕ НИКТО НЕ СКАЖЕТ СЛОВА «ДОЧКА»

Мне никто не скажет слова «дочка».
И текут слезинки по лицу.
Вот лежат сушёные грибочки,
Вот тропинка к старому крыльцу.
Только мама больше не встречает
И в окошко больше не глядит.
Ели головой своей качают,
Да и ветер нынче был сердит.
А наутро на дворе пороша
Лишь прикрыла скользкий гололёд.
Обуваю мамины галоши.
Может, мне сегодня повезёт.
Падаю, мне не везёт, как прежде.
Лорд засунул мордочку в еду.
Возле дома в маминой одежде
Я хожу и прочь гоню беду.

ОСЕНЬ

Бродят волны, скучая, по пустынному пляжу.
Паутинку осеннюю паучок нежно вяжет.
Рано солнце садится за холмы и за горы.
Ветерок облетает родные просторы.

И играют листочки в догонялки и прятки.
Скоро зимушка рыжей наступит на пятки.
А пока, золотая, хозяйничай смело.
Пусть готовит зима свои кружева белые.

СВЯТАЯ К МУЗЫКЕ ЛЮБОВЬ

Прислушайтесь, вокруг одни лишь звуки.
Ещё секунда — сердце запоёт.
Кто любит музыку, тот не подвластен скуке.
Она в его душе всегда живёт.

Святая к музыке любовь.
Лишь прикоснутся руки нежно к струнам,
И мы услышим вновь и вновь
Всех наших виртуозов юных.

Любовь и музыка едины.
Как точно сказано когда-то.
И потому звучит неповторимо
Бетховенская «Лунная соната».

Шопеновский «Ноктюрн» встревожит душу.
И хочется и слушать, и играть,
И снова бесконечно слушать.
Так трудно трепет внутренний унять.

Играйте, поднимайте планку,
Любите музыку всерьёз.
И пусть у нас свои растут Ланк Ланки.
Не хуже, чем японский виртуоз.

Многогранники

*Алексей
Вдовенко*

ВРЕМЁН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Из четырёх моих прабабушек я что-то достоверное знаю лишь о бабушке Ане — свекрови бабушки Домны. Родилась она в самом конце сороковых годов XIX столетия, а умерла в апреле 1944 года, всё таки дождавшись освобождения родного города от фашистов. Прожив на этой земле почти целое столетие. Бабушка Аня передала по семейной цепочке много замечательных историй о том, как жили керчане в старину. Десятка четыре из них, с дополнениями и пояснениями бабушки Домны, запомнились и мне. Я, дорогие читатели, ещё надеюсь вас в будущем с ними познакомить. А сегодня расскажу о случае, навсегда запавшем в память маленькой девочки Ани, жившей тогда на хуторе помещика Корецкого. Находился он в районе современной улицы Кокорина.

Случилось это в Крымскую, или, как её называют западноевропейские историки, Восточную войну. Известно, что вместе с французами и англичанами, в

Керчи тогда высадился и большой отряд турецких янычар. Фактически, сброд, отъявленные головорезы. Не щадящие никого, даже женщин и маленьких детей.

Казалось бы, всё, конец — неминуемая смерть. Но наш человек смекалист. Особенно в минуты опасности. Несколько семей спрятались за хутором в зарослях высокого камыша, на болоте, в очень топком месте, справедливо полагая: янычары в незнакомое болото лезть побоятся.

Так и вышло. Головорезы зашли на хутор — нет ни души. Вышли за околицу, посмотрели на качающиеся под ветром камыши. И собрались было идти назад, но в камышах раздался писк — заплакал тоненько, жалобно младенец: маленькая сестричка Ани. Ещё мгновение, и янычары бы узнали, где спрятались жители хутора. И тут мама Ани бросает младенца в болото. Девочка погибла, но Аня и вся её семья спаслись.

Как-то я сказал, выслушав эту историю с замирающим сердцем, бабушке Домне:

— Какая жестокая женщина! Ни за что бы так не поступил.

На мои слова бабушка, задумчиво улыбнувшись, ответила:

— Если бы она так не сделала, — тебя бы сейчас на свете не было. Да и некоторых других, кто нынче тут по улицам бегают.

Замечательная она всё-таки была, бабушка Домна. Всепоглощающая, вселенская доброта удивительно сочеталась в её характере с жёсткой крестьянской реалистичностью.

ТЕЛЕГА СЕЛЁДКИ

Из рассказов бабы Домны

О прадеде своём я почти ничего не знаю. Звали его Тимофей Иванович, жили он и вся его многочисленная семья в рыбацком посёлке Жуковка, по тем временам — довольно далеко от центра Керчи. Был прадед, как в ту пору большинство «коренных керчан», — рыбаком. Жили весело, дружно. Большим домом и крепким хозяйством.

Тимофей Иванович — между путинами, был ещё и неплохим бондарем: делал бочонки для вина, а самое главное — для селёдки, той самой, знаменитой не только в России, но и по всему миру. Которая удостоилась названия отдельного биологического вида: «сельдь керченская». Уху из щёк этой рыбки очень любила императрица Екатерина Великая. И упоминают нашу керченскую селёдку многие писатели, в том числе такие как Иван Бунин, Константин Паустовский.

О жизни прадеда я знаю до обидного мало. Но историю о телеге селёдки любила рассказывать моя бабушка Домна Тимофеевна в шестидесятые годы прошлого века мне, ещё совсем небольшому мальчику.

Произошло это в 1900 году. Когда бабушка была шестнадцатилетней невестой на выданье, а прадедушка — крепким сорокалетним мужчиной. В тот год поздней осенью была особенно хороша сельдевая путина. Селёдки поймали неимоверно много, и Тимофей Иванович решил продать излишки в город, знакомому перекупщику-греку и обеспечить всей семье весёлые и

разгульные святки — неделю от Рождества до Святого Василия — Старого Нового года. Нагрузил полную телегу селёдки и поехал в Керчь.

Здесь я, любознательный мальчик, обычно прерывал рассказ бабушки, требуя пояснений: «Что ж, он так просто «навалом» селёдку грузил? У вас же бочонки были?»

Бабушка охотно растолковывала. Бочонки-то жалко — дорогие они были. Если в Москву или в Питер, или за границу куда-то, тогда в бочках. А так, для себя, — снегом пересыпал, и ладно. Не пропадёт. Зима ведь.

И тут я задаю следующий вопрос: «А хамсу в чём тогда возили?» И бабушка снова добродушно отвечала: «А хамсу и не возили вовсе. Её тогда и за рыбу-то не считали».

«Ну, вот, поехал Тимофей Иванович в город Керчь и припозднился. Уж темнеть стало, а его всё нет. Пойди, Домна, на дорогу, посмотри, не случилось ли чего с отцом? — матушка меня просит. Холодно... страшно... А идти надо, ничего не поделаешь. Выхожу на улицу, вижу: наша Лохматка головой в ворота упёрлась, в телеге крепким сном спит Тимофей Иванович, вожжи на руку намотаны, а из кармана полущубка торчит толстая пачка денег.

В городе прадед выпил самую малость, его и разморило. Пил-то он редко. Умная кобылка сама домой пришла — дорога знакомая.

ПО ТРУДАМ — И РАДОСТИ

Я любил смотреть на бабушкины руки. Неугомонные, они никогда не отдыхали, всегда находя себе какую-нибудь работу. В детстве для меня самой большой загадкой было — понять, когда же бабушка Домна спит. Да что там, спит — её никогда нельзя было застать, даже уже в солидном возрасте, за семьдесят лет — дремлющей или сидящей без дела.

Длина связанных ею рыбацких сетей составила, думаю, не одну сотню километров, а количество сшитых на легендарной швейной машинке «Зингер» детских платьев, штанишек и рубашечек учёту и вовсе не поддаётся.

Ну, когда уж вовсе никакой другой работы по дому не было, — бабушка усаживалась перебирать крупы: гречневую, пшеничную, вообще любую, какая была на тот момент в доме. Труд несложный, но монотонный, однообразный. Надо было отделить целые, неспорченные крупинки, годные для варки и долгого хранения, от всяческого мусора и подпорченных зёрнышек.

К такому нехитрому и несложному, на взгляд бабушки, делу часто привлекался и я — приехавший погостить ненадолго, самый младший и самый любимый внук. Строго говоря, необходимости в этом никакой не было. Но так повелось в сложном и большом бабушкином домохозяйстве: никто не сидел без дела. И собаки и кошки неукоснительно выполняли свою работу. С собаками понятно: они охраняли дом от незваных гостей. А кошки? С кошками всё выглядело забавно. Каждый вечер взрослое кошачье население дома получало от бабушки задание по охране хозяйственных помещений от мышей и крыс. «Тебе, Мурка,

сегодня в чулане дежурить! — строго говорила бабушка Домна, относила Мурку в чулан и запирала её там до самого утра. — А Василию сегодня всю ночь погреб от мышей сторожить», — и бабушка проделывала такую же операцию с рыжим плутоватым Васей. Находилось занятие на ночь и для всей остальной кошачьей братии.

Видя, что в доме даже кошки работают, мне, конечно, становилось очень неловко бездельничать, и я, хоть и без особой охоты, отправлялся с бабушкой перебирать крупы. Ведь и награды за труды получали все соответственно. Кошка, изловившая мышку, обязательно получала в поощрение пару-другую свежих бычков. Мне же выдавалось любимейшее абрикосовое варенье, которое всегда в достаточном количестве хранилось в бабушкином погребе. «Заработал — получи чай», — улыбалась бабушка. А руки её уже снова какую-то работу делают. «Бабушка, а тебе что? — спросил я как-то. — Ты вон сколько всего делаешь». «А мне в радость, что в доме лад», — погладила бабушка Домна меня по голове своей натруженной ладонью.

КРЕЩЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Дядя Петя — старший брат моей мамы, будучи керчанином по рождению, всю жизнь прожил на Камчатке. Но Керчь — город детства и юности — любил самозабвенно. И каждый год, вплоть до смутного перестроечного времени, приезжал погостить, сначала к бабушке Домне, моей бабушке и своей маме. А потом, после её ухода, к моей маме — его сестре.

Приезжал он всегда зимой. По двум причинам. Первая — был он тепломехаником, и за короткое камчатское время надо было успеть с плановым ремонтом

оборудования. Вторая — зимой не было проблем с билетами на прямой авиарейс Петропавловск-Камчатский — Симферополь.

Был дядя Петя весёлым, шумным, открытым человеком. Старый дом на Жуковке, который уже затихал, — большой семьи не стало: одни мои дяди и тётки погибли в войну, другие разъехались по всему Союзу, — с приездом дяди Пети оживал. Начинались длинные разговоры за полночь. На столе появлялся копчёный лосось, плоские маленькие баночки камчатских крабов и литровая банка красной икры. Родной город отвечал тогда: солёной и жареной сельдью, маринованными в томате, по особому рецепту, бычками, вялеными сарганами, осетровым балыком и его же чёрной икрой. Хамсу — за рыбу на Жуковке не считали. В конце шестидесятых годов прошлого века Керчь ещё не уступала Камчатке.

Среди длинных застольных рассказов дяди Пети были и воспоминания о прежних приездах в Керчь. О том, как изменился, и далеко не всегда в хорошую сторону город. Была история, удивившая меня безрасудством.

В день отъезда, имея уже в кармане авиабилет на Камчатку, дядя Петя вдруг вспомнил, что за время отпуска ни разу не купался в море. Даже не окунался. Конечно, Керчь — не Камчатка, но и у нас в январе бывает холодно. Все многочисленные родственники дружно отговаривали дядю от купания, живописно рисуя ужасную перспективу заболеть в дороге.

Все. И только бабушка Домна спокойно сказала: «Давай, Петя, помолись, перекрестись и три раза окунайся. Не заболеешь. Сегодня 19-е января — Крещение Господне. Сам Бог велел. Ничего плохого не случится».

Коммунист и атеист дядя Петя всё точно так и сделал. Не заболел, и прожил ещё много лет.

НОВОГОДНИЙ СНЕГ

«Большое диво — новогодний снег!» — скажет кто-то. И будет, конечно, прав. На огромных сказочных просторах матушки-России какое же это диво? Уж там-то вся бесснежная пора гораздо короче снежной. Почти везде. Ближе к Москве и далее на Восток. Но в моём родном, удивительном, древнем и вечно молодом городе, стоящем на проливе между двух морей, продуваемом, кажется, всеми ветрами на свете, новогодний снег — большая редкость. До Нового года может немножко посыпать. В январе может и побольше набросать. А в Новогоднюю ночь — или дождевая слякоть, или сухой мороз при резком, колючем норд-осте. И так почти все последние годы. Не знаю, почему. Объяснить это, думаю, рационально невозможно.

Но хороший Новогодний снег в Керчи я всё-таки видел. Вот передо мной тусклое любительское фото, снятое первого января одного из 70-х годов прошлого теперь уже века. На фотографии заснеженный Казённый сад, в просторечии «Казёнка». Где-то рядом со старой танцплощадкой. Возле украшенной принесёнными из дому игрушками ели — группа молодых людей. Весёлые, озорные лица, ещё не тронутые «печалью жизненных забот». Где вы теперь, друзья?! Далеко...

Дед Мороз — Шурик, немец по национальности, — в Германии. Снегурочка — Наташка, с детского сада увлекавшаяся английским, — в Америке. Четверо остальных — в Израиле.

Но где бы вы ни были сейчас, — поднимите за праздничным столом бокал вина за то, чтобы наш любимый город прожил весь новый год без энергетических и других глобальных проблем. Он это заслужил.

А Новогодний снег... Да в нём ли суть доброго, весёлого праздника!

МАШИНИСТ

Ритмика труда всегда красива.
Ты зайдёшь в кабину, не спеша,
И в стальном нутре локомотива
Оживёт рабочая душа.

И начнут колёса неуклонно
Километры новые крутить.
Я тебе, с знакомого перрона,
Пожелаю доброго пути.

* * *

Я не один — со мной моя печаль.
Я не желаю спутника иного.
Уйдёшь ты скоро в пасмурную даль,
Печаль останется, она — разлук основа.

Твой каждый взгляд в сознании храня,
Я буду думать, как прожить мне дальше.
И вдруг пойму, что любишь ты меня,
Пусть неумело, но зато без фальши.

* * *

Мой добрый друг, с тобой делить
Привык я всё, что жизнь давала.
Годов нетлеющая нить
Казалось, прочно нас связала.
 Мой добрый друг, я не пойму,
 Зачем ты требуешь покоя?
 Зачем ты копишь денег тьму?
 Такая цель тебя не стоит.
Когда-нибудь ты всё поймёшь.
И правды суть восстанет грозно,
Когда ко мне ты вновь придёшь.
Боюсь, что будет слишком поздно.

УТЕШЕНИЕ

Да нет, ну как ты не поймёшь:
Я не хочу тебя обидеть.
Но эту тягостную дрожь
В тебе мне очень больно видеть.
 Нам ли пред жизнью пасовать!
 Мы ли в огнях не побывали!
 И всё, что можно испытать, —
 Без всякой скидки испытали.
Живи спокойно и легко,
Знай в чувствах меру постоянства.
И помни о суде веков
И о безмерности пространства.
 А он настанет, светлый час —
 Пройдёт пора январской стужи
 И утешением для нас
 Другие радости послужат.

*Татьяна
Левченко*

ПЕРВЫЕ КНИЖКИ

...Итак, читать я научилась по газетам.

А вот книги... Будете удивляться — у нас в доме в ту пору книг не было вообще. И я даже не представляла, что они существуют.

Но вот, мама устроилась работать на кирпичный завод, уже окончательно вернувшись в Керчь. И однажды принесла книгу. Записалась в библиотеку. Правда, на заводе она так уставала, а дома ещё троица малых... Она так и не дочитала тогда эту книгу. Зато попыталась её читать я. «Королева Марго». Страницы три я осилила. Считать ли её первой книгой? Отнюдь: я ничего не поняла, не прочитала полностью, никаких эмоций книга во мне не вызвала. Прошла неделя, книгу нужно было возвращать в библиотеку, а маме некогда читать. И — стыдно, что задержала. И она послала в библиотеку меня — вернуть книгу. И взять какую-нибудь в замен (если дадут).

Библиотека в районе кирпичного завода... Наверное, уже почти никто о ней не помнит. Тогда конечная остановка «восьмёрки» была поблизости от заводской проходной, в при заводском парке. Там была круглая

площадка для разворота автобуса и здание дугой, с как бы верандочкой по внутренней стороне. На верандочке стояли скамейки остановки под окнами двух помещений: поменьше — парикмахерская на два кресла, и побольше, метров восемь квадратных, — библиотека.

Узенькое помещение со стеллажами от двери до стола с библиотекаршей в глубине, было заполнено очередью заводчан, после смены (или перед сменой) пришедших обменять книги. И запах стоял — совсем не книжный: запах сырой глины и сухой кирпичной пыли.

Я заняла очередь и стала ждать. Ждать было скучно и трудно: вокруг толпились большие люди, совсем закрывая свет. Я присела на корточки у стеллажа и обнаружила, что на нижней полке сложены стопками тонкие книжечки. Открыла одну, другую... Это были такие себе — книжки на один стишок. Потому я ни названий, ни количества поглощённых книжек не запомнила. Главное, что когда подошла моя очередь — а она подошла просто потому, что рабочие уже разошлись, я одна осталась, — библиотекарь обратила на меня внимание и, поменяв для мамы «Королеву Марго» на какую-то другую книгу, предложила и мне взять с собой детскую.

Взять с собой! — представляете?! Это чудо! Можно было и онеметь от неожиданного счастья. Но я неметь не хотела, я попросила дать книжку, «чтобы много читать» — коротышки слишком быстро заканчивались.

Опять не могу сказать — первые книги были? Я их не запомнила, «проглотила», не осознавая, что «читаю

книгу». «С собой» получила книжку на три сказки: «Колобок», «Куручка Ряба» и «Лиса-лапотница».

Вот, теперь я уже знала, что книги существуют, и не только для взрослых, но и для детей. И через пару недель, увидев в киоске Союзпечати рядом с продуктовым магазином тоненькую книжку в ярко-жёлтой обложке с «детским» названием «Скворушка», без зазрения совести, купила её за 5 копеек из сдачи.

Вот это была МОЯ ПЕРВАЯ КНИГА. В книге было несколько рассказов о животных, птицах разных авторов, которых я не удосужилась запоминать. Скорей, она предназначалась для подросткового и даже старшего школьного возраста. А мне было пять с половиной лет. Но это была моя книга, собственная.

А через год, на первой линейке в школе, мне подарили «Сказку о царе Салтане» — это уже вторая моя книга. Правда, до неё я прочитала не менее двух десятков сказок из библиотеки... Да и «Скворушку» перечитала не один раз... Стоит ли удивляться, что уже на первой же перемене я спросила у учительницы, где в школе библиотека? Увы, она удивилась и огорчила: первоклассников записывают только со второго полугодия.

Но ничего: библиотека с кирпичного никуда не девалась. Даже когда маршрут «восьмёрки» изменили, её перенесли в здание управления завода, и я ещё долго туда ходила.

* * *

(читая...)

... И в этом сонме слов
Мелькнёт внезапно что-то,
Что – призрачное в них, –
Поэзией сквозит. –
Как белых лепестков
Безмолвие полёта –
Безмолвнее, чем миг
Пред грохотом грозы.

И – снова ускользнёт...
И – жди, когда вернётся...
Ах, этот род людской –
Всё пить бы или есть...
Сгустятся росы в мёд...
«Как слово отзовется...» –
Хоть истомись тоской!
А – вот... не воротить...

ЗАПАХ ОСЕНИ

Травы сникли под синими росами.
Я тебе принесла запах осени:
Тонкий грибной аромат
Мокрой подпирелой листвы.
Не осыпай ты меня вопросами!
Я тебе принесла запах осени!
В глазах моих – листопад,
А сквозь него – только ты!..

* * *

Спали девочки и мальчики
В детсадах в кроватках маленьких.
Клали солнечные зайчики
Им на лица лапки тёплые.
И тихонечко, «на пальчиках»,
Приходили в эти спаленки
Разноцветные, как мячики,
Сны – прекрасные и лёгкие.

Пролетели годы грозами,
Отпылали дни закатом.
Стали девочки серьёзными,
Стали хмурыми ребята.
Кому прозой, кому песнями,
Кому сикось-накось сладило,
Кому грустно, кому весело –
Сталось тётями и дядями.

И порой им вспоминалось
Всё, что с детством унеслось,
Как им грезилось, мечталось,
Не о том лишь, что – сбылось.
... Спали девочки и мальчики
В спаленках с большими окнами.
Словно солнечные зайчики,
Сны их были светло-лёгкими...

* * *

И плохое, и даже хорошее, –
Всё минует, как в партии блиц.
И уложится всё наше прошлое
В биографии пару страниц.

* * *

Если пальцы на струны положены, —
Песню надо допеть до конца.
Но плетутся слова, заеложены:
Мы пьяны — от венца и винца.
 Мы, как будто, не просто прохожие,
 И как будто, имеем сердца.
 Но — положены песни похожие:
 До конца их поём без конца.
Не желаем потомкам того же мы:
Ни винца, ни венца, ни свинца.
Лучше спите на и под рогожами,
Но не вторьте рефрен: «Гоп-ца-ца»!

КОЛОВРАЩЕНИЕ

Там, где теряется тропа
Под стенами Иерихона,
Вскричав отчаянно, пропал
Могучий голос геликона,
Как не рождённая строка
В зените взлёта вдохновенья,
Вернутся прошлые века
 В одно мгновенье
 И всё замрёт.
 В одно мгновенье,
Вернутся прошлые века
В зените взлёта вдохновенья,
Как не рождённая строка,
Могучий голос геликона
Вскричав отчаянно, пропал
Под стенами Иерихона,
Там, где кончается тропа.

ГОРЬКИЙ ВЕРЛИБР**(на смерть акации в гаражном кооперативе)**

Дерево рухнуло, бури не выдержав.
Корни асфальт разорвали и замерли.
Ветви стонали, ломаясь в падении,
Цветом медовым дорогу осыпали.
Замерла жизнь, остановленна гибелью,
Гибелью дерева сладко цветущего.
Без параллелей, метафор, гиперболы —
Просто почувствуйте горечь акации.
Горько не выдержать, больно не выстоять
Лишь потому, что не там оно выросло...

* * *

В истории немало есть примеров,
Когда за веру люди шли на смерть.
А нынешние варвары орут: «Война – за веру!»
В то время как война идёт – за нефть.

* * *

(эпиграф к повести «Оазис голубого марева»)

... Когда устанут от войны
и всем захочется покоя,
запросят птицы тишины,
чтоб спеть волшебное такое...

УСТАЛО...

Что мы делим промеж собою?
Вся-то жизнь у нас — поле боя.
Места нам не достало, что ли?
Поле боя — не хлеба поле.
Что же делим его на доли?
Что же держим его до боли?
Отступиться бы всем, оставить —
Пусть полынью позарастает!
Пусть его побивает градом,
Солнце выпалит злые корни.
Поле боя — зверь плотоядный:
Не зерна ожидает — крови.
Не планета — квадраты целей!
Голос разума слышен еле.
И тому — еле-еле внемлем.
Это ль было для нас мечтой...
Чего делим-то, люди?!
Землю. А на что?

* * *

На пламя, — и не однажды, —
Палящее жарким светом,
Судьба меня заносила,
Как парусник злые ветры.
Но я мотылёк отважный.
Я буду играть на флейте,
Покуда достанет силы. —
Вы только меня согрейте...

*Сергей
Молодцов*

Член СРПВК

«ВЫХОДИЛА НА БЕРЕГ КАТЮША...»

*Из серии о легендарном народе кош
(глава из книги «Архитекторы космоса»)*

Капитан Флёров И.А.

БМ – 13

В ВЯЗЕМСКИХ ЛЕСАХ

1-я отдельная экспериментальная батарея реактивных установок совершала свой последний марш, не подозревая об этом. Танковый прорыв Гудериана грозил захлопнуть капкан и, пока оставалась надежда, батарея спешила прорваться к своим. Установки, прозванные бойцами ласковым именем «Катюша», не должны были попасть в руки врага.

Предстоял, почти 200-километровый марш, по лесам и болотам, по расхлябанной колее октябрьских дорог. Было принято решение: идут только БМ-13(боевые установки), четыре машины с личным составом и полуторка разведвзвода.

Слив бензин, всю оставшуюся технику, имущество, а главное — ракетный боезапас, взорвали. БМ-13 были заряжены для единственного залпа в месте прорыва.

Командир батареи провёл последний инструктаж по действиям расчётов установок при угрозе их захвата противником и, лично проверил состояние заложённой в ящиках для ветоши взрывчатки. Эти ящики были закреплены на поворотной раме каждой из 7-ми БМ-13. В случае угрозы захвата, командир расчёта должен был успеть поджечь бикфордов шнур и взорвать установку.

Пройдя лесами около 150 км, вышли на опушку. Предстоял самый короткий, но и самый опасный участок перехода. Впереди лежало большое поле с маленькой деревушкой посередине. В наступившей густой темноте осеннего вечера, разведчики проехали его на полуторке из конца в конец, ничего подозрительного не заметив. Даже деревенька, в одну улицу, казалась вымершей. Командир батареи отдал команду на движение и, сев в головную машину, поехал вперёд. Колонна втягивалась в деревню...

...Немцы начали охоту за новым оружием русских сразу, после первых залпов «катюш» 14 июля 1941 года, которые разметали железнодорожные составы под Оршей. С наскоку захватить батарею не

смогли: она была строго засекречена, хорошо охраняема и мобильна. В наметившемся Спас-Деменском «котле», у них появился реальный шанс заполучить установки. Теперь, на последнем этапе, требовалось провести операцию по захвату так, чтобы русские не успели запустить механизм самоликвидации.

Батарею отслеживали на всём протяжении её марша. Точку захвата наметили в заброшенной деревеньке, стоящей посреди большого поля. В конце и начале деревни, расположили тщательно замаскированные танки. Личный состав, особо подготовленной роты «СС», занял позиции в домах и постройках, вдоль идущей через деревню дороги. Каждой боевой группе была поставлена отдельная задача: танки, с двух сторон, замыкают дорогу; снайперы бьют по находящимся в кабинах установок и не подпускают к ним никого; остальные — отсекают от установок и уничтожают личный состав батареи.

Командир спецкоманды захвата — опытный диверсант — знал, что БМ-13 заминированы. Поэтому и делал особый упор на работу снайперов.

Беспрепятственно пропустив разведмашину русских, приготовились к захвату...

Танки возникли перед колонной внезапно. Одновременно загремели выстрелы. Водитель головной установки был сразу убит, а командир батареи — тяжело ранен. Упав с сидения, он, в последнем усилии, чиркнул приготовленной заранее спичкой, и поджёт конец бикфордова шнура...

Фугасы самоликвидации сработали ещё на трёх установках. Снайперам приходилось стрелять в темноте, в полуслепую. Но, к оставшимся целыми, трём из семи БМ-13, плотный огонь немцев не подпускал

никого. Шёл не бой, а бойня... Из 170-ти бойцов и комсостава батареи, в прорыв ушло всего 46 человек. Три установки были захвачены...

МЕЖГАЛАКТИЧЕСКИЙ ВЫСШИЙ СОВЕТ

— Ну почему? Почему мы не в состоянии предотвратить все эти войны, эпидемии и, вообще, массовую гибель землян? — взволнованно сказал, не обращаясь конкретно ни к кому, только недавно ставший членом Высшего Совета — Алс. — Кому это нужно? Нам — нет. Землянам — тоже. Так в чём вопрос?

— А вот тут не прав, — ответил ему, сидящий за столом, Акр. — Всё идёт естественным путём развития. Ведь в каждой группе живых существ и растительного мира идёт постоянная борьба за жизненное пространство и выживание вида.

— Но методы и средства? — возмутился Алс.

— Они, конечно, несопоставимы с естественными, как у дикой природы, — горько усмехнулся Акр. — Это — искусственная селекция, причём вынужденная. Но, это и есть цивилизация, вернее — её плоды. И мы просто вынуждены мириться с существующими правилами игры.

— Действительно, — вмешалась в разговор, осторожная в суждениях, Люви, — ведь на других планетах подобное происходит сплошь и рядом. Но таких, страшных по своей жестокости действий, как на Земле, ещё не встречалось. Борьба идёт всюду, но не так безжалостно.

— Но, неужели мы не можем это изменить? — задала вопрос, хлопая ресницами, всегда удивлённых глаз, слегка наивная Буса.

— Нет, Буса, — повернулся к ней Смол. — не только не можем, а и не должны. Мы, вправе вмешиваться и менять реальность, лишь в случае угрозы всему человечеству или его большей части. Вот сейчас нам необходимо принять решение по такому вмешательству. Мава, — обратился Смол к жене, — ознакомь членов Совета с докладом аналитиков.

— Друзья, — обратилась к коллегам Мава, — опять у нас проблема в XX веке.

— И опять 2-я мировая война? — полувопросительно вскинула голову Нави. — Вроде бы уже всё исследовали в этом периоде. Вдоль и поперёк. Нет! Какая-нибудь пакость, но проявится! Извини, Мава, продолжай.

— Ты угадала. — коротко ответила Мава. — Я не буду читать весь доклад, а выделю суть. Немцы захватили три реактивные арт. системы у русских. Они в состоянии быстро наладить серийный выпуск. Результат, я думаю, вам предсказывать не нужно. В общем, требуется нейтрализовать ситуацию.

— А чем русские лучше немцев? — хитро прищурившись, спросила Лета.

— Ну, ты и сказала! — возмутился её муж, Вал. — Германский Рейх нацелен не просто на порабощение народов, а на *уничтожение целых наций и народностей!*

Если они победят в войне...

— В целом — я в курсе, — оправдываясь, смущённо сказала Лета. — Это так, в порядке общей информации. У меня же другое направление работы.

— Не пикируйте, — прервала супругов Нави. — Проблема обозначена. Смол, вы можете задействовать нынешних наблюдателей с «Селены»? Как они работают

после последней трагедии? Или необходимо будет подготовить отдельную спецгруппу?

— Они уже пообвыклись с потерей. Работают в обычном режиме. Мы думаем, — кивнул Смол в сторону Мавы, — ребята справятся с задачей.

— Тогда исполняйте, — подвела черту Нави. — Я думаю, члены Высшего Совета за вмешательство в этот эпизод.

Члены Высшего Совета не возражали. Решение было принято и Смол с Мавой отправились на узел связи ставить задачу подопечным.

СТАНЦИЯ НАБЛЮДЕНИЯ «СЕЛЕНА»

Получив инструктаж, Пун покинул отсек связи и направился к товарищам.

Тос, как всегда, занимался плановой проверкой автоматизированных систем станции, а Тим дежурил у центрального пульта управления. Вошедший Пун оторвал их от дел. Переведя все системы на автоматический режим работы, Тос и Тим, удобно расположившись в креслах, приготовились слушать Пуна. Он подробно изложил всё, что сообщил ему Смол.

— Задача, ребята, вроде бы несложная, — завершил Пун, — но есть два существенных нюанса.

— Что за нюансы? — подался вперёд Тим.

— Во-первых, — начал Пун, — установки разминированы и находятся под плотной охраной.

— Ну, охрана — не проблема! — встрял непоседа Тим.

— Да подожди ты! — одёрнул его Тос.

— Итак. Первое, — как бы не замечая реплики Тима, продолжил Пун, — взорвать установки нужно

обычным для этого периода времени способом. Наши технические возможности исключаются.

— Значит — динамит и бикфордов шнур. — сказал, утверждаяще, Тос.

— Да. Но есть ещё одна неувязка: установок три, а исполнителей будет двое. — Пун замолчал.

Повисла пауза. Затем Тос задал закономерный вопрос:

— А почему не вся тройка?

— Операция опасная. На «Селене» будет находиться в предстартовом состоянии вторая хронокапсула, с теми же координатами. Мы не можем поручить дежурство никому из персонала базы — они не имеют соответствующей подготовки. А действовать, в случае чего, придётся оперативно и соответственно обстоятельствам, — хлопнув ладонью по ручке кресла, завершил Пун.

— И кто остаётся? — беспокойно заёрзал Тим. — Только не я!

— Смол оставил это на наше усмотрение, — ответил Пун. — Бросим жребий.

Предложение Пуна приняли. Жребий был брошен. На операцию отправлялись Тим и Тос.

ДЕРЕВНЯ «БОГАТЫРИ»

Хронокапсулу они оставили на опушке леса, за деревьями, в режиме невидимости. Ближе к деревне и в самой деревне, этого делать было нельзя: разлёт реактивных снарядов при взрыве установок был непредсказуем. Рисковать зря, подставляя хронокапсулу под шальной снаряд, не стоило.

Ещё раз прошлись по заданию.

— Значит, на первых двух машинах, бикфордов шнур рассчитан на 15 секунд горения, — напомнил Тос,

— поджигаем и, к третьей. Кто успеет раньше — начинает. Там ставим время горения шнура от 10-ти до 5-ти секунд. Всё будет зависеть от того, как управимся с первыми установками. Уходим в режиме ускорения.

— Слушай, — тихо произнёс Тим, — а если не жечь свою энергию на ускорение, а применить пси-воздействие на охрану? Установили бы шнуры секунд на 30-ть горения и спокойно отошли.

— Какое пси-воздействие? — посмотрел на Тима, как на несмышлёныша, Тос. — Они же все в металлических касках! Головной мозг экранирован! Любой сигнал будет искажён!

— Ясно. Но десяти секунд, а тем более — пяти, нам будет просто недостаточно, чтобы успеть добраться до леса. Даже в режиме ускорения мы не преодолеем такое пространство и нас накроет взрывной волной, да и разлёт снарядов непредсказуем.

— А вот здесь, Тим, — как повезёт. Удалимся на сколько возможно, падаем в любую ямку и прикидываемся лунной пылью... Если зацепит, то сам знаешь, как поступить: или переход в параллельный мир, или самоподрыв. Хотя мы и в форме русских солдат, и внешнюю мимикрию провели над собой — плен нам противопоказан. Таких попыток, какие творит гестапо, мир ещё не видел. Не выдержим. Просто погибнем. В общем ты понял. Всё, брат. Пошли...

В темноте безлунной октябрьской ночи, они скрытно преодолели по полю трёхкилометровый отрезок пути до деревни. Обойдя посты внешнего кольца охраны, подкрались к ракетным установкам, расположенным на некотором расстоянии друг от друга. Перебросились мыслефразами:

«Работаем крайние установки, встречаемся у центральной» — послал мысль Тос.

«Принято. Начали!» — ответил Тим.

Операция началась. Но, как это зачастую бывает, в чёткий план вмешался Его Величество Случай...

...Нейтрализовав часового, Тим быстро заложил фугасный заряд под станину установки и поджёг бикфордов шнур. Но в это время, позади него прозвучали пушечные выстрелы. Тревогу поднял, заметивший что-то неладное, танкист. Нужда погнала его на улицу и он, высунувшись из башни танка, мгновенно отреагировал на подозрительную возню возле охраняемой машины.

Тим, мгновенно вскочил на броню, ударом кулака отправил ретивого служаку внутрь танка, швырнул вслед гранату и, захлопнув люк, прыгнул в сторону. Тосу он успел протелепатировать:

«Третью работай один и уходи! Я беру на себя солдат!»

Началась невообразимая свистопляска... Три взрыва прогремели почти одновременно: взлетели на воздух две «БМ-13» и сдетонировал от взрыва гранаты боезапас внутри танка. Реактивные снаряды разлетались в различных направлениях и рвались, как придётся. Но спецотряд немцев, несмотря ни на что, действовал без паники. Волки были битые. Над местностью сразу взлетели и зависли на парашютиках осветительные ракеты. Всё стало видно, как на ладони. Вокруг третьей, целой пока ракетной установки, лёг плотный, отсекающий огонь из пулёмётных и автоматных очередей. Провал операции был, казалось бы, неминуем...

Тим использовал две оставшиеся гранаты, но тут пуля снайпера отбросила его к стене дома. От смерти спас

защитный космокомбинезон под солдатской формой, но снайперов пришлось учесть и Тим вошёл в режим ускорения...

Действовал он без затей: прошёл по всем огневым точкам и перенацелил оружие немцев друг на друга. Оставалась серьёзная опасность — снайперы. Но искать их, времени у Тима уже не было. Требовалось уходить и, по возможности, подальше. Уже двигаясь в сторону леса, Тим оглянулся и увидел поднимающийся к небу огненный шар от взрыва третьей установки. Упав на землю, он быстро проглотил таблетку регенерации энергии и, выждав пару секунд, понёсся, не скрываясь, огромными, зигзагообразными скачками, к спасительному лесу. Достигнув хронокапсулы, Тим послал сигнал Тосу. Не получив ответ, он, нарушив все инструкции, рискуя попасть под огонь, поднял в воздух капсулу и повёл её низко над землёй к деревне...

...Тос получил мыслесигнал от Тима, когда уже находился у третьей «БМ-13» и закладывал заряд. Но он не мог поджечь бикфордов шнур, так как начавшийся градительный огонь, отрезал ему возможность отхода. И только когда немцы открыли беспорядочную стрельбу друг по другу (стараниями Тима), Тос верно оценил обстановку. Укоротив бикфордов шнур на 5-ти секундное горение, он вошёл в режим ускорения, поджёг шнур и направился к лесу. Преодолевая сопротивление воздуха (обычное явление в режиме ускорения), Тос успел выйти на поле и тут его догнала, тоже медленно ползущая, как облако тумана в безветрие, ударная волна...

СТАНЦИЯ НАБЛЮДЕНИЯ «СЕЛЕНА»

Очнулся Тос уже в знакомой обстановке лунной станции, в госпитальном отсеке. Рядом сидели, улыбающиеся, — Пун и Тим с повязкой на груди и шее. Он хотел встать, но головокружение и острая боль в груди, помешали.

— Лежи, Тос, — придержал его Пун, — у тебя сильная контузия и много ушибов. Серьёзного — ничего, но полежать придётся. Ты трое суток в беспмятстве лежал. Но сейчас всё пойдёт на поправку. Доктор говорит, что тебя даже в Медцентр отправлять не надо. Поправишься здесь.

— Что с тобой, Тим? Как прошла операция? — тихо спросил Тос.

— Всё в порядке, Тос, — ответил, улыбаясь до ушей, Тим. — Задачу мы с тобой выполнили. Это — главное! А у меня — мелочи: от первой пули снайпера, на боку кровоподтёк загноился, вскрыли. А на шее отметина от второго снайпера. Когда тебя нашёл и затаскивал в хронокапсулу, пуля вскользь и зацепила. Содрала кожу. Буду ходить теперь с отметиной! Но мы сделали дело, Тос и остались живы!

Тоса накрыла, словно пуховым одеялом, тёплая, мягкая волна живительного сна...

* * *

*Артиллеристам ВС Украины,
получившим награды...*

В истории это не вновь,
Когда войною брат на брата.
Но, чтобы за детскую кровь,
Солдату вручали награду?!

А он, «разгромивши» своих,
Упрятав лицо в «балаклаву»,
В торжественном строе затих,
Рявкнув: «Героям слава!»

«Геройство»... Накрыть всех огнём,
Не думая: прав – виноват...
А если в твой собственный дом
Ударят снаряды, солдат?

Мне стыдно «солдатом» назвать
Того, кто детей убивает.
Солдат присягал – защищать,
А этот – по трупам шагает,

Обычных сограждан своих
И, яростно, этому рад.
К такому способен лишь псих,
Убийца, но не солдат...

* * *

Утраченному товарищу — В. Д.

Писал стихи, пел песни под гитару,
Ну, а театром, просто жил.
Был добрым, бескорыстным парнем...
Он — жив. Но для меня он — «был»...
 Не только для меня. Для многих.
 Не можем мы его понять:
 Как мог он встать у той дороги,
 Ведущей, просто, убивать...
Когда успел возненавидеть
Россию, земляков — крымчан?
Донбасса, что в глаза не видел,
Пожар Одессы, луганчан?
 А двадцать лет терпел от «неньки»
 И эмигрировать хотел.
 Был бунтовщик, как Разин Стенька...
 И вдруг, в сознание передел.
Был, парень он, сугубо штатский,
А в целом — творческий аккорд.
Несостоявшийся Завадский...
Стал — «киборг». Рвал аэропорт...
 В простых людей стрелял артист,
 Переступив через барьер...
 Эстетом был, а стал — нацист.
 Несостоявшийся Мольер...

Марина

М.молдцова

Член СРПВК

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Кто работал преподавателем или экскурсоводом, тому понятно, что такое обратная связь. Проходят годы и вдруг, встречаешь повзрослевшего человека, которого порой и узнаёшь-то с трудом, а тебе напомним какой-то, запавший в душу эпизод; с такой теплотой напомним и благодарностью, что у тебя в сердце появляется приятная, радостная волна и думаешь: «Ну вот, не зря я, значит, душу вкладывала, не зря на свете жила...»

Были и в моей жизни такие приятные встречи. Как-то муж пригласил меня в кафе (ныне — «Клеопатра») на просмотр новой эстрадной программы «Маленький Париж», в которой он был задействован. Посетителей пока ещё было мало. Я осмотрелась. За столиком напротив сидела симпатичная девушка с парнем. Мой взгляд встретился со взглядом девушки и пошёл дальше. Девушка заулыбалась и подошла к моему столику. «Марина Васильевна, здравствуйте! Вы меня не узнаете?» — спросила она. Я смутилась. Попросила девушку присесть рядом и немного напомнить о себе.

«Меня зовут Лена. Я была в группе на экскурсии в Прибалтике. Вы нас ещё завозили в «Саласпилс».

И я всё вспомнила. Это была группа юнкоров из Дворца пионеров. Я в то время работала руководителем школы юнкоров и часто организовывала для своих питомцев туристические поездки. Иногда ребята просили взять своих друзей или одноклассников на оставшиеся места. Вот так на одну из поездок попала и Леночка. Она тогда училась в 5-м классе и была соседкой моих юнкоров Миши и Светы. Одну единственную группу я завозила в «Саласпилс». Я упростила, принимавшего нас экскурсовода, на этот дополнительный маршрут. Это страшное место, — детский концлагерь смерти «Саласпилс». Теперешнее поколение детей и подростков не знают даже этого названия. Сколько в этой экскурсии было других объектов, а вот «Саласпилс» врезался в душу Леночке и она вспомнила его в первую очередь.

И ещё припоминается один эпизод. Еду в автобусе. Очень тесно (это когда ещё в Керчи было автобусное движение). На меня в упор смотрит широкоплечий юноша, улыбается, здоровается:

«Вы у нас химию вели в металлургическом техникуме и ещё стихи читали».

«Неужели — Борейко?»

«Он самый».

Красивый, возмужавший... Я в тот период заменила всего полгода, ушедшую в декретный отпуск учительницу химии. Первый курс. Одни мальчишки 14 – 15 лет, которым химия была нужна, как сами знаете, что. Тем более, когда ты на замене среди учебного года, чрезвычайно трудно привлечь их внимание.

Было это 23 февраля. В то время это был праздник — День советской Армии и Флота. Я решила начать урок с поздравления, ведь одни мальчишки, будущие солдаты. Решила прочесть своё стихотворение. Оно было патриотически — лирическое, заканчивалось словами:

*«...Мы рассветы любим, солнышко, весну.
Не пускайте, люди, на порог войну.
Чтобы светлый разум в мире не погас,
Слышите, мужчины, защищайте нас!»*

И вот, в тишине, кто-то хихикнул. Я сделала паузу и изрекла:

— Воистину права фраза: «Не мечите бисер перед свиньями».

И вдруг басок с предпоследней парты:
«А чегой-то мы — свиньи?»

И вот, столько лет прошло, а помнят, что стихи читала...

А эта встреча произошла в гимназии на выпускном в 3-м классе. Это было тоже уже давно. В 3-й класс мы перевели сынишку из другой школы, в связи с переездом. Так что учился он только один год и я мало кого из родителей знала, а тут заканчивалось начальное обучение и все родители были в сборе. Очень радостное и приятное для всех событие. И вот подходит ко мне молодая, красивая женщина и начинает меня спрашивать, не узнаю ли я её. Оказывается, будучи 10-классницей, она ходила на подготовительные курсы торгового института. Правда, поступала она (и поступила с первого раза), в Симферопольский медицинский институт. Выяснилось, что мои уроки

химии так запали ей в душу, она так хорошо стала понимать предмет, что первые два курса в институте, практически поражала своих преподавателей знаниями о строении атома, которые получила на курсах. Конечно, мне было очень приятно такое известие.

Ну, а этот случай произошёл сравнительно недавно. Я не очень люблю ходить по инстанциям с документами, но пришлось кое-что утрясать с перепланировкой в квартире, а это такая волокита, доложу я вам... Я набралась терпения и пошла по инстанциям. И вот, в одном из кабинетов, куда я попала, я несколько раз общалась с молодой, красивой, строгой, как мне показалось, на первый взгляд, сотрудницей. Приходить пришлось несколько раз. Понемногу разговаривали не только по делу. Я вообще-то человек разговорчивый. Как-то я сказала: «Жаль, что мы раньше с вами не общались». И услышала в ответ: «Да нет, Марина Васильевна, общались. Я всё надеялась, что Вы меня узнаете».

И вот выяснилось, что эта женщина, когда-то, вместе со своей сестрой-двойняшкой, были юнкорами и побывали по нашей путёвке в «Молодой гвардии» под Одессой, в юнкоровской смене. Тогда керченские юнкоры заработали 10 именных путёвок. У нас было два случая, когда мы давали по 2 путёвки близнецам, чтобы им не было обидно, хотя писали они свои заметки по-разному. Ну где же мне было узнать в этой повзрослевшей красавице семиклассницу?

В этот день у меня было так тепло на сердце от приятных воспоминаний. И это только часть из случайных встреч через многие годы. Вот оно, счастье учителя, которым хочется дорожить.

ОДА РОССИИ

Глаза закрою — вижу речку,
У речки высятся стога,
Ячмень усатый, будто свечки,
В душистом клевере луга.

А за окном горит рябина,
Берёза распустила косы,
В саду смородина, малина,
А по утрам прохладны росы...

Всё это Родиной зовётся,
Знакомое до слёз, до боли.
К тебе, Россия, сердце рвётся,
К многострадальной, сильной, вольной.

Ты возрождаешься из пепла,
Становишься могучей, грозной.
При Путине ты вновь окрепла.
Признают рано или поздно,

Что для Земли ты, как Мессия,
Спасение для всех народов.
Свела «Единая Россия»
Из ручейков и речек воды —

В партийный бурный океан.
И не устану я гордиться,
Что среди множества всех стран,
В России выпало родиться.

* * *

Босоногой девчонкой
Бегу через годы
Среднерусской сторонкой,
Минуя невзгоды.
 Незлобиво журила
 Меня строгая мать
 И вливала ту силу,
 Чтоб смогла я поднять
И расправить сумела
Два прозрачных крыла,
Над рутинной взлетела...
Как прекрасна Земля, —
 С высоты б увидала,
 А луга и овражки,
 Васильки и ромашки,
 Я б в стихах описала...
И довольствуюсь малым
Я живу, как могу,
И родные причалы
Я в душе берегу.

ДЕТСТВО МОЁ БОСОНОГОЕ...

Детство моё, босоногое...
Ниточки памяти трогаю.
По ускользящей радуге
В годы прошедшие падаю.
...Бедненько, скромненько, голодно,
Осенью позднею холодно.
С жнивья колоски собирала,
В ладошках замёрзших сжимала.
Вот они — зёрнышки радости,

Они заменяли нам сладости.
Так вот где все наши истоки, —
У детства брала я уроки.
Чтоб в жизни чего-то добиться,
Как рано пришлось нам трудиться.
Ах, послевоенное детство:
Опасных предметов соседство.
Мальчишки патроны взрывали,
Которые их убивали.
Ах, милые детские годы, —
Ушедшие вдаль пароходы.
Они никогда не вернуться,
С грустинкою, лишь, улыбнутся
И детской помашут рукою...
Слезы набежавшей не скрою.
За слёзы не надо стыдиться:
Нам стоило, всё же, родиться!

ПОД НАДЁЖНЫМ КРЫЛОМ

Ровно год, как мы вместе с Россией.
Оглянуться так страшно назад, —
Оторвались, преграды осилив.
Ожидали война нас и ад.
 Что творится? Душа леденеет.
 Море крови в Донбассе пролито...
 И какая святая молитва
 Сатанинскую силу развеет?
Честь и разум — понятия стёртые.
Сколько зла на поверхность вынесло,
А история распростёртая —
Не история, — жуткий вымысел.

Как жилось бы на крымской земле?
Тут не надо Большого Пророка, —
Украина во лжи и во мгле
И из жизни ушли б мы до срока.
 Будь что будет. Не стану гадать я.
 Мы теперь под надёжным крылом, —
 Мать-Россия раскрыла объятия.
 Ну, а вместе, нам всё нипочём!

* * *

«У природы нет плохой погоды».
Как тут что-то можно возразить?
Верится, — любое время года
Невозможно в жизни повторить.
 Если в сердце рана и тревога,
 Даже в самый лучший день весны,
 Кажется, — кончается дорога,
 Перспективы жизни не ясны.
Но когда в душе покой и нега,
Нам и дождь, и слякоть нипочём,
Не пугают злые вихри снега,
Если окружают нас теплом.
 Излучайте, люди, больше света
 И отступит боль и темнота.
 Лучше — ожидание рассвета,
 Чем брюзжанье, желчь и пустота.

УХОДИТ ВРЕМЯ...

Уходит время, как песок сквозь пальцы
И миг прошедший нам не повторить.
Как вышивкой, растянутой на пяльцах,
Сплетёт узоры жизненная нить.

И лишь на встречах с юным поколеньем
Ты сможешь в детство, юность заглянуть.
И трепетным, таким земным волненьем
Наполнится душа твоя и грудь.

Грустить не надо, — в этом мудрость жизни.
И каждый навивает свой виток:
Родиться и служить своей Отчизне,
Примерить Победителя венки
И, выбрав путь, с него не отклоняясь,
Упорно и настойчиво шагать.
И, шишки набивая, ошибаясь,
Заветную мечту осуществлять.

* * *

На море ночное сошла тишина
И лунной дорожки полоска видна.
Стою и люблюсь простором морским,
Окутана мягким покоем ночным.
Песок и кустарник в объятиях сна,
А море спокойное гладит волна.
Она колыбельную песню поёт
И водам натруженным отдых даёт.
Весь день эти воды несли корабли
К причалам далёкой и близкой земли.
И с ветром в обнимку, рванув паруса,
На яхтах плывущим, несли чудеса.
Мне тоже бы надо в постельку-кровать, —
Волшебные нити не хочется рвать.
Пусть море поспит. Я его сторожу
И в тёмные дали до боли гляжу.
Так хочется верить в спокойный рассвет
И в мирное небо, и в солнечный свет!

*Михаил
Чудновский*

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ А. БЛОКА

«Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.
Бессмысленный и тусклый свет».
Тоска вселилась в человека,
Казалось бы, исхода нет.
Но в руки взял перо поэт,
Мир озарил огнём души —
И тает лёд житейских бед,
Мгновенья жизни хороши.
Не в том ли счастье человека,
Что могут повториться вновь
«Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.»,
Случайность встречи и любовь!

НАПУТСТВИЕ

Милене Борисовой

Твоя скрипка так нежно звучит,
Что её хочешь слушать и слушать.
Потайные ищи ключи,
Чтоб затем нам открыть наши души.

Пусть духовных высок красота
Поведёт тебя за собою,
А житейских сует суета
Обойдёт пускай стороною.

ВАЖНЫЙ ФАКТОР

Следил в меру своих возможностей за материалами СМИ, посвящёнными 70-летию Великой Победы, и обратил внимание на то, что в них явно недостаточно (на мой взгляд) рассказывалось о фронтовой дружбе воинов разных национальностей. А ведь она помогала им выстоять в сложной боевой обстановке.

Например, находившаяся на границе Брестская крепость вскоре после начала Великой Отечественной войны оказалась окружённой немецкими войсками. В ходе ожесточённых боёв сложилась интернациональная по составу группа руководителей обороны цитадели, длившейся почти месяц: капитан И. Н. Зубачёв, лейтенант А. М. Кижеватов — русские, политрук С. С, Скрыпник — украинец, полковой комиссар Е. М. Фомин — еврей, майор П. М. Гаврилов — татарин. В братском единении героически сражались под Брестом советские воины более чем 30 национальностей (см. М. И. Кравчук, М. Б. Погребинский «Проверенная войной», «Изд-во политической литературы», Москва, 1985 г., стр. 34).

И на других участках советско-германского фронта большинство воинских коллективов являлись многонациональными. Патриотический подъём охватил и многочисленные, и малочисленные народы огромной страны. В 1943 году неславянские народы

СССР дали артиллерийским училищам до 30% курсантов (там же, стр. 27).

Кстати, об артиллеристах. Больше всех танков в одном бою — восемь — подбил наводчик орудия 694-го противотанкового полка Ефим Дыскин — еврей, звание Героя Советского Союза ему присвоили посмертно, но он остался жив, окончил Военно-медицинскую академию и дослужился до звания генерал-майора (там же, стр. 44).

Всего же за особые отличия в боях звания Героя Советского Союза во время войны удостоены 8182 русских, 2072 украинца, 311 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов, 90 грузин, 90 армян, 69 узбеков, 61 мордвин, 44 чуваша, 43 азербайджанца, 39 башкир, а также представители многих других национальностей (см. «Великая Отечественная война» — 1941 — 1945, словарь-справочник, Политиздат, Москва, 1985 г.).

Во имя справедливости и счастья, во имя жизни своей и многих шли в бой воины Великого многонационального советского народа.

Вечная им память!

*Анна
Чудновская*

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

ЖИЗНЬ ТРУДНА...

Жизнь трудна... у крокодила.
И не каждому под силу:
Ты в реке сегодня пан,
Ну, а завтра — чемодан.
Люди! Бросьте эти штучки,
Ведь живой Крокоша лучше.
Пусть, не листья ест на ужин, —
Он природе тоже нужен.

МАРКИЗ ВАСЬКА

полусказка

коту Кеше и всем любителям кошек

Лиза болела уже две недели. Болезнь протекала очень тяжело. Был сильный жар, девочка бредила, кашляла, лишь изредка приходила в себя. Врач и медсестра навещали её каждый день. Врач осматривал Лизу, а медсестра ставила ей уколы. Врач вздыхал: «Надо бы девочку в больницу, но для ребёнка это будет дополнительный стресс». Мама сутками сидела у

Лизиной кровати, кормила её почти силком: сама Лиза кушать никогда не просила.

Однажды, придя в себя, Лиза вдруг заметила, как за маминой спиной под креслом вдруг мелькнула маленькая кошачья мордочка. Что это? — удивилась Лиза: ведь у них в доме до сих пор не было кошек. «Мамочка, принеси мне натёртого яблочка!» — попросила она нарочно, чтобы мама вышла из комнаты.

Мама очень обрадовалась — впервые Лиза попросила что-то поесть! Когда за нею закрылась дверь, девочка тихо позвала: «Кис-кис-кис!» котёнок выбрался из-под кресла и не спеша направился к Лизиной кровати. Пока он шёл, она хорошо его разглядела: беленький, с серыми пятнами на головке и спинке и с серо-чёрным крохотным хвостиком.

«Подвинься!» — сказал котёнок довольно бесцеремонно и вспрыгнул на кровать. «Ты разговариваешь?!» — удивилась Лиза. «А почему бы и нет? Ведь говорят же попугаи, а, скажу тебе по секрету — они гораздо глупее нас, котов».

«Никогда не слышала, чтобы кошки говорили», — всё ещё сомневалась Лиза. «Это потому, что им не о чем говорить со своими хозяевами. А вот у нас-то с тобой будет о чём побеседовать».

«Давай знакомиться, — предложила девочка. — Меня зовут Лиза, а тебя?»

Котёнок протянул ей крохотную лапку: «Вообще-то, это только собаки суют свои лапы, кто бы ни попросил. Мы, коты, храним достоинство, но для такого случая... — Лиза осторожно пожала протянутую лапку. — Зовут меня Маркиз, так мама назвала, но мне больше нравится — Васька». «Тогда я буду звать тебя Маркиз Васька», — засмеялась Лиза. Мама за

дверью напряглась: Лиза давно не смеялась таким здоровым смехом, и решила пока не входить в комнату дочери. «Откуда ты взялся?» — продолжала расспросы девочка. «Из этого, как его... — потёр котёнок свой крохотный лобик. — А, вспомнил: из «Фонда милосердия». Нас, самых способных, отбирают, чтобы лечить детей. Есть даже такая наука: кошкотерапия, а научное её название даже моя мама запомнить не может». «А где ты будешь жить?» — оглянулась вокруг Лиза. «А вон там, под креслом. Скажешь маме, чтобы постелила что-нибудь мягонькое. Да, вот ещё что, каждый день надо ставить мне блюдечко с тёплым молочком. Сама понимаешь... — и он выразительно потёр свой белый животик. — Конечно, не Букингемский дворец, но жить можно». «А что такое Букингемский дворец?» — полюбопытствовала Лиза. «О, это настоящий дворец, и живёт в нём настоящая королева. Английская. А зовут её так же, как тебя». «Королева Елизавета», — прошептала Лиза очарованно. «Ну, ладно, на сегодня хватит. Пора поспать», — и котёнок сладко зевнул во весь свой розовый ротик. В комнату вошла мама, и он быстро шмыгнул под кресло.

«Мамочка, у нас будет жить котёнок», — заявила Лиза тоном, не терпящим возражений. «Откуда он?» — удивилась мама, а про себя подумала: уж не бред ли это снова возвращается: живут они на четвёртом этаже, в окно котёнок влезть не мог, а так, никто не приносил.

«Это тайна», — сказала Лиза. А мама промолчала: больным нельзя возражать, это плохо сказывается на их здоровье.

«Сегодня уже поздно, а завтра утром принесёшь мне чашку тёплого молока, а блюдечко молока, тоже тёплого, — подчеркнула дочка, — поставишь под кресло. А ещё туда надо положить матрасик из кукольной кровати, а сверху постели мою старую пижамку. Она мягкая и красивая: розовая, с мишками и зайчиками».

«Всё сделаю», — пообещала мама. На следующий день, как всегда, пришли доктор и медсестра. Лиза спокойно спала. Врач осмотрел её и сказал: «А знаете, мамочка, похоже, наша девочка пошла на поправку. Выводы, конечно, делать ещё рано, но сегодня ей гораздо лучше, чем вчера». «Вот и не надо делать уколы», — сонно пробормотала Лиза. «Слышала? — повернулся доктор к медсестре. — Вот и выполняй». «С удовольствием, — отозвалась медсестра. — Сама не люблю делать детям уколы: жалко их».

Когда вышли из комнаты дочери, мама рассказала доктору о котёнке. «Ничего страшного, — успокоил её врач. — Это не бред, а, возможно, просто детская фантазия. Ведь девочка уже довольно долго не ходит в садик. Да и подружки к ней не могут прийти. Вот и выдумывает. Да хоть слон, лишь бы шло ребёнку на пользу». «Фантазии-то фантазии, но молочко из блюдечка куда-то исчезает», — подумала мама, но промолчала.

Теперь каждый вечер хитрая Лиза говорила: «Мамочка, ты так за день устала. Иди, отдохни, а я буду спать». Мама не возражала, по той же самой причине.

Как только за мамой закрывалась дверь, Лизонька тихо звала: «Кис-кис!» Котёнок укладывался

рядом с ней, неизменно вверх своим белым животиком, и начиналось. Маркиз Васька рассказывал чудесные сказки, таких даже лизина мама не знала. «Откуда ты знаешь столько волшебных сказок?» — любопытствовала Лиза. «От мамы. Она очень учёная кошка, всю жизнь прожила в библиотеке. Там была целая полка со сказками». «А как зовут твою маму?» «О, у неё очень редкое и красивое имя — Афина. Так звали греческую богиню. А кошка с таким именем, наверное, вообще единственная — моя мама. Обычно кошек называют Мурками да Муськами». «А папа?» — осторожно спросила Лиза, потому что жили они вдвоём с мамой. «А папу я не знаю. Он нас с мамой «бросил», — беспечно махнул лапкой котёнок. «Нас тоже», — вздохнула Лиза.

Врач приходил по-прежнему каждый день, но теперь уже без медсестры. И однажды он сказал: «Завтра Лизе можно будет встать с кровати и прогуляться, пока ещё только по квартире. Она уже совсем здорова».

«Ну, Лизонька, давай прощаться», — Маркиз Васька во второй раз изменил кошачьим традициям и протянул девочке свою лапку. У Лизы глаза наполнились слезами: «Не уходи», — попросила она. «Не могу, меня ждут другие больные дети. Надо и им помочь. А ты скоро пойдёшь в школу, у тебя будут новые друзья и новые заботы. Старайся не болеть, но если это всё-таки случится, всегда можешь рассчитывать на мою помощь».

На следующий день Лиза грустно сказала маме: «Котёнку больше не надо ставить молочко. Он ушёл к другим детям». «Но я всегда буду рядом с тобой, —

обняла мама Лизу. — А вдвоём нам не будет грустно и одиноко. Это я тебе обещаю».

Прошло много лет. Лиза выросла. У неё уже двое своих детей, но когда они заболевают, по-прежнему приходит Маркиз Васька. Конечно, не он сам, а его отдалённый потомок, но точь-в-точь на него похожий. И дети быстро и без осложнений выздоравливают. Для этого и старое кресло не выбрасывают: а вдруг новое Маркизу Ваське не понравится.

Вот такие они, наши кошки.

«ЕСТЬ ИЛИ НЕ ЕСТЬ. ВОТ В ЧЁМ ВОПРОС...»

(да простит меня В. Шекспир)

Этой осенью маленькая Лиза пошла в школу. В первый класс. Прошло совсем немного времени, а она уже научилась читать. Правда, пока по слогам. Но книжки она очень любит, особенно сказки. Вот и сейчас Лиза сидит в уютной кухоньке на маленьком диванчике с книжкой в руках. Тут же мама варит обед. В кастрюльке что-то булькает, и Лизонька придумывает, что это старая колдунья варит зелье для прекрасной русалочки из сказки Андерсена. А котлеты, которые шипят на сковороде — это рассерженные гуси-лебеди, которые унесли братца Иванушку. Рядом с Лизой сидит любимец семьи рыжий кот Васька. Он заглядывает в книжку своими алычовыми глазами с узкой чёрной прорезью и шевелит ушками.

«Смотри, мама, Васька всё понимает. А давай, я научу его читать!» — говорит фантазёрка Лиза. «Что ты, что ты! — в притворном ужасе всплескивает руками мама. — тогда он будет читать состав продуктов,

которыми мы его кормим, и совсем перестанет есть. Потому что они вредные. Он и так не ест ни варёную, ни копчёную колбасу, а сосиски — одни ест, а другие только нюхает. А вот мы с тобой всё это едим». «А бывают невредные продукты?» — не успокаивается Лиза. «Конечно, есть такие продукты», — мама всегда отвечает на вопросы дочки. «А почему мы их не едим?» «Потому что они очень дорогие, и позволить себе такую роскошь могут только очень богатые люди, например, английская королева». «А, знаю-знаю, которая живёт в Букингемском дворце!» — радуется своей осведомлённости Лиза.

«Есть ещё один путь, — честно признаётся мама. — Самим выращивать овощи и фрукты в саду и на огороде. Но нам с тобой одним это не под силу». «Вот, был бы с нами папа», — тихонько вздыхает девочка. Мама слышит, и про себя думает: «Да, мужчина в доме — не роскошь...» А вслух говорит: «Но ты не расстраивайся, дочка: так, как мы, питается большинство людей. А у нас с тобой, к тому же, наследственность хорошая. Что такое «наследственность», ты узнаешь позже в школе. А пока знай: твой дедушка прожил 95 лет, а бабушка — 89. Вот и мы с тобой будем жить...» «...Долго и счастливо, как в сказке», — весело перебивает Лиза и захлопывает книжку.

*Александра
Синеглазова*

ПРЕДАННОСТЬ

Как много прошло лет, но в памяти живёт и тоскует сердце о невозможности что-то изменить...

Моё детство прошло на окраине города Альметьевска в частном доме, который построил мой папа. Дом был деревянный из целых брёвен, деревянная баня, сараи для живности, небольшой гараж для мотоцикла, который папа лелеял, постоянно его чистил и очень этим гордился что его транспорт всегда начищенный и блестит...

Семья состояла из пяти человек — папа, мама я, брат и сестра...

Из живности были — два кабанчика, коза Зорька, куры, кошка и собака. Всё было по-деревенски — по утрам пели петухи, лаяла собака, блеяла коза, кудахтали куры...

Гордостью папы был сад, мы одними из первых в Альметьевске посадили сад в котором росли яблони разных сортов — одних ранеток было три сорта, смородина красная и чёрная, вишня, чёрная рябина, малина, клубника, огурцы, помидоры. Весной в саду заливался соловей, когда цвели яблони в голове у меня всегда звучала песня Евгения Мартынова — «Яблони в цвету». Папа

заказал три дубовых бочки, в которых мы квасили на зиму капусту, и свои овощи.

Папы рано не стало, мы, дети, разъехались, а мама осталась одна, никто в частном доме с нею жить не захотел. Нам больше нравились благоустроенные квартиры. Тогда она уехала в Крым в г. Керчь, дом продала, живность тоже, а нашего, ещё щенка, Тобика, которому не было и года... — подарила соседке. Прошло два года и мне надо было зайти к маминой соседке по делу... Ещё за метров сто от её дома я услышала радостный лай. Я приближалась, а лай становился всё громче и радостнее.

Когда я подошла к дому Маши, так звали соседку, ко мне с радостным лаем бросился огромный огненно-рыжий лохматый пёс положил на меня свои большущие лапы и начал лизать моё лицо и радость и счастье были в его глазах! Я долго не могла от него оторваться, только приговаривала; «Тобик, миленький! Какой же ты умница! Ты не забыл меня! Не забыл!»

Но мне нужно было идти к Маше и заниматься делом...

Когда я стала возвращаться, Тобик вновь бросился ко мне и начал ласкаться, лизать моё лицо и жалобно и тоскливо лаять, а в глазах стояла такая обречённая печаль, что у меня на глазах появились слёзы, но надо было возвращаться домой. И ещё долго я слышала его жалобный лай, который разрывал мне душу.

Это были восьмидесятые годы прошлого века. Как давно, как давно это было. Уже и Тобика, конечно, давно нет, а в моей памяти эта встреча живёт и навевает грусть от того, что всё проходит и радость и грусть и сама жизнь.

*Андрей
Синеглазов*
(1980 – 2003)

ИГРУШКА

(Плюшевый кот)

Был у меня преданный друг,
Синий, как в море вода.
Если меня разрывал недуг,
Рядом сидел всегда.
Если мне больно — криком кричал,
Если смеюсь — в раю.
Чтобы заснул я, мне по ночам
Песню мурлыкал свою.
Если обидят, к нему я бегу:
Всё расскажу — поймёт.
Ненависть, ложь, злобы, пургу —
Всё на себя возьмёт.
Кончик хвоста, лапки — белы.
Зелень кошачьих глаз.
Рядом в кровати детские сны
Он охранял не раз.
Был мне он другом, пуговкой нос.
Он мне как брат-близнец.
Только однажды подранный хвост
Грязный предрёк конец.

Раз, нагулявшись, пришел я домой,
Вижу, кота не видать.
Это на мусорку, что за горой,
Утром снесла его мать.
Долго просил я, чтоб не молчала,
Чтобы сказала, где он.
Вот, наконец, мать не сдержало —
Пулею вылетел вон.
Вот я несусь из всех сил, что есть мочи.
Стая собак бежит.
Вот и мой друг, разорванный в клочья,
В ранах кровавых лежит.
Ветер играет грязною ватой,
Что из груди торчит.
Серая туча рваной заплатой.
Умер мой друг. Молчит.
«Ну же, проснись! Глазки открой!» —
Мальчик кота зовёт.
Только уж слышит, как за горой
Ветер молитву поёт.
Поднял мальчишка голову вверх,
Ядом течёт слеза.
Глядь, изумрудом зелёных утех
Смотрят с небес глаза:
«Ты не печалься, ты не горюй.
Буду всю жизнь с тобой,
И на отца всей Земли Сабантуй
Ты прилетишь со мной».

*Вера
Коваль*

ГАРМОНЬ

Шура, как всегда, подоила корову, процедила молоко и занесла в комнату, где его ждала многочисленная семейка — мама, бабушка Катя и шестеро ребят — четверо братиков и две сестрички. Шура — самая старшая из детей, ей уже двадцать лет, а старшему братику — пятнадцать, но он в семье за отца, всю мужскую работу делает он. Когда папа уходил на фронт, он так и сказал: «Остаешься за меня, за мужика, во всём матери помогай и младшим ребятишкам». А бабушка Катя — это наша соседка. Она осталась совсем одна. На мужа и двух сыновей получила похоронки. Внуками не успела обзавестись. Мама в зиму забрала её к нам. Зачем ей топить дом всю зиму, да и с нами легче. Большой семьей легче выживать в трудное время.

Сегодня очередь настала их семье брать молоко. А вообще в деревне установили очередность на получение молока. Коровы всего три, а деревня большая. Остальных коров забрали кормить фронтовиков. Мы как-то проживем без молока и мяса, а солдат нужно кормить.

Молоко давали старым, больным и многодетным семьям. Цельного молока приходилось пить редко. Мама варила из него большую кастрюлю каши или супа. Разводила его водой, чтобы на всех хватило на целый день. Бабе Кате налили в кружку и сестренке Оле. Она еще маленькая — три годика всего. Родилась, когда уже началась война, без папы.

Шура быстро управилась по хозяйству, помыла всю посуду после вечера и села возле печи. На дворе давно уже темно, завывал ветер, нанося сугробы снега. Был декабрь 1944 года. Но, несмотря на холод, ей так хотелось пойти к подружке Муське. Давно не виделись. Как маме сказать? Все-таки решилась.

— Мама, можно я пойду к Муське? Работа вся сделана. Может, какие новости расскажет, как там дела на фронте. От папы долго нет писем. Сама говорила, что душа болит, всё думаешь о нем, — начала проситься жалобно Шура. Когда речь заходит об отце, она сразу становится добрее, слезу тихонько утрет, а так она у нас строгая.

— Ладно, Шура, сходи, может, и правда, что узнаешь, у них ведь радио есть. — Мало у кого в деревне «тарелки» были. Все завидовали им. Да и свет не в каждом доме был. Считали, что у кого свет и радио, те богатые люди, такие, как председатель, учительница и еще несколько семей. — Возьми мои валенки и варежки, а то замерзнешь. Нынче такой холод. Целый день снег сыпет.

Шура быстро оделась и вышла на улицу. Было светло от снега и холодно от мороза, но им не привыкать. Муся жила не так уж и далеко. Ей девятнадцать лет и вовсе она не Муся, а Мария. Это мы её так сокращенно называем. Живет она с мамой и двумя

сестричками. Отец на фронте. Шура быстро дошла, постучала в окно. Лампа горела на кухне. Дверь открыла сама Мусья, даже не спросив: «Кто там?». Чужих в этих местах давно не было, и притом зимой.

— Шурка, ты чего так поздно? Что случилось?

— Да ничего не случилось. Просто хотела тебя увидеть, да и девчат наших. Видимся редко.

Шура зашла в теплую комнату, разделась.

— Мусь, а Мусь, так хочется с девчатами собрататься, потанцевать, как до войны. Давай соберем девчат и что-нибудь придумаем. Поговорим, у кого можно собрататься. Может, кто разрешит у себя в доме.

— Шур, а может у деда Прокопа, — предложила Мусья, — он один живет, хата большая. Всю семью отправил к дочери в Ташкент, побоялся оставить дом и всё нажитое. Вот к нему и пойдем, только его надо уговорить, короче, задобрить.

— Ладно, это я беру на себя. Молодец, Мусья. Только вот музыки нету. Ну, что-нибудь придумаем. Утро вечера мудренее, — сказала Шура.

На этом и порешили.

На другой день, когда Шура сделала всю домашнюю работу, вспомнила, что ей надо идти к деду Прокопу в гости. А с чем идти — не знала.

— Ой, кажется, у бабы Кати я видела что-то в бутылке. Кажется, настойка какая-то, — сама себе шепотом проговорила Шура. Она тихонько пошарила в углу шкафа и нашла заветную бутылку. — Бабе скажу, что отнесла деду спину мазать. Думаю, ругаться не будет, зато мы потанцуем, — все раздумывала девушка.

Дед любил выпить. Шура сказала матери, что хочет сходить проведать деда Прокопа, как он там.

Одевшись и прихватив бутылку, она пошла в сторону его дома. Постучала в дверь сеней. Дед вышел, удивился и обрадовался одновременно приходу девушки.

— Чтой это ты так поздно? Дело какое есть или что случилось? — спросил дед.

— Дедушка, я в гости к тебе, узнать, как ты тут поживаешь, жив, здоров ли? Да вот и гостинец принесла, — и Шура вытащила из-за пазухи теплую бутылку с неизвестным напитком. Дед аж руки стал потирать, предвкушая радостное событие.

— А что это у тебя?

— Даже не знаю, у бабы Кати попросила для тебя, — соврала Шура. — Она делает какие-то настойки на травах и на самогоне. В общем, какая-то растирка что ли. В общем, не отравись, попробуй.

Дед тут же взял кружку, плеснул в неё маленько, понюхал, а затем выпил, даже крикнул, ставя кружку на стол.

— Хороша настоечка, крепкая. Дак зачем-то пришла, Шурка?

— Деда, да ты наливай да пей, я сейчас скажу.

Пока дед выпивал, Шурка осматривала комнату. Она была большой, но грязной. Дед не очень любил чистоту, да и не кому было её там наводить. Дедушка, захмелев, стал улыбаться. Шура не знала, с чего начать разговор.

— В общем, мы с девчатами придем поможем тебе убраться, чтоб было чисто, а ты нам разрешишь у тебя потанцевать. Место есть, да и тебе будет веселее, а то сидишь дома один. Ты любил в молодости танцевать? Наверное, любил. Рассказывали, что и гармошка у тебя есть. Деда, нам так хочется потанцевать. Разреши приходиться к тебе, ну хоть один раз в месяц. Мы тебе

будем всегда помогать, даже еды приносить. Ты только печку будешь хорошо топить, а то мы валенки скинем, чтоб ногам тепло было.

Дед сначала отказывался, а потом, хорошенько выпив, не смог устоять против уговоров Шурки.

— А как вы будете танцевать, музыки-то нету.

— А у нас Надька умеет губами музыку делать. У неё это так хорошо получается. А ты на ложках будешь ей помогать. Вот и оркестр уже будет. Мы попросим подружку, она не откажет.

— Ну что с вами делать? Эх, была не была, ладно, приходите.

Пока Шура уговаривала деда, она все время сверлила глазами комнату, где могла быть спрятана гармошка. «Наверное, в сундуке», — подумала Шура.

Она ушла от деда, облегченно вздохнув. Всё дело было сделано. Всё получилось! В воскресенье устроим танцы. По дороге домой она зашла к Муське, чтобы поделиться новостью, а та обошла бы девчат и сказала, что в воскресенье собираемся у деда Прокопа.

Наконец-то настало воскресенье. Когда повечеряли, Шура оделась, предупредив своих, что идет к деду Прокопу помочь прибраться, сама же пошла к Наде, чтобы вместе у деда навести порядок. Идя по улице, они увидели, как из трубы у деда валит густой дым — значит, печку топят — это хороший знак, значит, будут танцы. По дороге к дому деда встретили девчат. Постучали в дверь, но она не была запертой. «Значит, ждет», — догадались девушки.

Они зашли в дом, а там уже было чисто, наведен порядок. Вот так дед! Девочки только вымыли по-

суду, а в это время дед ушел в спальню и вышел оттуда в чистой рубашке. Ну, прям, как жених. Девчат шесть человек пришло, а он один, мужичонка. Годков вот только, пожалуй, за восемьдесят. Он заулыбался во весь свой беззубый рот, пригладил свой вихрастый чуб, как будто его сватать пришли.

— Надь, а Надь, ну начинай!

— Да я давно не играла, — сказала Надя.

— Ну, ты сможешь, вот увидишь!

И Надя начала сначала робко, а затем громче, уверенней. У нее получалось так: «Пр - прр, пр - пр - пррр...».

Это было смешно, но девчата еле сдерживали смех, боялись, что Надя может обидеться. Было похоже, как «барыня-барыня, барыня-барыня»

— Надя, ну что ты нам барыню играешь, давай что-нибудь веселенькое. Частушки какие-нибудь или Шульженко, — советовала Ольга.

Надя начала издавать звуки, похожие на «Омскую полечку». И это уже было что-то похожее на пляску. Дед принес ложки и начал ими выстукивать, да так озорно, как будто только вчера играл на них.

— Вот видите, без моих ложек у вас плохо выходит. Значит, и я вам пригодился.

— Девчата, а вы подпевайте, так лучше будет выходить, задорно! — скомандовала Шура.

— А давайте частушки петь по очереди, — предложила одна из девушек. — Помните, как раньше пели, когда войны еще не было. Мы же много их знаем. А то за годы войны забыли, как и петь надо.

Надя с дедом начали играть. Как на него было приятно смотреть. Он, кажется, даже помолодел, покраснелся, даже приплясывал, сидя на табуретке, хотел угодить молодым девушкам.

Первой начала Ольга, у неё голос звонкий:

*Ой, подружка моя Шура,
Подруженька верная,
Давай споём про наши думки,
Думки сокровенные.*

Дальше подхватили все девчата:

*Мы б хотели, чтоб наши
Города и сёла
Ещё б краше расцветали,
Не знали б горя.*

А припев вышел так весело и задорно:

*Правда, Шура?
Правда, Катя!
Наше слово золото.
Пусть звучат везде и всюду
Наши песни молодо!*

Девчата так расходились в пляске, что стали румяными, как пироги в печи. Дед не выдержал и тоже начал плясать. У него это так смешно получалось, что девчата не знали, что делать, то ли петь, то ли с деда смеяться.

— Деда, дай водички, а то Надька совсем, бедная, выдохлась, загорелась, хоть туши́, — попросила Оля.

Дед ушёл по́ воду, а Шурка тем временем приоткрыла сундук и рукой начала искать в нем гармошку. И вдруг рука надела на что-то твердое. У неё аж дыхание перехватило.

— Она, она, точно она! — думала Шура, что аж в висках застучало. И ей стало и совестно от того, что в чужом сундуке роется, и радостно, что нашла заветную гармонь, как самый дорогой клад. Но дело было сделано, и отступать было уже поздно. Девушка вытащила руку, прикрыла крышку сундука. Теперь перед Шурой стояла другая задача: как уговорить деда достать из сундука гармошку. Девчата попили водички, сели на лавку отдохнуть, после пляски. И Шура начала.

— Дедуля! А вот если бы была гармошка, ты бы разрешил приходить к тебе танцевать? Мы же знаем, что твой сын играл на гармошке. Ведь вся деревня знает. А где она? Он что, на фронт её с собой забрал? — девчата обступили деда. Он, бедный, не знал, что и говорить.

— Что вы от деда хотите? Мне восемьдесят годов минуло, а вы с такими расспросами. Негоже так. И гармони у меня нет.

— Деда, а в сундуке что там спрятано? Разве там не гармонь? — спросила бойкая Шура.

— А ты откуда знаешь? Что, мой сундук тебе рассказал? Нет там ничего, — раздраженно стал оправдываться дед Прокоп.

— Дедушка, мы бы Надьку попросили научиться играть. Она способная. Мы бы потанцевали под гармошку, и тебе было бы с нами веселей. В общем, мы знаем, что она в сундуке. А на гармошке надо играть, а то она испортится. Это правда. Что тебе скажет сын, когда вернется и она играть не будет? — не унималась Шура. Девчата закивали головами, подтверждая слова Шуры.

— Не дам! — вдруг взорвался дед. — Когда сын придет, что я ему скажу? Зачем давал и кому?

— Дедуля! Да он еще спасибо скажет, что гармонь сохранили, играли на ней. Она должна быть в работе, звучать, меха чтоб работали, — уверенно убеждала Надя старика.

Дед задумался, а девочки притихли.

«А вдруг правда то, что сказали девочки», — думал дед. Он не знал, что ему делать, как поступить. И гармонь жалко, и девочек. Подумав, спросил:

— Надька, а ты сможешь на ней играть? Ведь ты никогда не играла. Тут наука нужна — ноты называются. Я сыну вместе с гармоньей покупал. Он по ним учился. А ты как сможешь без них? Ноты пропали куда-то. Да они уже и не нужны были, когда он научился играть».

— Деда, Надька сможет. Она умная. Видел, как она на губах играла? — похвалила Оля.

— На губах — это другое дело, а то — гармонь.

— Да у Надьки такие пальцы и уши, что она всё сможет, — подхватила Шура.

— Да не уши у меня, а слух музыкальный, — обидчиво ответила Надя. — Такой слух не у каждого есть, как у меня, — гордо произнесла Надя. — Вот если бы не война, я бы в музыкальное училище пошла поступать, хотела на каком-то инструменте играть. Моя мечта не сбылась. Ну, хоть на вашей гармошке поучусь. Обещаю, что научусь играть, ну уж не так, как ваш сын, но не хуже. Честное слово.

Слова и обещание девушки вовсе растопили деда.

— Ладно, уговорили, — дед подошел к сундуку и дрожащей рукой открыл его. Девчата притихли. — Ну, Шурика, доставай, только осторожно.

— Деда, да всё будет хорошо, мы аккуратненько.

Шура достала гармонь так, как будто она была стеклянная. Вытащила из чехла и подала Наде.

— Ну, подруга, пробуй.

В комнате стало так тихо, казалось, что слышалось биение сердца каждого, только потрескивали дрова в печке, даже пламя от лампы замерло на месте.

Надя торжественно села, взяла гармонь в руки, надела ремень, как настоящий гармонист, и начала осторожно нажимать на кнопки и раздвигать меха. Все услышали первые звуки. Как это было волнительно и радостно! От волнения у Нади чуть сердце не выпрыгнуло из груди. Она сделалась красная, как роза. Все взгляды были устремлены на неё и гармошку. Она чувствовала себя такой гордой и счастливой.

— Ладно, на сегодня хватит, — смущенно сказала Надя.

— Да, да, хватит, — подхватил эстафету дед. У него сегодня и так стресс.

Девчата разошлись по домам, а дед Прокоп еще долго не мог заснуть. Всё думал, правильно ли он поступил, что разрешил играть на сыновней гармошке. И ему в эту ночь приснился сын, а это хороший знак. Дед вечером рассказал сон Наде, она подтвердила, что он одобрил его поступок.

Целую неделю Надя по вечерам приходила к деду учиться играть. Он хоть и не умел играть, а подсказывал, если у Нади что-то не так выходило. В общем, уроки не прошли даром, и через неделю девчата устроили настоящие танцы под гармонь.

А еще через неделю слух разнесся на всю деревню, что у деда в доме танцы. Разве можно было

спрятать музыку гармошки в исполнении Нади? Все хвалили подругу, радовались её таланту. Дед Прокоп остался доволен, что его дом ожил, что из его дома льется музыка, а Наде больше не надо было играть на губах, а деду на ложках.

А какое было счастье, что сын вернулся с фронта, ранен, но живой. Отец всё рассказал сыну честно, про девчат и про гармонь.

— Батя, а я ведь там слышал гармошку. Значит, это была моя гармонь, она меня звала домой. Спасибо ей.

ТОПОР ВОЙНЫ

Топор войны, что был зарыт,
Кто выкопал, друзья, на Украине?
Был долго путь к нему закрыт,
Он в сорок пятом был зарыт в Берлине.
Костры горят, и всё в дыму:
Сжигаете людей, не только души.
И зарево видать в Крыму.
И кто за всё ответит, кто потушит
Тот яростный огонь войны?
За что брат жутко убивает брата?
И ненависти вы полны...
Одумайтесь! Ведь к вам придёт расплата.
Была, есть правда высока.
История не может измениться,
Она писалась все века,
И только вы смогли в ней усомниться.
Вы кровью полили страну.
Что в ваших головах сейчас случилось?
Топор заройте, и войну
Гасите, чтоб судьба в ад не скатилась.

МОЛИТВА

Прошу, Господь, даруй здоровья,
Не раз ещё мне встретить Новый год,
И положи у изголовья
Сон светлый про мечтательный полёт.
 В молитве не ищу я слово —
 Оно само бьёт в сердце, как в набат.
 В тревоге этой я готова
 Спешить туда, где заживо горят.
Молюсь за Славянских детишек,
За всех детей Донбасса быю поклоны:
Не дай им, Боже больше слышать
Снарядов взрывы и родных погибших стоны.

* * *

«В родную гавань Крым вернулся» —
С трибуны Путин наш сказал.
На древке триколор взметнулся,
По праву Крым российским стал
 Мы помним подвиги святые.
 Вам не сломать священных уз.
 Была и есть — одна Россия,
 И не расторгнуть наш союз.
Нас обошли беда, печали,
И с нами есть и был Господь.
Крым на века к Руси причалил,
И русских вам не побороть.

*Александра
Фёдорова*

СКАЗКА О БАБЕ ЯГЕ — КОСТЯНОЙ НОГЕ И КОЩЕЕ БЕССМЕРТНОМ

В густом, тёмном, как душа человеческая, лесу, полном буреломов, не проходимых чащоб, жили — были Баба Яга-Костяная нога и Кощей Бессмертный. Так долго они жили-поживали, что давным-давно позабыли, откуда они взялись и кто их отцы-матери.

Баба Яга была так стара, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Горбата, нос крючком, из зубов один лишь остался, да и тот шатался. Одна отрада была у неё, это сказывать Кощею свои сказки. Но они были настолько длинны, что Кощей не выдерживал и засыпал. До сих пор ни одной сказки не запомнил до конца.

А Кощей был настолько худ, что рёбра его торчали во все стороны. Глаза навывкате, макушка голая без волос. Дерюжка рваная болталась на нём, как тряпка на ветке. А при этом ещё и сильно заикался. Слюной брызжет, ничего не понять, что сказать хочет. При всём при этом имел Кощей слабость, складывал стихи обо всём, что видел вокруг. И, конечно же, читал их Бабе Яге. А пока он, трудно выговаривая

слова, пытался продекламировать ей свои сочинения, у Бабы Яги не хватало терпения и она шлёпала чем попало по его лысой макушке и уходила, так и не дослушав. Вот так, дрались, царапались, но жили-доживали они в своём лесу. А поскольку других людей вокруг более не было, то и сравнивать им себя было не с кем.

Наконец, наступил период, когда сказки Бабой Ягой все были придуманы и рассказаны, стихи Кощеем сочинены и прочитаны. Почувствовал Кощей, что нет больше рифмы, стихи не складываются. И им стало скучно.

— А что, Коша, давай пойдём куда глаза глядят, может новое что узнаем или дерево с молодильными яблоками найдём, — сказала однажды Баба Яга.

На что ей ответил Кощей:

*Как я зол, одинок,
Не идёт еда мне впрок.
Мир пойду искать другой
С бабкой, старую Ягой!*

— О, вроде складно получилось, подпрыгнул он.
— Или рифма ко мне вернулась?

Но это были её остатки. На следующее утро они выступили в поход по дремучему лесу.

Шли, шли они, долго шли. Речки перепрыгивали, буераки, овражки обходили. Казалось, вся земля — это густой, сплошной лес. Притомились и присели отдохнуть под большим грибом Мухомором. А Мухомор этот тоже был очень стар, и многое знал, и про Кощю с Бабой Ягой наслышан. А поскольку он был ядовитый гриб и вредный, решил он подшутить над ними и вступил в беседу. Обрадовались Кощей Бессмертный и Баба Яга говорливому собеседнику и рассказали ему

о своих проблемах. Кощей пожаловался, что стихи не пишутся, рифма покинула его, и заикается сильно. А Баба Яга горевала, что ступа с метлой развалилась, приходится пешком ходить, и сказки не сказываются — не о чем.

Гриб Мухомор хитро усмехнулся, собрал все свои последние силы и говорит:

— Э, Баба Яга, твоя печаль и не печаль вовсе. Подожди чуток, появится ясный молодец — удалец, изладит тебе ступу, только пользоваться ты ею будешь иначе. И жизнь твоя пойдёт по-другому, и сказки будешь сказывать новые.

— А у тебя, Коша, дело потруднее будет, вряд ли ты сможешь его справиться.

Шея у Кощей ещё сильнее вытянулась, того и гляди из лопаток выскочит.

Мухомор продолжал:

— Надо тебе влюбиться в Бабу Ягу. Вот тогда к тебе вернётся твоя рифма, и стихи будут слагаться красивые, и заикаться навсегда забудешь. Ты должен сказать ей три слова, да так сказать, чтобы она заплакала. А слова эти не простые, волшебные. «Я люблю тебя!».

Больше ничего не успел сказать он и рассыпался. Из-под его шляпки разбежались споры во все стороны, новую жизнь начинать. Только кучка пыли осталась от Мухомора.

Сидят Кощей Бессмертный и Баба Яга, смотрят на эту кучку. У Кощей чуть глаза не вылезли из орбит, а у Бабы Яги последний зуб, что шатался, выпал от такой неожиданности. Пришли немного в себя. Баба Яга всё по сторонам смотрит, молодца ищет, а где его взять, на всей земле их с Кошеем только двое.

Стала к нему приглядываться, хорошие качества искать да жалеть.

— А что? Всё-таки мужичок! А что худ, так и откормить можно, — думала она, а сама всё ближе и ближе к нему подсаживается.

А Кощей, глаза выкатил и удивляется словам Мухомора, и пялится на Бабу Ягу.

— И что это есть у неё такого хорошего, чтобы я волшебные слова ей сказать должен? Вон и крива, и горбата, и зубов нет, и нога костяная. Несчастливая!

И так стало ему жалко Бабу Ягу, что чуть сам не заплакал. Волна нежности накрыла его с головой. Не заметил, как тоже придвинулся к ней, обнял её за плечи и сам, не ведая как, нежно прошептал:

— Ягуша, ягодка, не печалься, я с тобой. Я люблю тебя!

И так ей стало хорошо, и тоже так себя жалко, что не выдержала она и вдруг разрыдалась в первый раз за всю свою вековую жизнь. Слёзы фонтаном лились на лысую макушку Кощея, на грудь ему, окатив всего до самых ног.

И произошло чудо! Когда Баба Яга немного успокоилась и открыла глаза, она увидела, что её обнимает молодой, красивый юноша. А Кощей, придя в себя от такого волнения и волшебных слов, увидел в своих объятиях прелестную, молодую девушку. И снова им не с кем было сравнивать друг друга, насколько они хороши, ведь по — прежнему вокруг никого, кроме них, не было.

Теперь они стали жить иначе, в добре и согласии. И у них родились дети, а от них внуки, которые постепенно заселили всю землю. Появилось много новых, красивых сказок, которые вновь придумывала

им теперь уже молодая Баба Яга, они пересказывались из века в век новым поколениям.

А к Кощею вернулась его рифма, и он придумал много полезных, добрых стихов, которые читал своим детям и внукам. Они учились у отца и сочиняли свои стихи. А про заикание Кощей забыл начисто, будто и не было никогда.

Ай, да гриб Мухомор! Он и не подозревал, что его шутка может быть такой доброй и исполнится в точности.

Вот так, люди добрые! Теперь мы знаем наших сказочных прародителей. Живите мирно, согласно, растите в любви ваших детей, и жизнь покажется вам сказкой!

СКАЗ О ТОМ, КАК ТУЛЬСКИЙ МУЖИК ЦАРЮ-БАТЮШКЕ СЛУЖБУ СОСЛУЖИЛ

Поэту из г. Тулы Валерию Савостьянову.

Жил, да был в России царь,
Стороны той государь.
Был он весел. И нередко
Удивлял всех словом метким.
Как уж скажет, как пошлёт,
Где и дело то найдёт.
На Руси всегда так было,
Чтобы в жилах кровь не стыла.

А ещё там был Иван,
Крепкий, сильный великан.

Терем мог поднять рукой,
Вот герой у нас, какой.
Но сегодня, как на грех,
Курам всё пошло на смех.
Не заладилась пора,
Плакал дождик до утра.
То ли праздник, то ль суббота,
Так работать неохота.
Ни туды, брат, ни сюды...
Выпив полведра воды,
Наш расслабился Иван,
Привалился на диван.
Это, вам скажу, не шутки,
Спит Иван седьмые сутки!
Царь к нему бояр, дворян,
И богатых всех мирян...
Выпьют той воды стаканчик,
И — вповалку за диванчик.
Заграница вся на страже:
— Что тут русский царь нам скажет?
Защищать-то кто придёт?
Пусть на помощь нас зовёт!

Государь наш не простак!
Порешил он дело так:
Говорит, что мы с усами,
Это дело сладим сами!
Царский свой издал Указ:
«Самый сильный, кто у нас?
Деревенский наш Иван!
(Занял весь кровать-диван).
Правда, делу он вредит,
Ведь какие сутки спит.

Усыпил же пол страны,
А те люди нам нужны.
Но вот умным надо быть!
Где ж такого раздобыть?
Или нового родить,
Чтоб Ивана разбудить?
Кто решит проблему эту, —
Подарю ему карету!»

Слух бежит, летит по свету,
Обсуждая цены, смету...

Наш из Тулы мужичок,
Не с мизинец, с каблучок.
Ростом мал, но егозист.
На язык остёр, ершист....
На телегу взгромоздился,
С ним сюда же поместился
Знатный тульский самовар
И какой другой товар.
Этого, того немножко....
Сверху тульская гармошка.
И в кафтане самотканом
Едет встретиться с Иваном.
Хочет он воды напиться,
Да боится отравиться,
Ключевой везёт он жбан,
Но не той, что пил Иван.
Подъезжает. Вот картина.
Развалился. Спит, детина.
Храп уж слышен за версту,
В эту сторону и в ту.
Спят бояре и дворяне,

И купцы, и все миряне.
Крякнул тут мужик с досады,
Видно праздник делать надо.
Стол поставил. Самобранку,
Скатерть с тульской баранкой.
Пыхнул жаром самовар,
Из щелей клубится пар.
Бабы чашки расставляют,
Сарафаны надевают.
Ноги с лапотков в сапожки,
А мужик берёт гармошку.
И ударил по басам....
Что пошло здесь. Чудеса!
Тула, Тула, Тула я.
Тула — Родина моя!
И впрысядку, и в прысок,
С каблучка, да на носок.
Как запели бабы, девки
Наши русские припевки.

Глядь, и царь Руси подъехал.
Видит, тут идёт потеха.
Пляшут все, поют, не пьяны,
Нет вина, пусты стаканы.
Чаю наш мужик налил,
Государя удивил.
Чашку взял царь, глянул зорко:
— Как зовут тебя?
— Егорка.
Царь продолжил разговор:
— Ну, буди народ, Егор!
Растянув гармошку рьяно,
Подошёл Егор к дивану:

— Тула, Тула, Тула — я,
Тула — Родина моя!
Глаз Иван открыл, дивится:
— Что тут на Руси творится?
Чаепитие в разгаре?
Гармонист поёт в ударе:
— Тула, Тула, Тула — я,
Тула — Родина моя!
Все проснулись, удивились,
Царю в ноги повалились;
— Ты прости, отец родной!
Больше капли ни одной.
А гармошка у Егора
Так наяривает спору.
На ногах не устоять,
В пляс зовёт, шутить, гулять.
Даже царь ногою топнул,
И в ладони громко хлопнул.
И сказал тут царь: — Егор!
Кем ты был до этих пор?
Я дарю тебе карету,
А с каретой должность эту.
Будешь ты служить при мне
На московской стороне.
Среди всех заморских стран,
Самый сильный — кто? Иван!
От морей до синих гор
Самый умный — ты, Егор!
К месту баю, иль не к месту,
А ищи, Егор, невесту!
Свадьба здесь. Не обессудь.
Про гармошку не забудь!

Тут Егорка наш взмолился,
Государю поклонился:
— Царь, наш батюшка, прости!
Душу в Тулу отпусти.
Ждут меня жена и дочки,
Мама, тёща и сыночки.
Я один из них речист,
Весельчак и гармонист.
Как же им всем без меня.
Да и мне без них ни дня.
Ты прости, царь, до поры
Не нужны твои дары.
И как фокусник-карманник,
Тульский достаёт он пряник,
Из корзинки достаёт
И царю его даёт.
Тут вокруг народ поднялся.
За Егора постарался.
Стал наш царь ещё добрей:
— Десять, на тебе, рублей!
И поехал во дворец
На другой Москвы конец.

Поклонился всем Егорка,
И по ямам, по пригоркам
В Тулу мчался он к родне,
Прикупив на стороне
Всем подарки и конфетки,
Пусть порадуются детки.
Вот она уже видна,
Тулы милой сторона.
Вся родня его встречает,
Крепким чаем угощает.

Он гармонию свою берёт,
Громким голосом поёт:
— Тула, Тула, Тула — я.
Тула — Родина моя!
Я пила с ним чай несмело.
Но как быть, и я запела.
Ночью снилась мне карета,
Царь, Иван и сказка эта.
Но пришёл и ей конец,
Тот, кто слушал, молодец!

Скрепны духовные

Маруса Алексеева

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Драгоценный светильник небесный,
Ты у Бога любимейший сын.
И своею молитвой чудесной
Благодати для нас испроси.
 Вся душа твоя к небу летела,
 С ним была неразрывною нить.
 Ты прости грешной мне, что посмела
 О тебе, о святом говорить.
Благородством сияли по крови
Корни рода небесной красы.
И родился во граде Ростове
У Кирилла с Марией их сын.
 С первых дней, и ещё до рожденья,
 Был с постом и молитвой знаком.
 Стал в святом православном крещенье
 Богом избранным учеником.
Прежде чем быть великим примером
И вести за собою людей,
Закалял свою душу и веру,
В чаще жил среди диких зверей.
 Сохранял о его каждом шаге
 Память вечную небо и лес.
 На земле жил поистине ангел,
 Стать хотел гражданином небес.
Были лишние слава, литавры,
Не нужны ни хвала, ни почёт.

Мощный дух Свято-Троицей лавры
В его сердце начало берёт.
Своей святостью русские земли
Он помог воедино собрать,
Обойдя чтобы рифы и мели,
На Мамаю вести нашу рать.
Сила Божья с молитвой святого
В Куликовской победе большой
Помогли. Снял с России оковы
Князь Великий Димитрий Донской.
Идеал для славян — это святость.
Сергий учит его сохранять.
И большие, и каждую малость —
Все задачи сплотившись решать.
Мы сейчас и нежней, и капризней,
Но завет однозначен для нас —
Коль духовное вычеркнуть в жизни,
То мирское ослабнет тотчас.
Так давайте не будем лукавить,
Все дела совершать — для Отца.
Если мы крещены в Православии,
Надо веру держать до конца.

ПРОЩЁННОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Прощай — это значит прости,
В душе не держи обид.
Желаю удач в пути,
Судьба пусть тебя хранит.
Скажи, что не помнишь зла,
Гори, сколько хватит сил.
А жизнь у нас так мала,
Прости, ты весь мир прости.

Беда пронеслась вчера,
Сегодня с тобою друг.
И жар твоего костра
Согреет людей вокруг.
 Пусть счастье как мир старо,
 В пути к нему столько бед.
 Посеешь в судьбе добро,
 Получишь надежды свет.
Как вечер прощанья тих,
Слезами пройдут дожди.
Прощай — это значит прости,
Простил, лишь тогда уйди.

ИГУМЕНЬЯ

*Настоятельница монастыря
святого Георгия Победоносца
г. Керчь, Катерлез,
матушке Феодосии*

Тяжёлый крест даётся сильным,
Кто послушание прошёл
В монастырях святой России
И благодать сюда привёл.
 В монастыре жить очень сложно,
 Но если сердцем не гореть,
 Непостижимо, как же можно
 Всё охватить и всё успеть.
Постройка храма и каноны,
И в кельях бережный уют,
Тончайший бисер на иконах
Истоки в сердце том берут.

И жизнь наполнена до края,
Ведь всё на небе решено.
Игуменья, душа родная,
За Вас мы молимся давно.
 Пусть все решаются вопросы,
 Достойным будет каждый час.
 Георгий наш Победоносец
 Пусть молит Господа о Вас.
Зачем на службы мы торопимся?
Чтоб видеть искренних друзей,
Чтобы уйти от одиночества
Среди назойливых людей.
 Чтоб здесь любовью отогреться
 И слушать колокольный звон.
 Чтобы очистить своё сердце
 Вблизи намоленных икон.
Чтобы там быть, где мир возвышен
И где живут без суеты.
Чтоб «Херувимскую» услышать
И замереть от красоты.
 Чтобы понять — ты не отвержен,
 И окунуться в благодать,
 И укрепить духовный стержень,
 Чтобы на небе побывать.
И пусть Господь нам всем поможет,
Пусть верных будет большинство.
Бог с теми, кто живёт по-Божьи
И Заповеди чтит Его.

Алексей Вдовенко

К 100-ЛЕТИЮ

КЕРЧЕНСКОЙ УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

Как бы грешен ни был человек –
Божья Вера не знает забвенья.
Оттого и в Керчи целый век
Возвышается Церковь Успенья.

В дни торжеств и народных невзгод
Она к Господу Богу взывает.
Любит Бог православный народ
И грехи наши все нам прощает.
сентябрь 2006 г.

Фаина Дерий

* * *

Ты не таи обиды, брат мой.
Не от меня причина шла.
Наполнив сердце только правдой,
Тебе любовь я принесла.

Из поколения в поколение
Зачем вражду переносить?
Пусть в нас будет вдохновенье
Учит детей, как всё любить.

И твой Аллах, и мой Мессия,
Что дали Путь, — один Исток.
Чтоб от Востока до России
Понять один другого мог.

А на земле, на радость людям,
Сады весенние цвели,
Идти мы к Высшей цели будем,
Храня любовь и мир земли.

* * *

Немало пронеслось холодных зим,
Но дух России всё ж несокрушим.
И верит, верит русская душа —
Россия-мать той правдой хороша,
С которой и живёт из века в век.
Несёт ту правду в сердце Человек.
Звенят опять церковей колокола —
Знать, Бога не забыла, сберегла.
А Он всю жизнь с народом вместе шёл,
И к сердцу путь с рождения нашёл.
Так пусть раскроются людей сердца,
И вновь проявится рука Творца.
И о России вновь заговорят,
И на века Великой утвердят.

Анна Зинькова

*Ученица воскресной детской школы
храма св. ап. Андрея Первозванного
13 лет.*

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОБ АНГЕЛЕ ХРАНИТЕЛЕ

Все ветераны и дети войны рассказывают о том, как они воевали и жили во время Великой Отечественной войны. Мой дедушка Алексей Александрович Зиньков тоже очень много рассказывал о войне, но, к сожалению, некоторые истории стёрлись из памяти, а переспросить дедушку уже невозможно, он умер.

Всю тяжесть военных лет пережил он в детстве. Ему было всего девять, когда прозвучали первые выстрелы. Дедушка рассказывал мне часто историю о том, как их поймали немцы. Это было летом 1943 года, когда дедушке было уже 11 лет. В большом парке, где расположен сейчас наш храм св. ап. Андрея Первозванного, был во время войны абрикосовый сад. Дедушка со своим другом Костей пошли в этот сад за абрикосами.

В саду стояла немецкая дальнобойная батарея, которая обстреливала через пролив советские войска в Тамани. Территория сада была обнесена колючей проволокой и охранялась часовыми. Ребята пробрались в сад, набрали абрикос и собрались идти обратно, но тут дедушка увидел, что к ним бегут три немца: два автоматчика и офицер. Офицер, подбегая, начал расстёгивать кобуру и доставать пистолет. Дети находились на территории военного объекта, и немцы, не разбираясь, могли их расстрелять. Но, как ребё-

нок, не понимая серьёзности ситуации, дедушка подумал, что их будут ругать за сорванные абрикосы. Он выдернул рубашку из штанов, и все абрикосы выпали на землю. Но немцы продолжали бежать к ним. Стало очень страшно, но вдруг, неизвестно откуда, дедушка отчётливо услышал спокойный мужской голос: «Перекрестись!»

Он поднял руку и перекрестился. Увидев Крестное Знамение, немцы сразу остановились. Офицер спрятал пистолет, застегнул кобуру и подозвал дедушку. Он внимательно посмотрел на детей и спросил, указывая на Костю: «Юде?» Мальчик был черноволосый, и немец подумал, что он еврей. Дедушка ответил: «Нет, нет, он — грек!» Офицер ударил мальчика, у него упала фуражка. Офицер приказал поднять её, а когда тот нагнулся, немец пнул его ногой.

Немцы сильно избили мальчиков и выбросили их за колючую проволоку. Когда ребята немного пришли в себя, то с трудом добрались домой.

Что же это был за голос? Кому он принадлежал? Рядом не было никого, кто мог бы заставить дедушку перекреститься!!! И дедушка всегда говорил нам: «Наверное, это был мой Ангел Хранитель, который спас нам жизнь».

А через много лет, на том месте, где всё это произошло, был воздвигнут красивый большой храм с золотыми куполами — храм св. ап. Андрея Первозванного. И служит там дедушкин сын, моя папа — протоиерей Николай Зиньков. Вот так Господь всё управил. Пути Господни воистину неисповедимы!

Елена Лапченко

В ЦЕРКВИ

Сумерки, свечи, строгие лики.
В золоте Храма тусклые блики.
Мыслю себя в тишине послушать,
По камертону настроить душу.
По камертону молитвы вечной —
Искренне, светло, чистосердечно.
Буду я тихо и молча внимать,
И, для начала, себя понимать.
Чтоб из глубинной сакральной тиши
Мне в громыхающий мир не спешить.
Сердце и разум, дух и душа —
Всё воедино слилось, не дыша...
Трепетно в мир сокровенный войти
Господи, мне помоги. И прости!

МОЛИТВА

Рассказ этот передается в нашей семье из уст в уста более полувека. Мою прабабушку звали Анастасия Павловна, родилась она в последнем году девятнадцатого века.

Была она человеком искренней и глубокой веры. Дома сохранились Библия и старинная Псалтирь. Когда разразилась война, все думали, что это ненадолго, однако прабабушка сказала:

— Грешили долго и тяжело, воздастся нам по нашим грехам.

Военкомат осаждали толпы мужчин и женщин. Все хотели попасть на фронт и поскорее выгнать врага за пределы нашей Родины.

С первым призывом шел на войну двадцатипятилетний сосед Саша. Он был комсомольцем и коммунистом. Обычно в разговоре с соседями он спорил до хрипоты, доказывая, что Бога нет и молитвы — не что иное как пережиток прошлого. Однако на этот раз он молча стоял перед Анастасией Павловной и опустив глаза просил ее:

— Вы женщина верующая, знаете много спасительных святых молитв, дайте и мне с собой охранительную молитву и благословите на защиту Отечества так, как благословили бы родного сына.

— Я атеистов и безбожников не благословляю, — ответила прабабушка, помня недавнюю Сашину коммунистическую пропаганду.

— Иди в свою семью, прощайся с женой и дочерью. Больше нам не о чем говорить.

Рядом на соседнем крыльчке плакали, обнявшись молодая красавица Груня и пятилетняя малышка Раечка. Солдат глянул на них исподлобья, смахнул неожиданно накотившуюся слезу и сказал:

— Тетя Настя, я очень жить хочу, а больше всего на свете хочу к ним вернуться, он кивнул в сторону семьи.

— Прошу вас, дайте молитву, отчаянно прошептал Саша.

Анастасия Павловна молча вынесла заранее переписанный для Саши Псалом 90, перекрестила, поцеловала, пожелала Ангела Хранителя в дорогу. Вернулась в дом к святым образам, зажгла свечу, и долго еще молилась, упавши на колени перед иконами за победу над врагами и за здоровье воина Александра...

Случилось так, что в первом же бою попал Александр с другими бойцами в окружение.

Укрыться негде, поле. Кругом невысокая трава, колосья пшеницы. Упали солдаты, лежат не шелохнувшись, а рядом на мотоциклах, подняв пыль летит передовая немецкая дивизия. Фашисты простреливают трасирующими очередями редкий кустарник. Завеса густой пыли закрывает горстку уцелевших наших бойцов. Несколько часов передвигалась вражеская авто-мото-колонна. А когда утихли звуки машин, не все бойцы поднялись с земли. Кто-то был ранен, кто-то и вовсе убит. Немцы патронов не жалели, поливая огнем, степь вдоль и поперек, понимая, что именно здесь могли укрыться остатки отступающей Советской Армии.

Саша поднялся, отряхнул пыль, шинель была прострелена, прострелена была даже пилотка, в клочья изорван вещмешок. Цел и невредим был только он, Александр. Ни ранения, ни даже пустяковой царапины... Только, что то жгло грудь, он полез в карман, достал склеившиеся от пота листки молитвы. Прочитал: «Живый в помощи вышнего...» — и впервые в жизни перекрестился. Понял кому он обязан своим чудесным спасением.

Так прошел солдат Александр Давидович Бойко всю Великую Отечественную войну, ни на секунду не расставаясь с чудодейственной молитвой.

А прабабушка моя Анастасия Павловна просила у Бога заступления и помощи для бывшего атеиста, воина Александра... Давно уже нет в живых прабабушки, недавно умер и похоронен на городском кладбище Александр Давидович Бойко. Но святая молитва жива, будет жить вечно и спасет еще немало людей.

Татьяна Левченко

СВЯТАЯ РУСЬ

Ещё Перун зловещим смехом
Гремел, крушил и нищил кровы,
А по Руси бродило эхо
Святой религии Христовой.
 Бродило, отзываясь в душах,
 И выросло в Глас могучий.
 И, рать Перунову порушив,
 Над Русью разогнало тучи,
Пути проторя Свету Веры,
Любви, Надежды, Состраданья,
Где нет разлуки и потери, —
Есть только Встречи ожиданье.
 И с этой верою Христовой,
 Невзгоды, беды отметая,
 Как мира верная основа,
 Стоит над миром Русь Святая.

В МОЛИТВЕ

Я к Господу молитву возносила:
Великое словами сотворяла.
Я ничего у Бога не просила,
Лишь только Его Имя повторяла.
Но Имя обретало мощь и силу,
И Светом озаряло исходящим,
Несло Любви огонь неугасимый
И поднимало дух над преходящим.
И сердце, принимая пламя это —
Любви и Веры — наполнялось ими
И устремлялось ввысь, навстречу Свету!
Молилась я. Я повторяла Имя.

* * *

Когда в Тебе, отражаясь эхом,
Для человеков рождались его,
Приготовляя их к жизни тленной,
Что ощущал Ты, Творец Вселенной?
Твои ведь, Боже, они созданы.
Что ощущал Ты? — Любовь? Странанье?
Лишь только это узнать позволю:
Что ощущал Ты?
— Любовь и боль.

Когда, в себе искажая эхо,
Землёй бродили больные его
Из поколения в поколенья,
Что ощущал Ты, Творец Вселенной?
Твои ведь, Боже, они созданы.
Что ощущал Ты? — Любовь? Странанье?
Одно лишь это узнать позволю:
Что ощущал Ты?
— Любовь. И боль.

Когда они, на стезях сомненья,
Подвергли Имя Твоё гоненьям,
А Ты, гонимый, прощал их вновь,
Что ощущал Ты?
— Боль и Любовь.

О, всепрощенье Любви Господней!
Земля — подобье уж преисподней,
Гроша не стоит людская кровь...
Что ощущаешь?!
— Боль. И Любовь.

ПУТЬ ВЕРЫ

Живёшь, от Господа далёк
Ты, в праздной суетности света.
Но в сердце веры огонёк
Не гаснет, требуя ответа.

И в миг какой-то грянет тишь,
И в единенье совершенном
Ты Веры Истину узришь,
Коль ты способен к размышленьям.

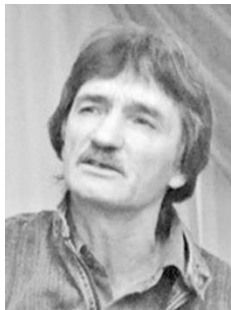
И начинаешь к ней идти,
В пути сметая все помехи.
На обусловленном Пути
Необусловленные вехи —

Что есть они, как не искус,
Не испытанье Веры силы?
Одна есть веха — Иисус.
Он — Путь и Свет неугасимый.

Твоим итогам всем Итог,
Ответ для всех твоих молений:
Сын Божий, Дух Святой и Бог —
Он — Цель высоких устремлений.

Поэзия бардов

*Виктор
Мамулат*

РОМАНТИЧЕСКАЯ

Я — редкий прохожий,
И в день непогожий
Не дома сижу.
Мне дома, как всегда, мало дома.
За скрывшимся летом,
За солнечным светом
Куда-то бреду,
Бреду переулком знакомым.

Привет:

А мне надо туда,
Где в закате кончается день,
Мне надо туда, куда долго летят самолёты,
Туда, где до срока укрылась и спряталась тень.
А вдруг повезёт, быть может, туда добреду.
Уверенно знаю,
Что многое знаю —
Давно ведь живу.
Но всё же — всё старо и всё то же.

Сбиваю пороги,
А манят дороги,
И вот потому
Снова куда-то, зачем-то несут меня ноги.

Прпев:

А мне надо туда, куда ветер надул паруса.
Мне надо туда, где мечты не подвластны законам,
Где горы снегами укрыли свои яруса.
А вдруг повезёт, может быть, я туда доберусь.

Но снова по кругу,
Как белка по кругу,
Гоняю года.
А вдруг, за ближайшим углом
есть излом и кривая.

Увижу, услышу —
Снесёт ветром крышу,
И, может, тогда
Я время своё пожалею, к мечте улетаю.

Прпев:

И тогда я увижу, как с солнцем прощается день.
И, может, узнаю, куда долго летят самолёты.
И, может, найду это место, где прячется тень.
Всё может случиться,
Если только я круг
разорву.

ГЛЮК

Где-то в сплетении лет
Время затёрло твой след
Навсегда.
Но память стучится в окно —
Глюк, будто в страшном кино —

Вот беда.
Так и бегут день за днём,
И наплевать, что потом.
А сейчас
Жизнь, где-то сложит стихи,
Будет петь песни свои
Не для нас.

Припев:

Не для нас
Роса на травах у реки.
Не для нас
Затянут трели соловьи.
Звездапад на небосводе
Тоже не для нас.
Всё, что было, есть и будет —
Не для нас.

Как много значат слова,
Что развели навсегда
Ветхий мост.
И пусть будет даже облом,
Но я к тебе напролом,
В полный рост,
Даже в метели дойду,
Довод весомый найду
В тот же час,
Чтобы в единое слить
То, без чего трудно жить, —
В мир для нас.

Припев:

Лишь для нас
Трава на травах у реки.
Лишь для нас
Затянут трели соловьи.

Звездопад на небосводе
Тоже лишь для нас.
Всё, что было, есть и будет —
Всё для нас.
Где-то в сплетении лет
Время затёрло твой след
Навсегда,
Но память стучится в окно,
Глюк, будто в страшном кино, —
Вот беда...

ПРОРОЧЕСКАЯ

*октябрь 2011 г.
украинскому политику*

Я ещё кувыркаюсь
На любимой планете Земля,
И от дерьма задыхаюсь —
Это всё, что есть у меня.
Раб зловонной системы,
Участь быдла покорно влачу.
Но иметь с законом проблемы,
До поры, не хочу.

В тело впиваются лямки —
Жертвы требует ложная новь.
Выживаньем очерчены рамки,
Стынет в жилах бурлящая кровь.
Чуждых взглядов насилье
Раздирает меня на куски.
Воет волком душа от бессилья
И тоски.

Привет:

Со стенаньем и болью
Я всё чаще смотрю на восток.
А вдруг оттуда, с новой волною,
И мне достанется свежий глоток.
Как дитя, верю в чудо —
Вдруг мои небеса снизойдут.
Но всесильный Иуда тут как тут!
 По призыванию Каин,
 Он проктолог, уролог и лор,
 Весь в плевках из рабочих окраин
 И продавший свой зад за бугор.
 Полуклоун, полупатриций,
 На арене несчастной страны
 И в рамках безумных амбиций
 Видел перст Сатаны.

Привет:

Ложь и хамство быкуют,
Превращая мораль в беспредел,
Но толпе рапортует
О свершении сказочных дел.
Хищной пастью акулы
Рвёт от общего пирога,
Неужель эти алчные скулы
Навсегда?
 С упованием на Бога,
 Он орёт о вселенской любви,
 Но идёт по дороге,
 От которой все руки в крови.
 Боже, дай ты мне силы
 Это всё перенести,
 Чтоб ещё до могилы
 Мне покой обрести!
Я ещё кувыркаюсь
На любимой планете Земля...

Ольга

Шапран

37-й

Случалось такое, увы, не однажды...
Сгущаются тучи над всеми и каждым,
И пишется жизни печальная повесть,
И время людей проверяет на совесть,
Черты проявляя под тяжестью прессы,
Когда, соблюдая свои интересы,
Ведёт непрерывно допросы с пристрастьем
Шестой элемент, обладающий властью.

СИНИЙ НОВЫЙ ГОД

Ветер кружит по площади.
И улетают, как небыль,
Синие-синие лошади
В синее-синее небо.

Что-то, увы, забудем мы,
Что-то, увы, мы запомним
И на январский порог зимы
Ступим, всего не исполнив.

Робкие и красивые,
Падают хлопьями снега
Овцы пушистые синие
С синего-синего неба.

Сколько писать отмеряно
На белоснежных страницах?
Что ж ты кружишь так растерянно,
Синяя-синяя птица?

ПЯТЬ СОРТОВ ВАРЕНЬЯ

Я стояла у плиты, запасясь терпением.
И не жалко было мне времени и сил.
И теперь в запасе есть пять сортов варенья:
Вишня, груша, виноград, слива и кизил.

Говорил сердито дед, что полна кладовка,
Вспоминал, как год назад было хорошо.
Я варенья пять сортов закатала ловко,
Чтобы ты ко мне на чай вечером пришёл.

Если грустно станет вдруг, вспомни приглашение.
Где-то ждут тебя на чай, стоит ли грустить?
Я по блюдам разложу пять сортов варенья,
Чтобы жизнь тебе чуть-чуть, милый, подсластить!

ЮЖНЫЙ ВЕТЕР

Далеко души отрада,
Близко осени печаль.
Вновь тебя со мною рядом
Нет сегодня, как ни жаль.

Припев.
Ветер тёплый и беспечный,
Донеси привет мой, другом будь!
Много дней еще до встречи
Да к милому неблизок путь.

День осенний, тих и светел,
Дарит кружевную тень.
Порознь мы с тобою встретим
Твоего рожденья день.
Припев.

Листьев пёстрые салюты
Будет осень нам дарить,
И всего на две минуты
Свяжет телефона нить.
Припев.

* * *

Еду персики есть,
На песке загорать,
В воду моря залезть,
В холодке отдыхать,
Солнце чтоб провожать,
Полной грудью дышать,
Зверобой собирать,

В небе чаек считать,
Рисовать на песке,
Есть печёнки в ухе,
Слушать песни сверчка
И играть в «дурачка»,
Кур пшеницей кормить,
На рыбалку ходить
И в вечерней тиши
Песни петь для души!

* * *

Ласковый, ленивый кот
У меня в Керчи живёт.
Чистит на диване лапы
И сопит во сне, как папа.
Ночью под моим окном
Кот орёт с другим котом.
Их концерты под луною
Не дают Дружку покоя.
Он на них сердито лает
И обычно разгоняет.
Летом в гости тебя ждём,
 Познакомишься с котом.
Есть мы будем абрикосы
 И смотреть на альбатросов,
Рыбу удочкой ловить,
 По степи вдвоём бродить.
Если хочешь, приезжай,
 Ждёт тебя степной мой край!

*Василий
Нестеренко*

ЗВЕНИТ В ТУМАНЕ КРЫМСКАЯ СТРУНА

Звенит в тумане крымская струна,
Московский смог пронизывая криком:
— Эй, православные! — вся ваша сторона —
Лишь продолжение землицы крымской!

От храма Херсонесского до Холмска,
Норильска и Калининграда —
Прошла любовь Христа по новороссам,
По нуворишам и по конокрадам.

России с Крымом век не обветшать,
Где русский дух за веру шёл на плаху.
Где каждый, в ком не сломлена душа,
Услышал звон струны и одурь пахот.

Звени в тумане крымская струна,
Чтоб в резонанс колокола задрожали!
Пусть в правом деле славная страна
На щит поднимет старые скрижали.

НЕ УБИВАЙТЕ ЖУРНАЛИСТОВ

Не убивайте журналистов.
Не плюйте в зеркало своё.
Захочет завтра застрелиться,
Кто в отражение плюёт.
 Не убивайте себя сами,
 Не то захочется другим
 Сказать: «На Западе славяне...
 С поправкой Вэника — враги».

Поправка та у правосека,
У друга, что был дорог мне.
Он в Киеве. Звезда. Парсеки.
Живёт в заоблачной стране.
 Он Путина назвал ПутИнлер,
 Пока я Русь встречал в Керчи.
 Друг, да нам просто подфартило!
 А журналист лишь сообщил,
Как было. Он убит за правду.
Ты разве этого хотел?
Чтоб трансплантолог почки прятал,
Творя за кадром беспредел?..
 В Европе спрос на эти вещи.
 Жизнь вечную стремясь купить,
 Для бородатых геев-женщин
 Жизненно важен наш конфликт.

«Мать городов», да застрелись ты,
Лишь в отражение взглянув.
Сожжённые сепаратисты
Расскажут, с кем ведёшь войну.
 У них не выиграть сражение.
 Ты памперсы себе купи.
 И поражение, поражение —
 Не застрелился? — так стерпи.

Не убивайте журналистов.
Не плюйте в зеркало своё.
Захочет завтра застрелиться,
Кто в отражения плюёт.

ИДУТ СЛАВЯНЕ НА СЛАВЯНСК

Встают славяне за Славянск:
Славянск славяне защищают.
Славянск славяне зачищают:
Идут славяне на Славянск.
 Сегодня небо триколором
 Перевернуло флаги ниц.
 У тех, кто смог славян поссорить —
 Злорадству не было границ.
Сегодня демон демократий
(Не демократ же демиург!)
Одной из проигравших партий
Подкинул доллар, щит и прут,
 Чтоб небеса перевернулись,
 И брат на брата шёл войной,
 Платя за собственную глупость
 Братоубийственной ценой.
Чтоб тот, кто поставлял им прутья,
Мир отпуская с тормозов,
От прибыли не поперхнулся,
Кретинов шля творити зло.
 И брату брат уже не брат.
 Не защищая — зачищая —
 На бэтээре демократ
 Исполнит «фас!», под окрик — Fire!
Проклятья матерей услышать
Успеет выродок не зря:
Национальные меньшинства
Голосовали за царя.

Их крики поднимались выше
В отчаявшемся естестве:
Национальные меньшинства
На Украине в большинстве.
...Царь утром облачком прикольно
Протрёт небесное стекло:
Кто-то забанил и затроллил
Вчера российский триколор.

6.05.2014

ТЫ ПОДАРИЛА МНЕ ТЕНЬ

Ты подарила мне тень и выдохлась.
Я оживлял тебя с каждым выдохом.
Телу апгрейд, пузырьки в вине...
Чтоб активировалась на мне!
Музы-узы. Не будь медузой.
Преданность не реставрируется.
В рог изобилия с гор гроздь орда.
Медведей гризли изгрыз восторг,
Где вор на воре, кошачий ор
И норка пигалицы.
Рыбки корки с утра съели тигры.
Пока в облаках тёрли титры в изданиях
Фирм «ОГО»
Шишкин шашлык приготовил легко,
Где в Керчи Боспор, а в Киеве Огр.
Формат Бога — вздор, дорого.
У мэра Нарнии в тюрьме мокро,
А в Африке мор.
Бог на обидчивом, чтобы стал добр,
Возит взрывчатку, тюрьму и топор.
Сонеты, стансы, Шекспир и Армстронг
Строгал не сдался. Звучал как мастер.

Зажат во флешке король и пешка
На краболове, где головы с клешнями,
А горла нет и взгляд просто бешеный.

К нему спецслужбы шнырей приставили,
Два зэка учили понятиям-правилам;
Опасались не метит ли в мэры,
Или там в президенты Крimea.
Тупому — помпа, а мне — налево.
Чёрный глаз интерпола — как лэйбла:
То тир в пустыне, то в джунглях Эбола.

Где скифское золото, парни?
В Донецке барды на поле брани
Вместо пушек запарились.
Уж лучше тихо, чем лихо.
Но
Подранки войны, не сдавайтесь.
А на римейке из Мекки детвору топят Каины.
И манны как всегда мало.

Вот апофеоз для офиса:
У бабы Фроси с молоком лимит.
На колючей проволоке в Европе повис пацан.
А у чёрных королей под музыку космоса
Окончен военный саммит. Мир псам.

В войне религий победит не Бог, а бандит
(Пока Создатель атеизм не всосал).

Всё хотели закрыть — со свободой поздравили.
Сотрите профайл, где я клялся и каялся.
Иссякла клей-паста, не лепятся кластеры.

Не лей в портрет нефть, Вася,
Как старый корабль на обкатанном траверзе.
Фурии оштрафуют.
И пойдёшь под снос ночью
Как дом на обочине. А вот и цветочки.

Эй, служитель искусства!
Хоть пластырь под глазом и на пол рожи —
Чёрная метка Весёлого Роджера,
Не надо о грустном: найдётся в капусте,
Всё, что положено густо.

Ведь дел у поэта — слегка не допето.
Всё от безделья.
И этот тетеря запахан, затерян во времени.
Но как застрекочет — так всё будет кончено.
Лучше бы в куцах гадил в цветочки.
Чёрт или ангел — ты — чей?

Сын Дуси и Миши, брат Оли.
Любовь — лишь одна из вещей.
Где больно — рецепт запаролен; —
Спасает ожог от свечей.

Апокалиптический гопник,
К чему истерический соплинг
Когда под ногами ковчег?

Вот воткну в землю веточку,
Вот пришлю с неба весточку.
— Хм. Лучше чек.

Валентина

Смашная

* * *

Дмитриевой Н.Ф.

Звенит звонок:
Всем на урок!
Входите в класс,
Начну сейчас
Я свой рассказ...

О том, что в жизни пригодится
И как полезно всем учиться
Ошибки ваши укажу,
Ответ вам верный подскажу
И по тропе из класса в класс
К большой и светлой дороге жизни,
К дороге жизни выведу я вас
Идет, идет
За годом год...
Из класса в класс
Вела я вас
И вот сейчас

Совсем уж взрослыми вы стали,
По росту мам и пап догнали,
Узнали, как писать слова
И сколько будет дважды два...
Вы в жизнь спешите без оглядки —

Скорей из школы, забыть про книжки,
Забыть про книжки и порвать тетрадки...

Мой друг, прощай!

Не забывай —

Ты вышел в жизнь,

Теперь держись,

Не ошибись!

Ведь жизнь ошибок не прощает,
Порой жестокою бывает,
Но как бы ни был труден путь
Не смей на легкий путь свернуть
И сколько шишек ни набьешь,
Мой друг, запомни, что жизнь сначала,
Ты жизнь сначала больше не начнешь...

Звенит звонок

Всем на урок...

Из класса в класс

Вела я вас...

Мой друг, прощай...

НОСТАЛЬГИЯ О ЛЕТЕ

Грустная осень плачет о лете

Проливным дождем

Серое небо в тучах без просвета...

Едва простившись, снова мы лето

С нетерпением ждем.

Где же ты, где ты, яркое лето,

Где ты?

К югу пунктиром тянутся стаи

Перелетных птиц,

Крик их печальный тает без ответа...

Лишь полыхают в небе пожары

Утренних зарниц
Напоминая жаркое лето,
Лето...

Плавно снижаясь, в небе кружится
Листьев хоровод...
Мокрый асфальт в пятнах рыжего цвета.
Им бы подняться и, словно птицам,
Совершить полет
Следом за летом, призрачным летом,
Следом...

В парке пустынном слышен лишь ветра
Шорох, вздох ли, стон...
Стынут деревья, догола раздеты.
Тихо друг с другом шепчутся ветви,
Навевая сон
И вспоминают звонкое лето
Лето...

Год на исходе, дни все короче,
Ночи все длинней
И все видней близкой зимы приметы.
Сонную землю скоро укроет
Снег до вешних дней...
Пусть ей приснится в платье из ситца
Лето...

ПЛЫВУТ ПО НЕБУ КОРАБЛИ

Бубенцами
Красно лето отзвенело вдруг
С облаками
Улетело погостить на юг...
Пусты пляжи —
Завершен очередной сезон
Солнце даже

Укатилось вдаль, за горизонт
А облака как корабли,
А ветер по морю гуляет,
Стою у краешка земли,
Что жду — сама, увы, не знаю...
Плывут по небу корабли...

Заглушает
Ветер стылый птичьего голоса,
Раздувает
В небе облака, как паруса
На пороге
Дышит холодом в лицо зима...
Все дороги
Зачеркнула я себе сама.
А ветер в даль меня манит
И мысли с якорей срывает...
На горизонте — край земли,
А я все дальше уплываю...
Плывут по небу корабли...

* * *

Плачет осень за окном
И к асфальту клеит листья...
Сшил наряд расцветки лисьей
Для себя кудрявый клен.
Он глядится в старый пруд —
Холодна вода до донца...
А по ней — осколки солнца —
Листья желтые плывут

Осень, рыжая, не плачь
Пусть твердят, что счастье зыбко —
Солнца светлую улыбку
Ты за тучами не прячь
Осуши свои дожди
Полотенцем ярких радуг,
Бабым летом нас порадуй
Парки в злато наряди.

В круговерти зим и лет —
Так назначено в природе —
Вопреки любой погоде
Остановки жизни нет.
Что грустить нам до поры,
Ведь зима придет не завтра,
Чтоб задуть в аллеях парка
Скумпий жаркие костры.

БАБЬЕ ЛЕТО

Ворох листьев на траве,
А солнышко как на картинке —
Колесо со спицами...
А в лазурной синеве
Паучок на паутинке
Вслед летит за птицами
А в бездонной синеве
Паучок на паутинке
Вслед летит за птицами

Еще солнце горячо,
Но инеем листва покрыта —
Серебром по золоту...
Тонким солнечным лучом
Лужи синее корыто
Надвое расколото
Ярким солнечным лучом
Лужи синее корыто
Надвое расколото

Здесь — почти уже зима,
Но лето — в половинке этой
В луже отражается...
Кто-то сводит нас с ума,
Хоть, впрочем, время это — летом
Бабым называется
Осень сводит нас с ума,
А, впрочем, время это — летом
Бабым называется

Ли́ра молодая

*Анастасия
Протасовицкая*

* * *

Как прогулка во времени — эти истерики,
В мир подлунный шизофренический,
Листвой хрустящей в осенних сквериках
Шуршать, играя словами мистически
Средь решеток кованых, где муза белая
В покрывало из снов завернута.
Сковала разум луна переспелая,
Души болезненной дымкой подёрнута.
Полнолуние в октябрь — приграничное,
На тропинки зовёт бледно-жёлтые,
Раздвигаются грани привычного.
Сыплет воздух специи тёртые.

* * *

Эта странная фитомутация
Прибавляет пленительной грации,
Организм лианую ввётся,
С пути праведного прочь собьётся,
Кожа — листьями и чешуёю,

Краны в сизом тумане завоют,
Солью выбелен реквием моря,
Нет тоски и физической боли.
Ноги в нежных парах хлорофилла,
Чуть качаются крыши стропила,
И глаза замечают иное
В испареньях дрожащего зноя.
Споры в плоть впиваются глубже,
Заплетая зеленью душу,
Извиваются пальцы-лианы,
В изменённых вибрациях Праны.

* * *

Ты сам как мёртвое здание,
Окна-глаза — решётки переплетение,
И в каждом камне — мрачное предание.
И в плесени — красота запустения.
Твои стихи и картины, замшелое жилище,
Всё веет крахом и бархатом декаданса,
Душа и стены твои — пепелище,
На коем отзвуки забытого старого романса.
Ты не живёшь, ты призрак книг и чёрных красок,
Холсты закутали тебя по плечи.
И на руках твоих остатки лент-повязок,
Ты пред рассветом спать идёшь и гасишь свечи.
На стенах отпечатки рук чернильных,
Паркет — в царапинах копыт,
И буквы кровью на фолиантах пыльных,
Указывают, где хозяин спит.

* * *

Травы собраны в Троицу,
По языческим по следам,
Дождь, отпущенный по лицу,
Травянистым степям отдам.
По русальим, по светлым дням
Настроенье — качелями,
Ты гадаешь в ночь по теням,
Пьешь вино с менестрелями.
А на камне — чабречный дым,
Ржавой шерстью — лишайники,
Жертвы идолам и святым,
Сплелись таинства тайные.

* * *

Сердце стеклянное в банке,
Ветер развеял опилки
По степи. Советской огранки
Стакан — для мыслей копилка.
Кровь, пролитая на ежевику,
На шипы, жертвой древней и дикой,
И икон деревянные лики
Не скрывают языческих криков.
И по сердцу стеклянному
Чешуёй чёрно-алюю,
Как вином замороженным
Ежевики кристаллами.
Мысли — в ветер — опилками,
Зодчий шизофренический
Моих снов тычет вилокю
В сборник строчек лирических.

* * *

Квартиры, марки, города,
Морская стылая вода,
В ночь — пыль дорог и автостопа,
Под кеды в полночь мне — Европа.
Дороги, сны и обещанья,
Невыносимы мне прощанья,
И новый свет — вмиг старым светом,
Песком посыпанное лето.
Ты краской мажешь руки-вены,
Меняются не судьбы — стены,
И небоскрёбы — монолитом,
Остаться мне — космополитом,
Нашёл ли ты, что так искал?
Иль королевство из зеркал?
А в них — кривые отраженья,
Лиц, душ, сознаний искаженья.
Вновь города-игрушки, горы,
По телефону разговоры,
Я мира гражданин судьбою,
Но я останусь здесь, с тобою.
Оставив сладкий шёпот рока,
И расстояний вихрь потока,
С шарфом цветастым, флягой рома,
Присяду на песок у дома.
Дзен сброшенных кедров,
Затмение в среду,
И солнца, и мыслей,
Небес коромысло
Качается в ритме
Забывтых вибраций,
На пёстрой палитре
Следы эманаций
Чужих, но столь близких,

И пальцами — визги
По вымытым стёклам,
В дожде, в платье мокром,
По травам высоким,
Забрызганы соком
Зелёным все ноги,
Обмыты пороги...
А нити — на пальцах,
Губ синих страдальца
На воск отпечаток,
Зеркал многогранность —
В стрекозых сетчатках...
Держит нас вместе — творчество.
Быт искажает, корчит, во
Много раз увеличивает
Трещины отношений. Бред
Кактус в горшке возвеличивает.
Слушаю час за часом,
Головокружительным запивая квасом,
Речь Горячей Психеи,
За стеной сосед Михей и
Бутылка пива. Паяет нас краска
И медитация в стиле ска.
Туда, где не ловит мобильная связь,
Туда, где о волны бьются огни,
Где пены мережевой хрупкая вязь,
В вишнёвый кисель раскалённые дни
Где плавит закат за собой в горизонт,
Я здесь и останусь, на краешке лета,
Где шарф обмотался о солнечный зонт,
И мысли — тенями в контрастности света.
Здесь — дом, пограничье, замшелые камни,
Под каждым порогом — проход в зазеркалье,
Обглоданы ветром солёные ставни,
И руки с глазами в рисунках наскальных.

Анастасия

Макарова

родилась в 1987 г. и выросла в Керчи, окончила школу искусств и школу журналистики, печаталась в газетах, выступала на радио, принимала участие в выставках и концертах. В 2009 г. окончила КГУ (сейчас КФУ) по специальности «изобразительное искусство». В настоящее время студентка магистратуры НАРККиИ по специальности «эстрадный вокал»...

Жила и работала в Москве как сценарист и режиссер-постановщик, выступала с кавер-коллективом и духовым оркестром, принимала участие в международных вокальных конкурсах. До сих пор три направления деятельности: музыка, живопись и литература, идут рука об руку в ее жизни.

В настоящее время Анастасия пишет стихи — о Крыме, любви и вере — в самое лучшее и светлое на земле... Публиковалась в альманахе «Лира Боспора», газете «Литературный Крым».

О СЕВАСТОПОЛЕ

В этом городе так много неба,
 много Черного моря и грёз.
 Я когда-то искала ответы,
 что торжественно ветер принёс...
 С колокольными звонами храмов,
 отголосками прошлых веков.
 А, приехав сюда, осознала,
 где рождение, смерть и любовь!
 В этих бухтах — потерянным раем —
 наши чувства и наши слова.
 Всё, что есть, никогда не сгорает,
 всё, что будет — напишем с утра!
 Здесь и дышится нам по-другому,
 здесь звучит Севастопольский вальс,
 Приобщая нас к общему дому,
 что останется отчим для нас!

ТАВРИДА

Мне хочется простить тебя... Следом
За тем, что нам готовит восход,
Я вижу, чем живут минареты,
Что принимают у своих ног!
Над Херсонесом падают звёзды,
И небо изменяет рубеж,
И сквозь тысячелетия так просто
Пройти на панораму чудес!

Когда ветра сомкнуться в рожденье,
И каждый город станет дышать
То явью, то своим наважденьем —
Спасенья у Души не отнять!
Так много в этом мире Блаженства
Непройденных, забытых путей...
Мы ищем на земле совершенство,
Не видя, что светила — над ней!
И только в миг, где сумерки близко,
Там, где граничат свет и не-свет,
Где ночь рождает Сердце Артистов,
Готовых отыграть весь сюжет...
Проснуться под дождём звездопада,
Не проклиная прошлых минут.
И ветер целовать, если рядом
Тебя твои сокровища ждут...
А море покачнется на ряби,
И волны обыграют курсив...
Таврида засыпает с распятием,
И охраняет сон своих нимф...

СОХРАНИ МЕНЯ В ПАМЯТИ...

Сохрани меня в памяти,
 словно цветок этой осенью.
Напиши мне хоть строчку —
 я письма твои так люблю...
Море тихо ласкает всех чаек,
 что видимы проседью...
Но у церкви не я,
 не тебя позвала к алтарю.
Сохрани меня,
 словно прекрасное,
 вечное прошлое.
Не звони никогда,
 или все-таки,
 вдруг, позвони...
Я была бы тебе кем угодно,
 но — пройдено-прожито.
Нам осталось принять,
 не мешать,
 попрощаться, уйти.
Сохраню тебя в памяти,
 что никогда не забудется!
Здесь — мгновение назад,
 ты по-прежнему любишь меня.
Так оставь этот день —
 что отныне вовеки не сбудется —
Сохрани для себя,
 или, может быть,
 и для меня...
Голубь в небо взлетает,
 как символ божественной святости —

В КОМНАТЕ, ПОХОЖЕЙ НА ЗАЗЕРКАЛЬЕ...

В комнате, похожей на зазеркалье —
Рыбы, воды, и снова гладь.
Люди станут еще летать,
Когда оживут распятия
Истины. Когда мы догорим
В любви, хаосе, снова хаосе,
Что порожден только одним —
Жалостью.
Смотря в окна своих витрин — чьих-то глаз
Выдумать
Всё, что потом можно сказать
Между сотнями тысяч чужих фраз.
Видимость
Воды —
Глухие стоны волн
В олове неба на закате.
Каждый из нас полон слов
И полон распятий.
Так, собирая себя по частям
Собственных и чужих крестов,
Мы забываем порой искать
Основы основ.
Но также падают облака
В едва потухшее небо.
Жизнь человеческая — всегда —
От света до света...

ПРАВДА

Мне осталось: сердце на свободе,
Светлая, безмерная тоска.
Ты не стой в дверях, не будь подобен
Правде, застилающей глаза!
Отстранись, не осудив вовеки...
Только в переулках тишины
Время, ограниченное в беге,
Набросать пытается черты...
Не кури — и так кругом туманы.
В запотевших стёклах — города.
Обниму тебя — мне мира мало.
Так прощаюсь — просто, навсегда.
Ощути меня в своем дыханье,
И иди — дорогам нет конца...
Хрупко, бесконечно мирозданье
В правде, застилающей глаза...
В правде, что осталась криком чаек
У никем не видимых морей.
Я тебя любила. Я прощаю.
Только не захлопывай дверей...

Максим

Егоров

*Родился в 1972 году, в г. Керчи с 1993 года,
длительное время работаю юристом.
Начал писать с 2007 года.*

ВОССТАВШИЙ ФЕНИКС

Восставший Феникс радует людей,
 К нему послушно обращают взоры —
 Глотнув беды от века скоростей,
 Охота чтить легенды и фольклоры.
 Толпа беснуется, кричит наперебой,
 Живому чуду с удивленьем веря,
 Пример рождения возрев перед собой,
 Лучам надежды открывают двери.
 Один из мудрых,
 поклонясь, спросил
 Явленье сказочное огненного вида:
 Зачем восстал?
 Иль нету больше сил
 Быть пеплом, как велит тебе планида?
 А если восстаёшь —
 против кого?
 Зачем задуман матушкой-природой?
 Открой нам, птица, мира естество,
 Поведай тайны нашему народу!

Ответил Феникс с огненным шарфом, —
«Я вестник изменений на планете,
Хочу ускорить жизни метроном,
Доверив полюса сменить комете.
Промчались сотни бестолковых лет,
Ведомых поиском навязчивого смысла,
Чеканя мир цинизма и вендетт,
Гордыню теша в жалких обелисках».
Мудрец опешил.
Руку протянул,
Стремясь коснуться молвившего птаха...
Фантом исчез.
Лишь диковатый гул,
Наполнил души, захлестнув их страхом...

ДЕЛИКАТНЫЕ ВАРАВВЫ

Деликатные Вараввы
Заслонили телом свет,
Учат мудростям лукавым
Под сверканье эполет.
Льется речь елейным тоном
Из больных цинизмом уст,
Ранят лживые каноны,
Словно щупальца медуз.
Убелённые сединой,
Ошалевшие от счастья,
Пишут истины картины
С верхуноного распятья...
Я всмотрелся в эти лица,
В нос ударило сквернотой:
Поклоняясь плащанице,
Они строят эшафоты.

КОГДА ПРОСНУТСЯ ПИРАМИДЫ

Сон пирамид Египта вечен,
Монументален и незрим,
Сиянье граней жаждет встречи
С людской породой,

но маним

Род человека к плотской страсти,
Забыв духовности азы,
Инстинкту поддаваясь власти,
Увязнув в гордости ханжи.

Под гранью многовековой,
Внутри ненайденных ходов,
Лежат разгадки для героя,
Что мозг впитает,

и готов

Вместить в извилины строенья
Те лабиринты чистоты
Пирамидального решенья,
Которое сродни мечты.

Воздастся светлому герою,
И комплекс граней повелит
Познать и унести с собою
Их треугольный алфавит.

Когда проснутся пирамиды,
На странных молвя языках,
Уйдут рутинные обиды,
Вернётся первобытный страх...

* * *

Жемчужин мало на земле,
Но если даже есть такие,
То чаще бисером во мгле
Теряются, как те, другие...

Другие смотрят зло на них,
Срывают взглядом их одежды,
А жемчуг белизной манит,
И очищающей надеждой.

На жемчуг же похожа ты,
Твои движенья и улыбка,
И милые лица черты,
Как будто прошлое — ошибка...

*Полина
Феденюк*

Меня зовут Полина Феденюк. Я учусь в 8 классе лицея искусств. Совсем недавно я открыла для себя написание прозы и увлеклась этим. Я считаю, что любой человек рано или поздно открывает для себя искусство, каким бы оно ни было.

ПЕТЕРБУРГ...

Этот вечно серый город и сегодня был затянут туманом, словно серой рваной тканью, внушающей беспокорство и волнение, ожидание чего-то такого же тоскливого. Туман срывался мелкими надоедливими каплями. Улицы, проспекты, бульвары были пусты. Такой вечер лучше провести по тёплую сторону стекла, отделяющего тревогу мокрых улиц от безопасности дома, за чашкой чая или тёплого молока, наслаждаясь книгой или же просто тишиной, но я гулял. Мне хотелось окунуться в эту сырость, чтобы, добравшись до дома, сильнее прочувствовать тепло и уют моей небольшой квартирке. И тут я заметил девушку, вышедшую из парадного большого дома напротив. Она растерянно огляделась по сторонам и замерла на крыльце. Мне показалось, что она сама не знает, зачем в этот вечер вышла из дома. Наконец, она решилась и достала из сумки большой зонт. Ярким пятном выделялся на нём наспех пришитый лоскут со словом «Дружба». Рука в чёрной замшевой перчатке нетерпеливо теребила зонт, но он не раскрывался. Она и

так, и эдак пыталась раскрыть его, но всё напрасно. Прошло, наверное, минут десять, прежде чем девушка сдалась и сунула закрытый зонт в сумку. Вздохнув, взяла такой же, но уже с другой надписью — «Любовь». С этим зонтом незнакомка хлопотала в два раза настойчивее и усерднее, но, к сожалению, и в два раза дольше. Расстроивший окончательно, она убрала в сумку и этот зонт. С какой-то механической лёгкостью и быстротой в её ладонях появился третий зонт, с надписью «Одиночество».

Едва появившись, зонт раскрылся, а незнакомка скрылась из виду, словно слившись с серостью улиц, домов и столбов. А может и вовсе не было никаких зонтов и никакой загадочной незнакомки, вышедшей в этот дождливый и холодный день...

Краеведение, публицистика

Татьяна

Ищук

ПЛАНЫ И СОБЫТИЯ

«Формирование высокой гражданской и патриотического сознания обучающихся через инновационные формы музейной деятельности»

В третьем тысячелетии наиболее остро стоит проблема воспитания нового поколения молодежи. Произошла девальвация духовных ценностей, резко снизилось воспитательное воздействие культуры, искусства и образования как важнейших факторов формирования патриотизма. Обострился национальный вопрос: патриотизм кое-где начинает перерастать в национализм, утрачено понимание интернационализма. В общественном сознании получили распространение равнодушие, эгоизм, цинизм, немотивированная агрессия, неуважительное отношение к государству и социальным институтам. В этих условиях очевидна неотложность решения проблемы: реформирование

системы воспитания патриотизма как основы консолидации общества и укрепления государства.

Героические события Отечественной истории, выдающиеся достижения страны в области политики, науки, культуры и спорта еще сохранили нравственные идеалы, что создает предпосылки для разработки комплекса мероприятий и объединение усилий по патриотическому воспитанию будущих граждан. История Второй мировой и Великой Отечественной войн является ярчайшим примером единения разных стран и народов в борьбе с общим врагом, фашизмом, что в свою очередь служит примером последующим поколениям.

Одним из основных путей решения существующих проблем XXI века - это путь дипломатии. Надо начинать с воспитания нового поколения в духе культуры мира и на принципах демократии, социальной справедливости, интеллектуальной и моральной солидарности людей.

Таким образом, гражданско-патриотическое воспитание должно быть направлено на формирование и развитие социально-активной личности, обладающей качествами гражданина мира с планетарным мышлением, способной решать глобальные проблемы человечества.

В 2001 году в Москве была проведена программа «Дорогая моя столица», в рамках которой прошёл международный слет делегаций школьников городов-героев. Так началось слётное движение учащейся молодежи. Была создана программа гражданско-патриотического воспитания «Академия детской дипломатии на службе мира», которая предусматривает работу по

нескольким направлениям: гражданско-патриотическому, экологическому, культурному, международному, краеведческому, спортивному. «Академия детской дипломатии» — это программа, которая позволяет ребенку впитывать в себя ценности патриотизма, культуры мира, помогает решить проблемы воспитания настоящего гражданина и патриота, способствует выявлению одаренных детей, является нестандартной формой работы с учениками.

XX Международный слет школьников городов-героев «70 лет Победы» в Санкт-Петербурге.

С 23 по 27 марта в Санкт-Петербурге проходил XX Международный слёт школьников городов-героев Академии детской дипломатии, посвящённый семидесятилетию Великой Победы. Литвиненко Анастасие, Лысенко Маргарите, Додохову Дмитрию, Медведеву Илье, Кардаш Карине, Арустамян Валерию Суреновичу, и автору этих строк посчастливилось стать участниками этого мероприятия в составе делегации города-героя Керчь.

Каждый день Слёта имел своё название.

День первый. «Здравствуй, город на Неве!».

XX Международный слёт городов-героев начался с торжественного открытия, которое происходило в здании Администрации Приморского района. Каждая делегация представляла свой город и школу. Здесь были и песни, и танцы, и видео-презентации, в общем, все постарались на славу. В тот же день мы стали участниками интеллектуально-спортивной игры-квеста по городскому ориентированию «Зона действия — Приморский

район», целью которой было найти достопримечательности города, указанные в маршрутном листе, сфотографировать эти объекты, найти информацию о них. Удивило, что даже в спальном районе можно найти много памятных мест. За определённое время нужно было пробежать по заданному маршруту и ответить на вопросы, после чего подготовить презентацию и защитить свою работу. Завершился день показом фильма «Уроки истории», который тронул весь зал. В нём перекликались современность и все ужасы блокадного Ленинграда, передавалось отношение современных школьников к событиям 1941 – 1945 гг. Картина никого не оставила равнодушным и подтолкнула на серьёзные размышления каждого из нас.

День второй. «Здесь будет город заложен...»

Во второй день слёта мы познакомились с городом: утром посетили Петропавловскую крепость, а после обеда нас ждала автобусная обзорная экскурсия по городу. Петербург поражает своим величием, старинными зданиями, памятниками, дворцами. Здесь каждая улочка хранит свою историю! Впечатляет и величественная Нева — главная водная артерия города, которая во время нашего приезда ещё была покрыта льдом.

День третий. «70-летию Великой Победы посвящается»

Третий день был, пожалуй, самым насыщенным. Он начался с несения Вахты памяти на Серафимовском кладбище, которое расположено на северо-западе Санкт-Петербурга, в Приморском районе. Оно стало вторым после Пискаревского кладбища местом массовых захоронений ленинградцев, погибших от голода,

бомбежек и артобстрелов, и воинов, павших в боях за освобождение города в годы Великой Отечественной войны. По самым приблизительным подсчетам, в годы блокады на Серафимовском кладбище похоронено не менее 100 тыс. человек. Делегации Санкт-Петербурга, Бреста и Нелидово возложили венки к мемориалу погибшим.

Затем несколько часов кипела работа на Петербургском образовательном форуме. С докладами выступали педагоги, делились опытом своей работы. Членов делегаций-учащихся ожидала защита исследовательской работы на научно-практической конференции. Литвиненко Анастасия заняла почётное первое место, остальные ребята получили сертификаты участника.

После обеда мы посетили выставку «Взятие Берлина» в «Ленэкспо», которая позволила нам окунуться в атмосферу Германии 1945 года, почувствовать весь ужас войны для каждого народа, который принимал в ней участие.

День четвёртый. «Культурная столица»

Четвёртый, заключительный день, был одновременно и весёлым, и грустным, ведь все испытания были уже позади, но в то же время нам предстояло прощание с друзьями. Все делегации выступили на торжественном закрытии слёта, которое также проходило в здании Администрации Приморского района, обменялись подарками. Это мероприятие продолжила концертная программа, подготовленная юными школьниками Санкт-Петербурга. Прекрасное пение, хореография, театральное искусство... За всем этим хотелось наблюдать и наблюдать. А финальная песня «До свидания, Питер»

отобразила в себе всю нашу грусть. После представителя каждого города-героя посадили тую на территории школы № 583 Приморского района, двери которой были для нас открыты на протяжении всего слёта.

Затем нас ожидало посещение колоннады Исаакиевского собора. И настоящим подарком от организаторов Слёта стало посещение национальной президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина. Для того, чтобы у всех граждан нашего государства был равный доступ к информации, по распоряжению Президента Российской Федерации в Санкт-Петербурге в 2009 году была создана Президентская библиотека. Эта библиотека названа именем Бориса Николаевича Ельцина — самого первого президента России. Президентская библиотека — единственная электронная национальная библиотека России. Она располагается в бывшем здании Синода на Сенатской площади Санкт-Петербурга.

Продолжился день спортивными соревнованиями «Невская гвардия». Ребята бегали, прыгали, стреляли, соревновались в разборке-сборке оружия. Увлекательное соревнование плавно перешло в дискотеку со «сладким столом», вкусности ребята привезли из своих городов. Тульский пряник соседствовал с конфетами фабрик «Красного Октября», «Конфил» и продукцией «Волжского пекаря».

Вечером ребята делились впечатлениями. Обменивались сувенирами, адресами, номерами телефонов. Плакали при расставании. Расставались с надеждой на новые встречи, которые в этом году запланированы в Новороссийске, Волгограде и Москве. Каждый увозил частичку тепла, надежды, дружбы, веру в мир. Веру в наших детей увозили и мы, взрослые. Веру в то, что

наши дети смогут сохранить мир, а если надо, то и защитить Родину.

Вот и закончен XX Международный слёт школьников городов-героев. Но воспоминания о нём останутся с нами на долгие годы, и атмосфера дружбы и добра будет греть ещё много-много лет. Хочется выразить огромную благодарность всем организаторам и участникам слёта, руководителям делегаций, школе №583 и Администрации Приморского района за радушный приём и бесценный опыт, который мы получили за 4 прекрасных дня, проведённых в Санкт-Петербурге.

Вот что о слете рассказали ребята.

«XX международный слёт городов героев оставил у меня неизгладимые впечатления. Это мероприятие подарило мне множество новых друзей и опыт в выступлении перед публикой. Также благодаря слёту я познакомился с городом-героем Санкт-Петербургом, узрел множество памятников мировой культуры собственными глазами и обогатил свои знания в истории моего родного государства. Отдельное слово стоит сказать об организации. Всё было на высшем уровне: добрые и отзывчивые сотрудники детского дома № 13 и школы номер 583, вкусное питание, тщательно продуманный план проведения слёта. Я получил множество позитивных эмоций и с радостью поучаствовал бы еще раз!»

«Очень рада, что поехала на XX международный слёт школьников городов-героев. Гостеприимно принял нас Санкт-Петербург. Я впервые побывала в северной столице России, и у меня остались незабываемые и яркие впечатления об этом великолепном городе».

«Программа слета была очень насыщенной и познавательной. Благодаря этому мероприятию, я смогла

«прикоснуться» к истории, культуре Питера, чему я несказанно рада».

«Пусть погода и не всегда нас радовала, но все же мы получили огромное удовольствие от данной поездки, от самого слёта».

И конечно мы познакомились и подружились с новыми людьми, встретили уже старых и добрых друзей, провели незабываемое время вместе».

«Я очень счастлива, что поехала на этот слет в великолепнейший город Санкт-Петербург и от лица всей делегации выражаю огромную благодарность организаторам этого слёта, школе № 583, Приморского района».

XXI Международный слёт «В борьбе против фашизма мы были вместе»

Город-герой Новороссийск встречает гостей в рамках программы «Академия детской дипломатии». XXI Международный слёт «В борьбе против фашизма мы были вместе», посвящённый 70-летию Великой Победы, окончанию Второй мировой войны и 72-ой годовщине освобождения Новороссийска от немецко-фашистских захватчиков собрал в сентябре большую аудиторию. Больше десяти делегаций учащих из городов-героев приехали в город, в том числе делегация города-героя Керчи из лицея искусств в составе 6 человек: Арустамяна Валерия Суреновича, Ищук Татьяны Вячеславовны, Грудачевой Полины, Казак Никиты, Медведева Ильи и Кардаш Карины.

Программа каждого дня была насыщенной, каждая минута была расписана. Нас ожидали митинг-реквием на площади Героев, посещение детского спектакля в городском театре, возложение венков в бухте

Новороссийска, экскурсия на крейсер «Михаил Кутузов», посещение мемориала на Малой Земле.

Спектакль «Нет фашизму», актёрами в котором были школьники города, никого не оставил равнодушным. Ребята подняли очень важную проблему: преступления фашистского режима. Фотографии на тему преступлений нацизма потрясли до глубины души, у многих слёзы стояли на глазах. И мы говорим: «НЕТ ФАШИЗМУ!»

Нам была предоставлена прекрасная возможность отдать дань памяти павшим: на военных катерах вышли в море, где спустили на воду цветы и венки.

Большое впечатление своими размерами и мощью на нас произвёл крейсер «Михаил Кутузов»: длина 201 метров, ширина — 23 м, цельносварной корпус, экипаж 1200 человек. Вот это мощь и сила!

С экскурсией побывали в расположении 7-ой Гвардейской Краснознамённой ордена Суворова десантно-штурмовой дивизии, посетили казарму, учебные корпуса, музей. С восторгом мальчишки держали в руках боевое оружие. Мы были впечатлены, когда узнали, что десантники этой дивизии принимали участие в охране мира у нас в Крыму в марте 2014 года.

Нас поразил Новороссийск своей красотой, чистотой и уютом, фонтанами и обилием цветов.

Время слёта пролетело быстро, но с друзьями мы не прощались, а говорили «До свидания!». Ведь одной из главных задач слёта является укрепление дружбы между народами.

*Владислав
Миляновский*

СЕМЬЯ ЧЕРЕЗ ГОДЫ

(Моя исповедь)

Мой 82-й год рождения 27 апреля 2014 года был омрачён тяжёлой болезнью жены и стал самым тревожным, трагическим и печальным в моей жизни. 29 апреля моя супруга скончалась. Случилось то, что случается в жизни: «иных уж нет, а те далече». Забрав у меня самое дорогое и близкое, господь даровал мне продление жизни, чтобы я написал то, о чём сейчас пишу. Всем появившимся на свет людям Бог даёт добрые качества и какие-то таланты. Это потом кто-то из нас становится злыми, ворами, стяжателями, и т.д. Бог дал нам право выбора. Я свой выбор сделал. Мне необходимо рассказать людям о том, как я прожил долгую, наполненную событиями содержательную жизнь. О моей семье, принадлежности к которой всегда наполняла моё сердце гордостью.

Отец мой, Миляновский Анатолий Степанович, закончил Новороссийский университет в Одессе, обучал точным наукам: математике, физике, астрономии, черчению. Был неплохим музыкантом, обладал незаурядным артистическим талантом. Участник Первой

мировой войны, Георгиевский кавалер. Мать, Торопыно Александра Ивановна в 1912 году окончила Керченский институт благородных девиц им. Адмирала Георгия Сергеевича Кушникова. Предложение градоначальника Захария Семёновича Херхеулидзе об открытии девичьего учебного заведения была горячо встречена общественностью города. Первых своих воспитанниц, девочек из дворянского, обер-офицерского и купеческого сословия, институт принял в марте 1836 года. Обучение было платным, но продолжительное время, учебное заведение испытывало недостаток финансирования. В 1845 году материальное положение его значительно улучшилось за счёт средств действительного статского советника Г.С. Кушникова. Сумма в 30000 рублей предназначалась для открытия в Феодосии аналогичного учебного заведения, но, по объективным обстоятельствам, этого не произошло, и деньги были пожертвованы керченскому институту для его развития. Дворянин Г.С. Кушников с 1913 г. принадлежал к Московскому дворянству, а с 1836 был занесён в родословную книгу Таврической губернии. Как истинный дворянин он свою жизнь посвятил службе на пользу Отечества: закончив морской шляхетский кадетский корпус в 1789 году, служил до 1899 года на флоте. Лейтенантом оставил морскую службу и в чине коллежского ассесора начал гражданскую — сначала в Иркутской губернии, затем в Москве и Петербурге. В Москве он служил с 1811 года при министерстве полиции чиновником по особо важным поручениям. В 1821 году ему определяют чин действительного статского советника, который соответствует военному званию контр — адмирала или генерал — майору. Выйдя в отставку, Г.С. Кушников с семьёй жил в Москве, затем переехал

в Крым, в Феодосию, там же он умер и похоронен. Семья его состояла из жены, Софьи Андреевны, трёх сыновей: Дмитрия, Николая, Григория и дочери Лидии. Дочь Кушникова Лидия стала женой З.С. Херхеулидзе. Благодаря таким родственным связям и было произведено семьёй Кушниковых пожертвование большой суммы денег на развитие девичьего института, которому, в знак уважения к дарителям, благодарные керчане присвоили имя «Кушниковский». В 1845 году в состав совета Кушниковского института вошёл старший сын этого благородного семейства Дмитрий Григорьевич. Здание института сохранилось до наших дней. Сейчас это школа № 1 им. Володи Дубинина. При школе имеется два музея: один посвящён юному герою Великой Отечественной войны В. Дубину; второй — в память о девичьем институте. Будучи активным участником его организации, я подарил музею некоторые фотографии, газетные статьи о истории института. К чести керченских градоначальников, необходимо отметить их большой вклад в развитие города. Нельзя забывать благородного рыцаря на ниве культурного подъёма Керчи Ивана Алексеевича Стемпковского, много сделавшего для народного просвещения. Начало XIX века насыщено бурным экономическим и культурным подъёмом Керчи. В городе одно за другим учреждались учебные заведения для разных сословий населения: от начальных школ «для низших классов народонаселения» до привилегированных учебных заведений. Процесс формирования различных типов образовательных учреждений

шёл на протяжении всего XIX века. Причиной открытия института было то, что в Крыму, а в Керчи особенно очень остро ощущалась нехватка женских учебных заведений. Дети богатых родителей в то время получали образование в частных пансионах. Институт содержался частично за счёт городских отчислений и платы за обучение девиц. Из городских доходов отпускалось 8000 рублей в году, в основном, на заработную плату преподавателям. Плата за обучение, в зависимости от категории учащихся, составляла от 50 до 400 рублей в год. Помимо оплаты, обучающиеся должны были иметь личный (из родительского дома) столовый прибор: серебряные ложку, вилку, нож, чайную ложечку, салфетки. Всё это, по окончании курса, оставалось в институте. Группы состояли из 30 человек. Главным начальником института был Керчь-Еникальский градоначальник. Поместить на обучение в институт своих детей стремились не только керчане, а имущие люди из всего Черноморья и земель Войска

Донского. Умеренной оплатой, отличным светским образованием и воспитанием Кушниковский институт приобрёл популярность далеко за пределами Керчи. Выпускницы свободно владели европейскими языками. Моя мама знала даже диалекты немецкого языка: берлинский, баварский. Выпускались воспитанницы с правом работать воспитательницами и преподавательницами иностранных языков. Более 50 лет преподавала моя мама иностранные языки в керченских школах.

Нашему поколению пришлось пережить ужаснейшую из войн — вторую мировую. А светлое будущее всё время удалялось от нас. Наконец наступила полоса изобилия. Всюду лозунги на кумаче: «молока — реки»; «металла — баснословные тонны»; «угля — Донбасс, Кривбасс и Западная Украина». При всём при этом в магазинах — пустые полки. Появились «колбасные электрички», забитые людьми, отправляющимися в Москву за снедью. Её сменила горбачёвская перестройка, приведшая к разрухе Советского Союза.

Итак, нам довелось пережить ужасную войну, сталинское «великое переселение народов», изобилие, светлое будущее, перестройку, распад страны, остальное как-нибудь переживём.

С 27 на 28 июня 1944 года из Крыма были высланы греки. Мероприятие было спешным (операция была повсеместно проведена в сжатые сроки: 10 – 20 часов, в основном, в ночное время) и массовым; документы о высылке людей по линии МВД не оформлялись. Основанием для высылки явилось Постановление Государственного комитета обороны №5984 от 2 июня 1944 года, по которому подлежали высылке:

греки — 16006 человек; армяне — 9821; болгары — 12628 и т.д. В самом начале войны Крым освободили от немцев, итальянцев, румын, выслав их в отдалённые районы России. От перемещённых лиц стали поступать жалобы в правительственные и партийные органы и прокуратуры с ходатайством об освобождении из мест высылки, но их просьбы оставались не услышанными Советским правительством. И только после смерти «вождя народов» в марте 1953 МВД СССР стало готовить документы для запланированного освобождения из переселенческого режима высланных народов. Процесс этот был длителен и многоступенчат с участием: министра МВД СССР — изверга Л. Берия, Генпрокурора СССР Руденко, министра КГБ СССР И. Серова и министра юстиции СССР К. Горшенина. С 1954 года стал ослабляться постепенно суровый режим переселенцев: так, учащаяся молодёжь до 16 лет снималась с учёта, а взрослые могли свободно передвигаться в пределах региона переселения. Частыми были побеги из мест ссылки. Периодические проверки паспортного режима в Крыму всякий раз выявляли беглых спецпереселенцев. С целью пресечь побеги был издан в 1948 году Указ «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, высланных в отдалённые районы Советского Союза в период Отечественной войны». Беглецы наказывались 20-ю годами каторжных работ. Это для справки тем, у кого ностальгия по сталинскому режиму. Такое «прошлое» — беспрецедентный случай людской трагедии, аналогов которому нет в мире и вряд ли будет в обозримом будущем. И всё это происходило под громкие выкрики «о неруши-

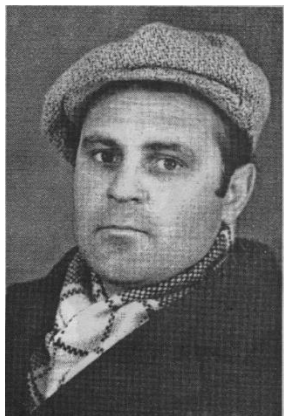
мой и вечной дружбе народов СССР». И только теперь в 2014 году В.В. Путин вернул этим народам их законные права.

Не могу умолчать о том, за что были высланы греки. Хочу поделиться некоторыми мыслями с уважаемыми читателями. Разбив итальянское войско, греки не смогли устоять перед гитлеровской военной машиной и в 1941 году гитлеровцы заняли Грецию. На предложение Германского правительства сотрудничать с ними народ Греции ответил: «Οχι» — нет. И свободолюбивая нация повела повсеместную борьбу против фашистского режима. Возглавил это движение Манолис Глезос. Борьбу с фашистами вели и греки Крыма. Доподлинно известно, что греки во все времена с благодарностью относились к России и всегда, при необходимости, защищали её рубежи. Греческие роты Балаклавского батальона принимали активное участие в боевых действиях при завоевании Крыма Екатериной в 1873 году. Народы России и Греции объединяли разнообразные духовные, экономические и культурные связи. В разные периоды истории народы этих стран сообща боролись против агрессоров. Греки относились к России с чувством искренней привязанности и благодарности. После подписания Кучук-Кайнаджирского мирного договора с Турцией предводитель греческого восстания Стефан Мавромихали получил от Екатерины 11 большую золотую медаль за доблесть при взятии Наварина и предложение грекам переселиться в Таганрог, Керчь и Ени-Кале. Это предложение положило начало массовому поселению греков в Крыму. Русские называли поселенцев «греческое войско». В Крыму греки — повстанцы

формировали военные подразделения для продолжения борьбы на стороне России с их общим врагом — Турцией.

Формированию греческих частей способствовало их умелое и активное участие в боевых действиях в Керченском уезде, при взятии города Кафы (Феодосии), в горных районах побережья, и при овладении Судаком в борьбе с подстрекаемыми турками крымскими мятежниками - татарами.

Греки проявили своё бесстрашие и умение вести бой в трудной для манёвров горной местности, к которой совершенно не были приспособлены русские войска. По просьбе Мавромихали князь Потёмкин — Таврический стал формировать пехотный полк, из которого в 1784 году один батальон был переведён из Ени-Кале в Балаклаву, и с тех пор стал именоваться Балаклавским. Неоднократно греки выражали свои патриотические чувства к России. Так в 1812 году одесские греки пожертвовали 100000 рублей на борьбу с Наполеоном. Революционный взрыв начала 20 века не разбирался в национальностях — греки также принимали активное участие в революционном движении 1917 года и в гражданской войне. Но благодаря тем роковым обстоятельствам, сложившимся в советскую бытность, даже очень добросовестные исследователи замалчивали роль и значение греческого народа в истории России. С ростом новых поколений уходят в забвение выдающиеся люди греческого происхождения: З.И. Цоллоло — командир повстанческого греческого отряда; В.Ф. Тохтамышев — руководитель и организатор греческих партизан; герой гражданской войны С. Струццо. Все эти греки боролись за советскую власть. А сколько их было в Белой

Юрий Терапиано

гвардии! Участник антифашистского движения во Франции Юрий Терапиано. Мой близкий родственник Юрий Константинович Терапиано (Торопьяно) был белым офицером. Родители его были убиты большевиками. Юрист по профессии, литератор по призванию неоклассик — поэт, писатель, литературный критик, переводчик, публицист, философ, — один из ярких представит

ителей серебряного века.

В Великой Отечественной войне греки проявили массовый героизм. В лесах южного Крыма грек А. Македонский командовал соединением партизан. Начальник разведки у него был тоже грек — Ф.А. Ялсктиди. В отместку за массовое патриотическое греческое движение немцы сожгли греческую деревню Лаки в Бахчисарайском районе вместе с детьми, стариками и женщинами. Крымская деревня Лаки разделила судьбу Хатыни.

Греки не только на исконной своей Родине — Балканах сказали немецким оккупантам «Охі», но и в Крыму. На временно оккупированной территории не было случая сотрудничества греков с немцами. Наоборот: активность греческого сопротивления в Крыму фашисты ощущали на себе. В лесах действовала группа Н.К. Спака, бывшего председателя Белогорского (Карасубазарского) горисполкома. Немцы казнили мужественного патриота.

В греческой деревне Кисек-Арабук (Клиновка) Симферопольского района действовала подпольная группа под руководством комсомольца — грека Константина Демьяновича Апостолиди, в группу которого входила его семья: мать, отец, три брата, сестра и зять С.А. Триандофилов, и ещё 20 греков этого селения. Командиром 4-й партизанской бригады был Х.К. Чусси. Принимали участие в борьбе с фашизмом иностранные подданные греки, проживающие в Крыму. А сколько их было на фронтах большой войны, на строительстве оборонительных сооружений, на военных заводах, работавших на победу. Все эти патриотические действия замалчивались долгое время. Отчасти их участие в борьбе с фашизмом в таких изданиях, как: «Пламя над Крымом» Македонского; «Партизанское движение в Крыму» Е. Шпака. Греки вносили свой вклад не только в разгром фашизма, но и в развитие государства. Всем известны такие имена, как адмирал, полярный исследователь Папанин; Герой Советского Союза Новоросияца; лётчик-испытатель, Герой Советского Союза Коккинаки. А кто не помнит трудового подвига Паши Ангелиной. Этот список российских греков можно продолжать. За что же нужно было подвергать такому страшному испытанию греческий народ!? В такое время я жил и вырос.

В первый класс я пошёл в 1939 году. С горечью и содроганием вспоминаю холодные и голодные школьные годы военных и послевоенных лет. В начальных классах нас, несмышлёнышей, сгоняли в стало октябрят, затем — пионеров; а становились по-старше — добровольно-принудительное запикивание в комсомол. И во всех этих организациях нас учи-

ленно воспитывали драконовскими методами развитого социализма. За незначительные провинности нас судила общественность: вызывали на сборище, называемое собранием, и там уже отводили душу, натравливая всех против одного того, кто имел свою точку зрения, отличающуюся от линии партии и правительства!?. А если ты пытался доказать, что ты не верблюд, то тебя клеймили «врагом общества». Я люто ненавидел эти стадные мероприятия: человек рождается лично, и собственное «Я» должно доминировать. Ещё пролетарский писатель М. Горький говорил: «Человек — это звучит гордо!» Так зачем эту гордость, личность, разум сгонять в стадо? А затем, что стадом легче управлять. Что и доказало Советское правительство на протяжении всего своего правления Великой Россией. Стадом были уничтожены миллионы россиян, строя «коммунистический рай» на отдельно взятой территории. В классах было холодно до такой степени, что иногда чернила замерзали в чернильницах, писали на газетных листах, учебников было мало; а главное: бесконечный неутомимый голод. Меня совершенно не интересовали педагоги: личностей среди них не было. Я был занят своим делом: на любом из уроков у меня на коленях всегда какая-то книга, и когда ко мне обращался тот или иной учитель, я, естественно, не мог ответить ничего вразумительного. В школе я держался «на плаву», благодаря домашнему воспитанию и сообразительности. Конечно же, в отличниках не числился; кстати, до сих пор их не люблю — они, в большинстве своём брали зубрёжкой. Неполное среднее образование давала семилетняя школа, после которой можно было поступить в среднее специальное учебное заведение: техникум,

училище. Для поступления в мореходное училище нужно было пройти не только через большой конкурс, но ещё выдержать унижительную мандатную комиссию, где 14 – 15-летним мальчишкам необходимо было ответить на бесчисленное множество совершенно непонятных вопросов: служили ли вы в Белой гвардии и т.д. Те, кто задавал эти вопросы, в 1941 году бросили людей на произвол судьбы, но к тем, оказавшимся в период войны в оккупации, относились с подозрением и недоверием, требовали массу подписок о хранении тайны, а какой — я до сих пор не понимаю. Почти всё было под грифом секретности, хотя СМИ всего мира давным-давно сообщают об этих секретах. Цинично было и то, что нас, людей второго сорта, по несчастью, живших на временно оккупированной территории, нагло вербовали в секретные осведомители (сексоты) КГБ СССР. Эта участь не минула и меня: мне даже предложили новую фамилию «Веснин», так как вербовка проходила весной 1956 года. Вербовщик КГБ предлагал мне прислушиваться к разговорам окружающих меня людей и в письменном виде передавать эти сведения на тайную городскую квартиру. Зная о моём вольнодумии, меня стали пугать вызовами на беседы — допросы, которые проходили посредством «кнута и пряника». После каждой такой беседы я расписывался в том, что никогда не расскажу о нашей «приятной: вопрос-ответ» беседе. Наконец, я не выдержал этого психологического нажима и решил поделиться бедой со своим старшим братом Сашей (он родился 7 ноября 1926 года). Александр Анатольевич Миляновский разведчиком прошёл всю войну, став кавалером 3-х боевых орденов и многих медалей.

Участник Керченского десанта (высаживался на мысе «Фонарь» — Северовосток Керчи), обороны Севастополя, взятия Берлина. Войну закончил девятнадцатилетним. Он спокойно выслушал и посоветовал мне вести себя без всяких колебаний, если я не хочу стать сексотом. Вот тогда-то я и проявил свой природный норов, заявив своему «куратору», что я не желаю и не буду менять свою фамилию. На этом КГБистские дела были закончены.

Коренной керчанин, я вырос в честной, благородной семье и не мог поступить иначе. Я родился в 1932 году, 27 апреля, был самым младшим из шести детей Миляновских. Мальчишкой испытал все ужасы войны, детскими глазами видел Керченский пролив красным от человеческой крови. Об этом я подробно написал в своей повести «Керчь в ноябре сорок третьего». Писать и печататься начал в 1952 году. Мне довелось видаться и быть лично знакомым с писателями: Василием Аксёновым, Аркадием Ровнером, Фазилем Искандером. Дарили мне свои книги керченские и московские друзья: Александр Бойченко-Керченский, Пётр Котельников, Александр Ткаченко, Ирина Невзорова (Москва), ныне уже покойная Галочка Дмитрюкова, Алексей Вдовенко, Злата Андропова, Василий Нестеренко, Валерий Левенко и др.

Профессиональной работе отдал более сорок лет после окончания высшего учебного заведения. Награждён медалью «Ветеран труда».

Самый старший мой брат Клавдий (1915 г. рождения), участник обороны Севастополя и Сталинграда, взятия Берлина, был отмечен советским правитель-

ством за мужество, храбрость и патриотизм тринадцать боевыми наградами. Брат Юрий (1921 г. рождения) погиб на фронте в 1942 году.

Двоюродный брат, лейтенант Казначеев Николай (1921 г.) погиб в 1942 году под Сталинградом. Виктор (1925 г. рождения) подростком работал мотористом на катере, переправлял на кубанский берег отступающих красноармейцев. Был ранен, был вывезен немцами в Германию. Там неутомный керченский пацан совершил несколько попыток бегства из плена и угодил в Бухенвальд. Бежал из Бухенвальда, остался жив; участвовал во французском сопротивлении (во Франции он и встретился со своим родственником Юрием Константиновичем Терапиано, участником сопротивления). Всю жизнь проработал геодезистом и техником — строителем. Прожил долгую, честную, достойную жизнь. В 82 года умер, похоронен в Керчи. Сестра Лариса (1917 г. рождения) была вдовой морского офицера.

Все члены семьи, имеющей дворянские корни, преданно служили России, и, несмотря на все обиды, нанесённые ей большевистской властью, мужественно защищали свою Родину, отдавая жизни в борьбе за её свободу.

*Ага
Токарева*

РЕБЯТА НАШЕГО ДВОРА

Первое освобождение Керчи от фашистов.

В Керчи при немцах шёл беспредел, люди боялись выходить на улицу, все сидели по своим квартирам. О том, как Колькина семья жила и сам Колька, я писала в предыдущей «Лире Боспора».

...План наступления на Керчь был разработан и одобрен Сталиным. Началась героическим десантным операция с моря. В конце декабря операция была завершена и новый год 1941 люди встречали в освобождённом городе. В квартире Токаревых царило радостное оживление. Мама начала собираться, достала своё новое пальто, которое было далеко спрятано. Колька смотрел, как она всё больше хорошела, становилась улыбочивой, и глаза её светились радостью. «Мама ты куда-то идёшь?» — «Сыночек, конечно иду, ты посмотри какой солнечный день, и там, на улице ходят наши советские солдаты, мне хочется их обнять, расцеловать, сказать спасибо за наше освобождение от фашистов. Ты сейчас тоже убежишь, но сначала принеси дрова и уголь из са-

рая, мы сегодня приготовим вкусный обед, будем праздновать освобождение от фашистов и Новый год!» — она засмеялась, поцеловала сына в щёчку и ушла. Коля стоял, онемевший, он давно не видел свою мать такой. При немцах она надевала платок до самых бровей и старалась на них не смотреть т.к. в глазах её была ненависть, презрение и вызов, видно, что она не покорена, она могла бы вполне уйти в партизаны, но её удерживала мысль: сын и внук, которых надо оберегать от необдуманных поступков.

Тамара, его сестра тоже засобиралась, начала одевать Витальку. «Ты тоже идёшь гулять?» «Вон какая погода, снег под солнцем серебрится, надо Витальку прогулять, сколько он воздуха свежего не видел, пока у нас были немцы». Колька вздохнул и начал из печки выгребать жужелку, сходил в сарай принёс уголь, дрова. Вспомнил Фёдора, отца Витальки, который заставлял его помогать разбивать уголь, пилить дрова; сейчас ему намного легче: всё приготовлено. Придя в дом с углём, он услышал какой-то посторонний шум, огляделся — никого нет, но вот, — это радио заговорило, при немцах оно молчало. «Товарищи, граждане Керчи поздравляю вас с освобождением от фашистов поздравляю с Новым 1942 годом. И приглашаю всех на работу на наши заводы, фабрики и на очистку улиц и разбитых домов. Помогите нашему родному городу! Секретарь горкома партии».

Кто-то постучал в дверь — это пришли его товарищи по двору, рассказывая, что с Темрюка по проливу идут наши советские танки и орудия, прямо по льду. Вечером Колька прибежал домой возбуждённый рассказывал, как танки шли по льду пролива: «Нас танкисты прокатили на танках. Вот здорово! А что это так вкусно

пахнет?» Мать засмеялась: «Я напекла пирожков, угадай с чем?» Коля говорит: «С яблоками!» — «Нет, никогда не угадаешь, — с луком. Правда, вкусно, как с яблоками». Оглядев свою семью, Клавдия сказала: «Милая моя дружная семейка, я завтра выхожу на работу на рыбный консервный завод, до четырёх вечера, а потом ещё два часа буду трудиться на благоустройстве города. Все замолчали, потом Тамара говорит: «Я тоже устроилась на работу с утра и до двух часов т. к. у меня маленький ребёнок». И Тамара и мама посмотрели на Колю: сейчас только от него зависело — выйдут они на работу или нет. Коля понял и сказал: «Были же мы с Виталькой вдвоём, когда он совсем был маленький, и сейчас побудем вместе, ты только, Тамара, после работы сразу домой».

С раннего утра ушли на работу мама с Тамарой, Виталька ещё спал, а Коля читал книгу, постучали в дверь, и вот, целая ватага ребят ввалилась в кухню с шумом, гамом. «Тихо вы!», но уже было поздно: проснулся Виталька и заплакал. «Я сейчас занят, нянчу племянника, я всё-таки дядька! — сказал Коля с гордостью. — Так что, вы по утрам не приходите и под окнами не шумите, я сам буду выходить во двор, когда Тамара вернётся с работы. Сидориф сказал: «Мы тебе поможем нянчиться!» — «Да, уже помогли, посмотрите на пол, сколько грязи принесли, сейчас мне надо убирать всю эту грязь». — Сидориф: «Да мама придёт и уберёт». — «Ты что? Мама придёт где-то в шестом часу вечера, после работы она ещё пойдёт трудиться, убирать улицы нашего города, придёт совсем усталая, а на утро опять на работу, и это каждый день. Давайте, сейчас вы уйдёте, я успокою, накормлю Витальку и буду мыть пол».

Ребята молча ушли. Вот так помотришь, все они одноклассники, но Колька как будто их старшие, возможно оттого, что он старался матери помогать, а не быть баловнем судьбы, которого ласкают, жалеют. Мать и его жалела, но говорила: «Ты мой мужчина, глава семьи», — и гладила его по голове, и ему было это приятно, но для пользы семьи он отказывался от своих мечтаний, как сейчас: ему хотелось побегать не только по двору, а и в город, посмотреть на танки, на танкистов, но он понял, что для семьи надо быть дома, раз и мама и Тамара пошли на работу.

В конце апреля с работы очень рано пришла Тамара, с булкой хлеба, и сказала, что немцы наступают и, возможно, Керчь опять попадёт к немцам. Колька, услышав это, стремглав выбежал во двор, свистнул своим посвистом: он научился свистеть с какими-то переливами, и тут же сбежались пацаны, «Вот Тамара пришла и говорит, что снова к нам придут немцы, пойдём, поищем танкистов, почему они на фронт не идут, а может они и ушли».

И вот, ватага пацанов бежит по ул. Свердлова, затем по Кирова, а снаряды рвутся, — они только считают: недалёт-перелёт, а в центре уже пусто и туда падает снаряд, где только что были мальчишки, но они невзирая на летящие снаряды, упорно бегут к танкам. А те стоят, около них бегают танкисты, вот и знакомый танкист, который их зимой прокатил на танке, он бежит, в руках у него немецкий автомат, увидев ребят, узнал их, «Что братва, куда бежим?» — «Почему танки стоят?» — «Танки — это железки, если нет горючего, а горючее украли, вот и бегаем, ищем, кто это сделал, нашим товарищам, которые караулили перерезали горло, как баранам, так что, в городе измена, кто-то

ждёт фашистов. А вы, ребята, бегите по домам, не ваше это дело под снарядами и пулями бегать. Какая-нибудь шальная пуля заденет вас, убьёт, а сколько горя принесёт вашим мамам».

И ребята вернулись по домам и стали ждать, авось наши победят.

Второе нашествие фашистов.

«Мама я пойду во двор» — «Нет и не проси! — У мамы был твёрдый и холодный взгляд. — Немцы в городе; а что вчера было, это уму не постижимо. Сам убежал и всех своих товарищей подговорил бежать, а там снаряды рвутся, Господи благодарю тебя за спасение наших дворовых мальчишек!» — И стала креститься. Такой он матери ни разу не видел, да ещё чтобы к Богу обращалась, и он молча тихо подошёл к этажерке с книгами.

Но вот мать позвала к завтраку, на столе стояла варёная картошка, малосольная хамса, словно вернулось мирное время — это любимая пицца керчан, чай из чёрного хлеба, на поджаристых корочках и сушёные абрикосы к чаю, сахара не было. Это в начале войны Колька бегал по всем магазинам и скупал хлеб, булочки, мама приходила с работы их сушила, превращая в сухари. Колька и за абрикосами ходил в лесополосу, ему товарищ помогал, а мама их резала и сушила, даже летом печку топила, чтоб подсушить, повялить абрикосы и сливы. А хамсу и консервы из хамсы, кильки и бычков им давали на зарплату вместо денег, так сказать натурпродукты, только в аванс давали немножко денег, которые мать тратила на овощи.

И сейчас мать была довольна, что они не сидели дома, а пошли с Тamarой на работу. «Ну вот, сейчас можно сидеть дома и на улице не показывать носа, так что, Колька, и не мечтая о свежем воздухе, читает книжки!» Все при ней, рядом, и не нужно за Кольку переживать, где он и что с ним, вот он рядом с мамой, читает ей вслух, она читать не умеет. Но не долго мамино счастье длилось. Не прошло и недели, как заговорило радио, наши, уходя из Керчи, не успели его поручить. «Ахтунг, ахтунг!» — и замолчало на несколько минут, а потом заговорило на ломанном русском языке. Смысл был в том, что все, кто живёт на набережной и вообще на берегу Азовского и Чёрного морей, должны уйти с берега внутрь города или в прилегающие деревни. Освободить побережье в течение трёх суток, если они не уйдут, значит, приказ не выполнили и они, как пособники партизан, — будут расстреляны. Выслушав всё это, мать опять от огорчения опустила руки, глаза потухли, смотрела в одну точку. Куда идти, где искать жильё в разрушенном городе. Коля тряс мать: «Ты что молчишь, надо бежать искать, мы с Вовкой бежим. «Сыночек, только аккуратно, не привлекайте к себе внимания» — и подумала: «Господи сколько ещё мы будем мучиться и переживать за наших детей!?»

А ребята всю Керчь обежали, — стоят развалины, руины, по ней, по Керчи лупили снарядами и советская, и немецкая артиллерия. Если есть одна комната среди руин, то там страшно жить, столько воров, грабителей, кроме фашистов существуют в это время. Но вот, забежав в Почтовый переулок, увидели стоящие два дома, один с балконом, а другой сбоку. (В этом доме с балконом был магазин продуктовый, а потом, в 60-х «Воды», позже там сделали приём стеклотары). А рядом стоит

дом с замурованным окном, вот здесь и нашёл Коля квартиру на жительство, и это окно они вместе с мамой закладывали кирпичом, чтоб собрать все стёкла на одно окно.

Переулок Почтовый (до реконструкции)

Коля послал Вовку за мамой и Тamarой, чтоб привёл их сюда, а сам остался сторожить квартиру, здесь не было никаких вещей от прежних жильцов, но стояли кровати, столы, «А стулья мы свои принесём», — так думал Коля, выгаскивая из одной рамы стёкла. Вот и мать пришла, похвалила Колю, что он нашёл квартиру рядом с главной улицей Ленина, она согласна с Колей, что одно окно надо замуровать. Мать нашла ведро брошенное и начала наводить порядок: сметать пыль, грязь, мыть пол, а Коля начал возить вещи из своей квартиры, приспособил боковины деревянной кровати вроде тачки: они были на колёсиках, и стал возить вещи с Соляной на Почтовый переулок. И на третьи сутки пособирал мешки в дровяниках у себя и у соседей, которые уехали перед

войной, насыпал уголь, дрова и вёз в Почтовый переулок, там и сестра, и Вовина мать помогли ему поднимали уголь и дрова на 2-й этаж, в коридоре выделили места, куда, и складывали этот уголь, во время войны это был ценный груз, а из дровяников могли украсть.

Под конец третьего дня он оглядел, всё ли перевёз, и увидел санки, весящие на гвозде под крышей сарая, их ему отец принёс в последний день его работы: пришёл с высокой температурой и больше уже не встал на ноги, сначала его скорая помощь отправила в больницу, а оттуда домой умирать, врачи были бессильны с его болячкой. Для Коли это была память об отце, и он их забрал, и вспомнил, как он на этих санках «ловил ветер» на берегу пролива.

Ещё вчера был сильный ветер со снегом и море бушевало, волны на берег накатывались, и вода в море всё становилась всё гуще и гуще, точно, как кашу варят, так и море, наутро ветер стих, и море замёрзло и стало ровное, как стол, когда Коля вышел с санками ветерок дул с берега. Коля видел ещё раньше, как старшие ребята катались под ветром, растёгивая пальто, и он решил тоже попробовать, долго трудился, но вдруг санки покатились, подталкиваемые ветром, он быстро расстегнул пальто растянул его, как парус. И понёсся по гладкому льду. У него дух захватило, но вот он нечаянно чуть свернул направление и всё — санки остановились. Он огляделся куда его занесло, кругом белая мгла, абсолютно ничего не видно, и он стал уговаривать себя: «Думай, думай, что делать, куда идти в какую сторону!» Ему надо возвращаться к берегу а куда? И он стал думать: если ветер дул в спину, значит, ему сейчас надо идти против ветра, и он пошёл. Трудно идти, но надо, тяжело, но санки он не бросил, они память об отце.

А Борис Гиталов, сосед и друг мальшей, слышал, как Коля тарахтел санками, выходя на улицу. Когда он вышел на улицу, Кольки нигде не было, ребята тоже не знали, где Колька, он так быстро исчез с поля зрения, только один малыш показал, что Коля укатил в море. Борис позвал старших ребят и предложил поискать Кольку и они помчались с берега в море на лёд и всматривались во все чёрные точки, какие попадались на пути, но вот и Коля замёрзшей одной рукой тянет санки, другой прикрывает лицо от ветра, окружили его ребята, один ещё дал варежки, свои снял, шарфом закутали и взяли на спину конькобежцы, и к берегу. Борис доставил домой Колю, предупредил, что он, возможно, обмороженный, рассказал, где они его нашли. Мать стала смазывать гусиным жиром лицо, руки, ноги растёрла, сделала ему тёплую ванну и положила травы, и он уснул. Она была убеждена что все болезни надо лечить сном. На следующий день он чувствовал себя хорошо.

И вот сейчас он взял санки, не фашистам их оставлять. На следующий день Коля спал до полудня, мать решила уже его будить, но вот, он сам повернулся на другой бок и застонал, «Что с тобой?!» — «Ой, у меня спина болит, руки, ноги — всё», — и мать поняла, что он физически устал, стала его растирать и массаж делать легонько. Он же трое суток трудился физически, такой труд в пору мужику здоровому, а Кольке шёл четырнадцатый год.

Но вот наступила зима и столько раз он хвалил себя, что санки забрал с Набережной, а в Почтовом переулке улица поднималась вверх к Митридату: несколько метров пройдёшь и начинается старая, древняя лестница, по ним, по этим ступенькам ещё древние люди ходили, её никогда не ремонтировали, (во всяком случае, до 70-х

годов, т. к. мне пришлось по ней ходить и подниматься по этой лестнице на улицу Рыбакова, там у нас жила троюродная сестра Люда Семёнова).

Итак, наступила зима, и как плохо ни было, и голодно, и фашисты с полициями свирепствовали, а ребята с восторгом встретили зиму, и снег, были санки, и они с удовольствием катались до самой улицы Ленина. Потом обнаглели, вылетали на санках прямо на улицу Ленина и вдоль неё ещё сколько-то метров проезжали, но это было поздно, когда уже людей на улице не было. И вот один раз, и это был последний раз, ребята разгулялись и решили выехать днём на улицу Ленина, и неожиданно для себя, они этого не хотели, но лавируя среди людей, они подбили человека, и он оказался в санках, прямо на ребятах, подскочили полицаи, подхватили этого человека под руки, а дети поняли, что надо удирать, но не успели, их схватили за шиворот и повели домой. Дома градоначальник приказал родителям, чтобы дети пришли в городскую управу, если ослушаются, не придут, — их отправят в Германию, подумал и сказал — вместе с семьёй. Из рук Коли полицай выхватил санки, сказав, что ему они больше не понадобятся, Коля схватился за санки, но мама грозно глянула на сына и сказала: «Отдай». После ухода полицаяв Колька плакал, говорил, что это память папина, но мать сказала: «Ты сам нарушил правила жизни среди чужих людей и за это расплачиваешься. Она даже не предположила, что ещё сына ждёт несправедливость от собственных властей.

Утром опять мать лежала с головной болью и плакала, она не знала, что будет с Колькой, он уходил в городское управление. Там их с Вовкой записали, как учеников автослесарей и сопровождали в немецкую авто-

базу, она находилась на улице Свердлова между Театральной и переулком Димитрова. (Мой муж, вспоминая своё детство, говорил, что 50-ом искали, где же это. Сейчас там находится кафе «Капучино», а во время войны была немецкая автобаза).

Колька охотно бежал на автобазу, охотно учился, старался, зная, что это ему пригодится в жизни, к тому же, все, работая, получали спецпаёк, а если кто отлично учился, тому, как премию, давали шоколадку, а Коле надо было приносить своему племяннику 2-х лет. Он смотрел с удовольствием как Виталька уплетает шоколад. Учителя были русские и украинцы, немцы наблюдали, как они учат детей, следили за порядком в тумбочках, где расположены инструменты, детей не трогали, а учителей ругали, если в каком-то шкафчике или в тумбочке беспорядок, а уж учителя прикладывали свои руки к ученикам.

Шёл сорок третий год. Немцы решили всю Керчь и близлежащие деревни освободить от населения, чтоб им было спокойнее воевать, не оглядываться, где партизаны и население, смотрящие на них злыми глазами, и приказали всем жителям в 24 часа освободить Керчь. Ребята попросили своё начальство отправить на машинах своих родных в Симферополь, и зачем-то машины были отправлены в Симферополь, и родителей ребята тоже захватили, там их выгрузили на «старом базаре» и всё — идите, ищите себе жильё. А другие семьи шли пешком по дорогам Крыма в поисках места для жилья.

Ребят больше не выпускали за пределы автобазы, там учились, там и спали. Но вот, сорок третий год, середина октября, ночь, Колька не спит, думает о матери, и слышит какой-то гул. Он вышел во двор и понял: это где-то далеко идут бои, это стреляют орудия. Это же

наши красноармейцы возвращаются в Крым! И он побежал в класс где они учились и спали: «Вовка, наши возвращаются: в Крыму или у перешейка, слышишь гул, это пушки стреляют».

А утром уже в Керчи была суматоха, ребятам приказали собрать вещи и слесарные инструменты, загружаться в машину грузовую, в общем, их из Керчи увозили, куда — даже не знали, но дети постарше узнавали, мимо каких они ехали деревень, и сказали — их везут в Симферополь. Колька обрадовался стал собирать сумку, но учитель направил на него автомат и сказал: «Я тебя убью как за попытку к бегству». И Коля сел и смотрел как его всё дальше и дальше увозят от мамы. Все пацаны сидели притихшие, но ночью всё-таки старшие ребята четыре человека убежали, а остальных стали ещё строже держать, и вывезли их за границу, в Словению, завезли в лес и оставили там, спящими в машине. Уже двое суток их не кормили, и утром сказали, что идут за продуктами, но их не было ни вечером, ни утром, и ребята поняли, что их бросили, а сами удрали, это они уже позже поняли: они служили немцам и были изменниками Родины, их должны были судить за сотрудничество с немцами, а они убежали, а дети были ширмой, за которой можно было легче убежать.

И так Коля с товарищами остались брошенными в лесу Словении, за границей. Ещё в прошлый день эти две машины отстали от колонны, сказав, что у них барахлит мотор, и на них махнули рукой, сказав: «Догоняйте», а они решили убежать, а детей бросить. Ребята решили искать дорогу по отпечатку колёс, машины же свернули с дороги в лес где-то, а найдя дорогу, они пойдут и выйдут к населённым пунктам. И они пошли.

Наша гостиная

Ольга

Беляева

Сосновый Бор, Россия
 родилась в Норильске в 1948 году. Керчь —
 родина отца, город, куда её родители переехали в 1958 году, где она выросла, закончила школу, куда всегда спешила на капикулы во время учёбы в Ленинградском Технологическом Институте им. Ленсовета, куда постоянно приезжает и сейчас, живя в г. Сосновый Бор Ленинградской области. Её стихи — это искренние слова о любви к жизни, к природе, о жизненных целях и ценностях, о гармонии взаимоотношений, о любви, создавшей этот мир, которая делает человека чище, лучше, уносит покой, но дарит радость и счастье...
 Публиковалась в альманахе «Лира Боспора».

У МОРЯ

Да, верно — не всегда дано
 Срастись и возродиться с болью
 И знать: отныне новой ролью
 Сознание освящено.

Обиды липкий пластырь — снять,
 Содрать, как с кожи — жухлый кокон,
 И под ласкающим потоком
 Тепла и света — оживать!
 Отдать себя волне прибоя,

Нырнуть — и в пене восходить,
И не пытаться позабыть,
Что в прошлой жизни мы с тобою
Любили рядом долго плыть.

Но, наклонясь к ромашкам белым,
Тихонько прошептать: «Прости!
Пусть я любила и жалела,
Но в этой жизни не посмела
Кого-то лучшего найти».

В ДОРОГЕ

1

Вот — дорога,
вот — судьба.
На дороге ты и я...
Что тебе моя судьба? —
Не твоя дорога я...

2

— Ты с кем подружилась?
— С прохвостом, похоже...
Пойду, помолюсь:
— Помоги ему, Боже!
Ещё попрошу:
— Ты нас, грешных, прости
за эти убогие муки любви...

СОН

В твой сон вошла, зачем — не знаю.
Наверно, ты меня просил?
«Верна?» — пытал, как муз пытаются,
«Да, как всегда», — мой голос был.
Вошла — и, штору отодвинув,
тихонько к креслу подошла...
Луна, вмиг облако покинув,
ночь синим светом залила.
«Я — ненадолго, милый!» — «Знаю,
У сна не слишком много сил...» —
И лунный свет в ответ, играя
лучом, как ключиком от рая,
смеясь, калитку в сон прикрыл.

ГАДАНЬЕ

Странно звенела монета...
Как её мудрость легка! —
Горечь ли, счастье согрето
было рукой игрока?
Снова подкинул! — И снова
звонкой монеты бросок...
Кажется, вслед за целковым
падает сердца кусок!
...Страшно гадать в новолунье,
страшно о счастье просить:
мне бы с монеткой-плясуньей
к Хитрому не закатить!..

МОЛИТВА

Прорубь крестна, осиянная
Рождественской звездой!
Залечи на сердце рану,
душу светлую омой!
Влей желаний изначальных:
жизни,
творчества,
любви!
Утоли мои печали,
Сила Божья,
утоли!
В дань Великому Крещенью,
Господи ты мой!
В прорубь
смутный лик сомненья
с глаз потухших смой!
Крылья, смеженные долей,
разверни, раскинь!
Дай же сил, Господь, и воли —
верить, жить, любить!
Аминь.

В СНЕГОПАД

Этот Снег в моём большом окне,
Снег, летящий наискось к земле...
Мириады снежных звёзд не тают
и кружатся, устали не зная,
чуть взлетая или замирая:
хочется замедлить свой полёт,
в малой жизни — времени отсчёт.
Снег-то знает: их полёт не вечен,

и для каждой путь давно намечен,
он уже отмерен в колыбели
от рожденья — до земной постели...
О мой мир, летящий наискось!
Я твой зритель преданный и гость.

ДОГОНИ

Догони-ка меня, слышишь, догони,
И, на счастье, очень крепко обними!
Знать не можем мы, что ждёт впереди —
ведь не боги — ну, давай, догони!

Наша жизнь летит не в гору на рысях,
Злоба рушит всё вокруг в пух и прах...
Только радость, всё равно, на плечах
нас уносит, побеждая наш страх!

Догони меня, любимый, догони!
Это счастье, что маячит впереди,
улыбнётся, если хватит сил уйти
от глухой тоски... Скорей, догони!

НЕЖНОСТЬ

Твоя нежность была так прощальна,
взгляд последний печально глубок...
Я вдыхаю тот миг изначальный,
что на сердце безропотно лёг...
Что же жизнь в нас ещё разбазарит? —
Мы не в силах её изменить...
Только память мгновенья подарит,
те, что сердце не хочет забыть.

В СКАЙПЕ

Фантомы наши — миражи эфира —
Нашли друг друга в собственных квартирах.
Я — здесь, а мой хорошенький фантом —
Он у тебя в гостях, как милый добрый гном.

— Привет! — Привет! Что нового, дружок?
За что сегодня пьём? Каков у вас денёк?

Фантомам нашим так легко порою
Устроить жизнь — хоть собирай багаж!
Пускай друзья мы — не разлить водою,
Но вот щелчок — и кончился мираж...

ТОСКА

Переживу, перепою, перескажу
Умножу, растолку, перетолкую
Любовную смертельную тоску
И, как смогу, покрепче зарифмую.

Впечатая в стихи любовный стон,
Впечатая в стихи — и замурую!
Пусть навсегда он будет сохранён
И спрятан для того, кого люблю я!

Переживу, перепою — и замурую
Любовную проклятую тоску!
Запрячу для того, кого люблю я,
Оставлю для того, кому пою.

*Валерий
Жукин*

г. Шатура Московской области
Валерий Жукин родился 1 января 1953 году в посёлке Саракташ Саракташского района Оренбургской области. Кадровый военный. Выпускник 1973 года Краснодарского Высшего Военного училища имени генерала армии Штеменко. В 1992 году окончил военную академию имени Ф.Э. Дзержинского. Участник контртеррористической операции на территории Северного Кавказа в 1995 году. В настоящее время — полковник в отставке. Кавалер ряда литературных наград, в том числе «Золотой Есенинской медали», лауреат и дипломант многих литературных отечественных и международных конкурсов. Автор четырёх сборников стихов. Член Союза писателей России.

ДОН

Посмотри, посмотри на просторы
 Дона-батюшки русской реки.
 Сизой дымки распахнуты шторы,
 Как прозрачны они и тонки.

Солнце птицей парит над рекою,
 Бирюзою окрашена гладь.
 Небо к Дону прижалось щекою,
 Будто к сыну любимому мать.

Стать донская проста, величава,
 Подкупает своей красотой.
 Не у Дона ли взято начало
 Называть землю Русью святой?

ВДОВЫ

Тучи, вы, тучи, как чёрные вороны,
Что вы кружите над крышами вдов?
Пеплом беды их осыпаны головы,
Лица в морщинах от жгучих ветров.

Духом не сломлены, горем не скошены,
Чёрная ночь зачернила платок.
Женского счастья жакетик не сношенный
Рано повешен в избе на гвоздок.

Вдовый век длинный, неровный с ухабами.
Взгляды косые по сердцу секут.
Трудно быть вдовам обычными бабами,
Нет их мужей, но они их всё ждут.

МОЕЙ ЛЮБВИ ОСЕННИЕ ЭТЮДЫ...

Моей любви осенние этюды
Душа писала на холстах судьбы,
А за спиной людские пересуды
Ползли как тени черноглазой тьмы.

Они меня нисколько не пугали.
Я научился боль свою терпеть
Когда любимых чувства остывали
И падали в траву как листьев медь.

Но на холстах все краски потускнели,
И понял я обманутой душой,
Что соловьи мои давно отпели,
Что я любовью болен был чужой

* * *

В чёрно-синей озёрной купели
Осень моет ладони свои.
Птицы стайей на юг полетели,
Мне, оставив холодные дни.

Я смотрю им во след, сожалея,
Что давно разучился летать,
Но случается, вижу во сне я,
Как мне машет платком моя мать.

Тихо с грустью листва опадает,
Обнажая узоры ветвей.
Может, кто птицу счастья встречает,
Я ж своих проводил журавлей.

СПОЙ, АННУШКА...

Тебя давно года посеребрили.
Об этом ты, родная, не тужи.
Я вспоминаю, как тебя просили,
За праздничным столом спеть для души.

Тогда с отцом вы были молодые!
И голос твой, лаская слух, звучал...
Ты пела песни русские простые,
Что даже ветер шумный замолчал.

На крыльях памяти судьба по жизни носит.
Мерещится мне каждый раз в тиши,
Отец с небес тебя, как прежде, просит:
«Спой, Аннушка,
ты спой мне для души...»

Илюкентий

Медведев

*Член Союза писателей 21 века. Член Европейского Конгресса Литераторов (ЕКЛ)
Председатель творческого объединения
«Литературное братство» Братск.*

**Любовная лирика
любовь так прекрасна**

ЛЮБОВЬ

Говорить о любви бесконечно не стоит,
Ведь любовь западня, омут или капкан.
Оттого и душа волком раненым воет,
Что в любви я порой вижу только обман.

Всё равно, когда любишь — любовь так прекрасна,
Пусть затянет она, засосёт с головой.
Не считай, что в судьбе все обиды напрасны.
Лишь в душе заглуши изнурительный вой.

Но Господь всемогущ и Господь милосерден,
Он откроет на всё и всегда нам глаза —
Где любовь, а где ложь, где измена и верность.
Только, правда, горька и от правды слеза.

Я, конечно, хочу сердцем ближнему верить,
Без доверия нам невозможно любить.
Распахнуть нараспашку и душу, и двери,
И при этом стараться обиды забыть.

Ни к чему открывать душу нам понапрасну,
Когда знаешь уже, что в неё наплюют.
Небо после дождя в один миг станет ясным,
Только раны души вряд ли в миг заживут.

Всё равно всё не то, чего бы хотелось,
Любить, так любить, чтоб себя потерять.
Чтоб душа от любви в поднебесье взлетела,
Чтобы впредь от любви не смогла пострадать.

ДОРОГИ

Дорогая моя, вам не нужно особых усилий
Чтоб себя навязать. Этот номер не выйдет у вас.
Я, прошу приберечь для другого и время, и силы.
Я для вас лишь мираж, хоть я вами приласкан не раз.

Дорогая моя, вы уж в мире большом не теряйтесь.
В нём легко потерять, тяжелее нам всё же найти.
Не клянитесь в любви, за обиды свои вы не кайтесь,
Видит Бог, в данный миг,
с вами мне не совсем по пути.

Дорогая моя, нас разводят дороги и сводят.
Кто-то хочет поступок безумный опять совершить.
Но в тупик оттого нас дороги обычно заводят,
Заставляя, что есть,
нас открыто всем сердцем любить.

НЕПОГОДА

Мы сегодня не случайно повстречались
Улыбаясь, взявшись за руки, пошли.
Наши души от волнения сжимались —
Нам казалось: что искали, то нашли.
 Но погода не на шутку изменилась,
 Когда мы ступили вместе на крыльцо...
 Но скажи-ка, дорогая, мне, на милость,
 Отчего же дождик хлещет нам в лицо.
В чём, скажи, на ссору есть у нас причина?
Может сделал, иль сказал я что не так?
Только знаю, ты моя лишь половина,
Остальное всё давным-давно пустяк.
 Иль погода в нашей ссоре виновата...
 Или дождик разошёлся неспроста...
 Только вижу, дорогая, ты не рада,
 И улыбка у тебя уже не та.
Знаю, завтра нам обоим будет ясно —
Подарю тебе красивое кольцо...
Отчего же мы так хмуримся напрасно?
Отчего же дождик хлещет нам в лицо?

МИРАЖИ

Присядь, Мадам! Укрась поэту вечер.
Я вижу, в данный миг и вы одни.
Ой, дай прижму, к себе я ваши плечи —
Нелепо ждут объятия они.
 Пусть музыка тихонечко играет.
 И наполняет комнату покой.
 И пусть никто об этом не узнает,
 Что у тебя в объятиях другой.

Пройдут года. Пройдёт и этот вечер.
Останутся в сознание миражи...
Присядь, Мадам! Для нас мерцают свечи...
Есть миг и шанс — ты этим дорожи.

ВСЁ ПРОХОДИТ

Унылый дождь идёт вторые сутки,
По улицам пешком уж не пройти.
Поникли у забора незабудки
И солнца ждут, чтобы к нему расти.
 А я иду под зонтиком, прикрытый,
 Но он меня, как видно, не спасёт.
 Иду туда, где я давно забытый
 И там душа моя не запоёт.
Но всё проходит в этом бренном мире —
Любовь, разлука, горести судьбы.
И вот стою я у чужой квартиры —
Ведь у любви давно мы все рабы.
 Стук в дверь... меня, увы, никто не слышит.
 Себя ругаю в этот поздний час.
 А дождь стучит уныло всё по крыше
 И шепчет: «Ты пришёл в последний раз».

РАССТАВАНИЕ

Листья на ветках слегка пожелтели —
Осень пришла к нам своей чередой.
Разве с тобою того мы хотели,
Что оставляем любовь за чертой.
 Слышится крик, нам с тобой, журавлиный.
 Он так некстати — я мысли ловлю...
 Вижу твой облик по-детски невинный, —
 Только уже я его не люблю.

Слышится крик, и он душу нам ранит
И умолкает в знобящей дали.
Грезиться долго нам будет в тумане
Песня любви, что сберечь не смогли.

Прощай, дорогая... утри свои слёзы,
Тебе говорю — знать такая судьба.
Что расстаёмся у этой берёзы,
В этом виню я лишь только себя.

У БЕРЁЗКИ

Возле этой берёзки назначал я свиданья.
Возле этой берёзки наши встречи прошли.
И под той же берёзкой возникали желанья,
От которых тогда, чуть с ума не сошли.

Только время не спросит, чего бы хотелось.
Только время куда-то от нас всё спешит.
Время то далеко-далеко улетело.
Так что, путь нам земной в одиночку вершить.

Я сижу у берёзки, у той же берёзки
Под которой с тобой время я проводил.
И бросаю наброски, на листочек неброский,
Про свидания те, что еще не забыл.

И когда-нибудь ты у берёзоньки этой
Посидишь, погрустишь, никого не виня.
Пусть согреют тебя эти строчки поэта.
Как когда-то и ты согревала меня.

ПОМОЛЧИ

О себе, я прошу, не рассказывай
Я ж не поп, чтоб грехи отпускать.
Узелок нашей дружбы завязывай,
Да присядь рядышком на кровать.
 Я тебя совершенно не знаю,
 Да и знать в этот миг не хочу.
 И такую тебя принимаю,
 Так зажги в моем сердце свечу
Будь со мною навеки открыта
И за нос ты меня не води...
Наше прошлое будет забыто.
Наше счастье нас ждёт впереди
 Все обиды судьбы не желаю:
 Пусть останутся где-то в ночи.
 Полюблю я тебя — это знаю
 Только ты о себе помолчи.

Я ВЫШЕЛ ИЗ ДОМА

Я вышел из дома, шёл дождь проливной
А я без зонта, без плаща и без кепки.
Со мной разминулся мужик из пивной —
В такую погоду прохожие редки.
 А дождь всё идёт. Я до нитки промок...
 А был бы сухим, если б дома остался...
 Но встречным я всё ж улыбался, как мог
 И летним дождём от души наслаждался.
Куда-то бегут, торопясь, ручейки,
А дождь разошёлся, играя по лужам...
Зажглись фонари — мне они маяки,
Чтоб я поспешил, ведь кому-то я нужен.

Андрей

Шталь

*г. Краматорск, Украина
Прозаик, поэт, бард, журналист*

МУХА

Сельский автобус остановился на железнодорожном переезде. Поселок Пчёлкино под Краматорском. Ранняя весна.

Я смотрю в окно и вижу первую ожившую муху. Она медленно и лениво ползет вверх, туда, откуда сквозь стекло пробиваются редкие солнечные лучи.

Насекомое хочет жить. Для меня остается большой загадкой, где и как перезимовала эта муха, и почему она оказалась в автобусе.

Радио из кабинки водителя вещает об установившемся на Донбассе перемирии, о том, сколько украинских солдат в этом месяце удалось освободить из плена, об первых итогах очередной мобилизации, которую в народе все чаще и чаще называют «могилизацией».

«Оставайтесь на нашей волне!» — завершает диктор сводку новостей. «Оставайтесь на нашей войне!» — почему-то врзается в мозг.

Муха ползет по стеклу.

Сидевшая на соседнем сидении женщина вдруг повернулась и, глядя на меня, тихонечко произнесла: «Я знаю, украинские солдаты бегут из армии».

Я промолчал.

Не дождавшись моего ответа, женщина, которой на вид было около пятидесяти лет, продолжила рассказ: «Вчера сын встретил двоих. Грязные, измученные, они шли полями сразу за поселком. Первое, что спросили солдатики: «Какой это населенный пункт и далеко ли он находится от Дебальцево?»»

Почти год назад, на этом же самом переезде жители Краматорска блокировали колонну украинской бронетехники.

Соседний город Славянск был тогда захвачен диверсионной группой Игоря Стрелкова, и правительство в Киеве объявило о начале Антитеррористической операции.

Три десятка бронированных машин в один из дней промчались по поселку и открыли стрельбу в воздух. А через время уже в другой колонне из пятнадцати машин сломался бронетранспортер.

Люди стали перекрывать солдатам дорогу, брались за руки у них на пути и подсовывали под военную технику велосипеды.

При этом бойцам тут же передавали еду, воду и сигареты.

Противостояние гражданских и военных длилось весь день. И только вечером солдат заставили отсоединить рожки с патронами от автоматов и отпустили к месту дислокации воинской части.

Тогда еще никто не верил, что будет война, что одни граждане некогда единой страны будут убивать других. Количество погибших в этой войне сегодня исчисляется десятками тысяч. Значение термина «груз двести» теперь никому уже не надо объяснять.

Я проваливаюсь куда-то вглубь себя и не слушаю сидящую рядом женщину.

Ленивая муха съезжает и снова начинает взбираться по стеклу. Ей, чтобы выжить, нужно иметь хорошее зрение. А мне ничего не стоит прибить ее рукой, но убивать жалко. К тому же, глаз мухи состоит из тысяч линз, способных уловить каждое мое движение.

А еще ее личинки развиваются в разлагающихся органических остатках. Отнюдь не черви съедают наши тела после смерти, а личинки мух.

Голос женщины возвращает меня в реальность: «Погибших солдат не успевали хоронить, они лежали посреди поля. Эти двое могли остаться там же. В списках погибших или пропавших без вести наверняка есть имена этих двоих. Вы же знаете, что под Дебальцево украинское командование предало своих солдат, оставив их в мясорубке. Те, кто вырвался, бояться возвращаться домой, а если вернуться, их могут даже расстрелять. Я спросила сына: «Почему ты им не помог, почему ты их не пригласил домой и не накормил?»».

Женщина замолчала. Автобус дёрнулся на переезде. Муха провалилась куда-то вниз, но через время продолжила свой путь к солнцу. Каждый следовал своею дорогой.

СТАРИК С КНИГОЙ

На улицу мою во двор напротив,
К контейнерам, где старая беседка,
Приходит бомж, как будто на работу,
И роется в отбросах и объедках.

Он пахнет луком и гнилой картошкой,
В его одежде нет и тени лоска.
Он в этом мире, словно понарошку,
Как персонаж Иеронима Босха.

Ему года страшнее, чем вериги,
Лицо в морщинах, на руках – парша.
Из хлама он вытаскивает книгу,
Садится и читает не спеша.

Строка ползет за строчкою упрямо,
Явились «черный вечер, белый снег» –
Поэзии великой панорама,
И с книгой разговор наедине.

Он снова перечитывает Блока,
Как много лет назад, в библиотеке,
А жизнь идет все так же где-то сбоку,
И тонет в займах, ссудах, ипотеке.

ИЕРИХОН

Иерихон сегодня ночью спал.
Таилась жизнь за стенами домов.
А в это время реактивный шквал
Гудел и бился с тысячей громов.

Играл архангел соло на трубе,
Но все же смерть ушла, и я живу.
Я вижу точку «А» и точку «Б»,
Не связанные вместе «Точкой-У».

Людмила

Хриптугова

г. Керчь
родом из Самарской области, окончила геологический факультет Саратовского госуниверситета им. Н. Л. Чернышевского; геолог, краевед, турист. Работала научным сотрудником лаборатории геологии моря в ЮгНИРО. Публиковала стихи и прозу в различных изданиях России и Украины. В ее стихах трудно сплелись: любовь к родному краю и романтика трудных дорог. Её жизненное кредо: «Любовь, гостеприимство, доброта — Вот та великолепная идея, Которая прекрасна и чиста, Ничто её испепелить не смеет». На этой основе она и воспитывает своих учеников в объединении «Юные геологи» туристско-краеведческого центра «Киммерия» в Керчи.

ВИЗИТКА

В столицах не родилась
И в случай не попала,
Талантом не гордилась
И славы не искала.
Жила почти монашкой,
Поэзией страдала,
И скромною ромашкой
Печально отцветала.
Страстями не прельщалась,
Больному угождала.
С друзьями же общалась,
На редкость, очень мало.
С нечистыми не зналась,
Молясь усердно Богу,
И часто отправлялась

В далекую дорогу.
Любила минералы,
Камень-самоцветы,
Писала мадригалы
С восторгами об этом.
Над музыкой трудилась,
Рассказы сочиняла,
В бесславие рядилась,
Безвестностью пленяла.
От всяческих напастей
Судьба всегда хранила.
Но, к сожаленью, счастье —
Увы! — не посетило...

НЕЗНАКОМКА

Лёгкий шорох платья,
Аромат духов,
Воплощенье стати
В творчестве богов.
На изящной шее —
Древний амулет.
Нежная камешка —
Верности обет.
Ветром приоткрылась
Тонкая вуаль,
Змейкой затаилась
Скрытая печаль.

УВЕРТЮРА

Портьера тумана
Спустилась на серую гладь,
И в глубь океана
Отправилось солнышко спать,
Разделось оно
На утихшей и сонной волне,
Нырнуло на дно
И в подарок оставило мне:
Пурпурной горжетки
Светящиеся волоски,
Несшитой беретки
Оранжевые куски,
С лазурной каймой
Фиолетовый палантин,
Капризный покой
И сюжеты чудесных картин.

ПОЛЮБИЛА

Полюбила я, полюбила
Крымский ветер, курганную пыль,
Мощный пласт серо-синего кила,
Взлёт орлана и скифский ковыль.
Полюбила кукушкины сказки,
Крик сыча и лягушечий хор,
Голубые «анютины глазки»,
Юз-Обы бесконечный простор,
Полюбила тройную вершину
Невысокой гряды Митридат
И пролива морскую пучину
И Казённый заброшенный сад.

Я пустым уговорам не внемлю
И в чужие края не бегу —
Полюбила я крымскую землю
И уже разлюбить не смогу.

КЕРЧЕНСКАЯ ОСЕНЬ

Заснуло море перед штормом,
Укрывшись серою волной.
Последний лист легко, проворно
Упал на Митридат ночной.
Улёгся у подножья ветер,
Вздремнуть до раннего утра.
Затихший сквер печально встретил
Пушинку птичьего пера.
Туман пытается повесить
Свой шарф на плечи тёмных круч,
И зябко кутается месяц
В пушистый плед махровых туч.

**С наилучшими пожеланиями
морякам рыболовецкого флота**

НЕ ВЕРЬ

Если в море у пирса чисто,
Если сроки давно прошли,
И устали в эфир радисты
Посылать буквы «Ж»⁴ с земли,
Для тебя этот день красивый
Сразу станет чужим и странным,

⁴ Три буквы «Ж» – сигнал «внимание»

Но не верь — мы, конечно, живы,
Просто рация не исправна.
Если будут кричать газеты,
Что лежим мы на дне морском
И подробности все об этом
Смаковать ненасытным ртом,
Для тебя мир в глазах померкнет,
Всё живое замрёт в груди,
Но не верь — мы не в лапах смерти,
Просто с моря не можем уйти.
Если время шальной пулей
Пронесётся над головой,
Кто-то скажет: «Раз не вернулись, —
Пожелаем им вечный покой»,
Над тобой станет чайка кружиться,
Растворяясь в твоей судьбе.
Ты не верь в то, что это птица.
Это я прилечу к тебе.

НОКТЮРН

Когда погаснет сигарета,
Когда закончится вино,
Мы вспомним, что на суше где-то,
Горит желанное окно.
Оно хранит тепло уюта,
Лучистый свет любимых глаз...
В чужой задымленной каюте
Грусть посетит сегодня нас.
А завтра океанский ветер
Стряхнёт тоски опасный шквал,
И гиневые на рассвете

Заверещат, майная трал.
В пыли свободного полёта
Внедрится трубка в седимент,
И на дисплее эхолота
Запечатлится сей момент.
Лебёдка спустит без усилия
Батометры на глубину,
Сеть Бонга, расправляя крылья,
Скользнёт в прозрачную волну.
Не будет долго спать ночами
Суровый мудрый капитан,
Когда, нахмурившись, под нами
Зашевелится океан.
Здесь нет надёжного укрытья,
Храни нас Бог от всяких бед!
И новый галс тончайшей нитью
Упрямо ляжет на планшет.

*Людмила
Лазоренко*

г. Керчь
Окончила филфак Крымского пединститута. Преподавала украинский язык и литературу в школах № 11, № 23 г. Керчи. Публиковалась в газетах «Керченский рабочий», «Кримська світлиця», в периодике Херсонщины.

* * *

Ветра летели, вкус свободы ощутив,
В безумном вальсе целый день
кружились листья.

Ноябрьский вечер был отчаянно красив —
В закате огненном краса светилась лисья.

Переполюняла душу рыжая тоска.
Хотелось так же в даль лететь за листопадом,
Догнать бегущие по небу облака,
Преодолев легко и просто все преграды.

И сделать вид, что не тревожит сердце грусть
И не страшны ветров печальные напевы.
Дождя слезинки на ресницах. Ну и пусть!
Иду за осенью походкой королевы.

Я понимаю, чем похожи с нею мы:
Нас не пугают ни морозы, ни метели.
И в ожидании суровых дней зимы
Надежды искру сохранить в душе сумели.

* * *

Я на дорогу выхожу с надеждой
И открываю неба синеву.
Я знаю: нет той тонкой нити между
Тобой и мной, но верю и живу.
 Сентябрьский ветер душу растревожит,
 Поманит в незнакомые края.
 Ты далеко, но всё-таки, быть может,
 Тебе приснюсь в стране заморской я.
Седой причал и грустные закаты,
Уключин скрип и тихий всплеск весла,
И те слова признанья, что когда-то
Сказал ты, и волна их унесла
 Она, искрясь, бежала по проливу.
 Слова любви звенели, как хрусталь.
 Стояла я с улыбкою счастливой,
 Откинув и сомненья, и печаль...
Хоть между нами встали расстоянья,
Но вечер тот я вспоминаю вновь.
И оживают вновь твои признанья,
И вера, и надежда, и любовь.

* * *

Если в душу твою заползает тоска
И бессмысленной кажется жизнь,
Посмотри, как по небу плывут облака,
Светит солнце. Ты тоже держись.
 И не надо, поверь, на судьбе ставить крест,
 Ведь не пропасть лежит впереди.
 Знай, что в жизни у каждого свой Эверест,
 Поднимайся — и дальше иди.

Если жить, как во сне, новый день не любя,
Забывая друзей имена,
То никто в суете и не вспомнит тебя.
И кому жизнь такая нужна?
 Заметает метель на дороге следы,
 Но укажут путь окон огни.
 И сумеет судьба увести от беды,
 Только руку друзьям протяни.

СОНЕТ ПАМЯТИ

С тех пор прошло уже немало лет,
Как мы с тобою, милый мой, расстались.
Со мной остались старый твой портрет
И три письма. Увы, такая малость!..

Я эти письма бережно храню
И от тебя, любимый друг, не скрою:
Судьбу свою я больше не виню —
Ведь не была твоя любовь игрою.

Твои печально-горькие слова,
Что на прощанье тихо прозвучали,
Дарили гордой вольности права,
Освобождали душу от печали.

Хоть безвозвратно время уплыло,
Душа моя хранит любви тепло.

* * *

Над братской могилой не движется время,
Лишь ветер печально над нею кружит,
Как будто навеки сроднился он с теми,
Кто в горестной этой могиле лежит.

Стоять до конца — так велит долг солдата.
Врага задержать мы, ребята, должны.
Сквозь время доносятся боя раскаты —
Далёкое эхо минувшей войны.

За этой высоткой проходит дорога.
Отходит по ней чуть живой медсанбат.
Седой капитан всем скомандовал строго:
— От этих позиций ни шагу назад.

Сержант с Ярославля, комвзвода с Ростова
Стояли, прижавшись, друг к другу плечом.
Смотрели истории очи сурово,
Как гибли бойцы под свинцовым дождём.

От крови ромашки багряными стали.
Седые припали к земле ковыли.
Стояли вы насмерть, как будто из стали —
Убить вас смогли, победить — не смогли.

* * *

Светились гроздья винограда,
Как будто капли янтаря,
И сада старого прохлада
Манила грустью сентября.

Алел печальный куст калины,
Звенела неба глубина —
Прощальным криком журавлиным
Разлука с родиной полна.

Кружиться ветер одиноко,
 Чуть паутинку беребя...
 Как это странно и жестоко
 Из сердца вычеркнуть тебя.
 Да, понимаю: не права я —
 Сплеча рублю всё, что прошло...
 Держу, по ягодке срывая,
 Я солнца южного тепло.
 Кисть винограда — память лета,
 Дней беззаботных аромат...
 Но разошлись пути... И в этом
 Никто из нас не виноват.

ЖИТТЄВІ РОЗДУМИ

*Весь світ — театр.
 І люди в нїм актори.
 У. Шекспїр*

Життя, неначе вершник, прудко мчить,
 Із вічністю не боячись двобою.
 Та пригадай, чи є у тебе мить,
 Що соромно було перед собою?
 Чи де промовчав, чи сказав не те,
 Чи заздрощів змія вповзла до серця.
 В житті існує правило просте:
 Те, що посіяв, — жати доведеться.
 Хоть пам'ять підлу думку підкида —
 Мовляв, забудь, і вже цього немає...
 Роки спливають, мов гірська вода,
 Мінливим виграючи водограєм.
 І серед цих яскравих кольорів,
 Немов якийсь замулене джерельце,
 Нуртує думка: чому не схотів
 Чужу біду пустити у власне серце?

...Від дій негідних, доле, відверни,
Бо важко з цим на світі потім жити.
Життя — театр. І з нашої вини
В театрі тьмяно так горять софіти.

* * *

Піснею поле вітає зорю,
Мружачи очі свої волошкові,
Казку, коханий, для тебе створю,
Лиш не зречися моєї любові.
 Вітер достиглу пшеницю хита.
 Мчаться до обрію хвилі грайливі.
 Щедро зозуля дарує літа,
 Сріблом виковує: «Будьте щасливі!»
І, поринаючи в літа красу,
Я розправляю напружені крила,
Квітку купальську тобі принесу,
Скарб чудодійний вона щоб відкрила.
 Як мені долю пізнати свою
 І зазирнути за обрії сиві?
 З маків червоних вінок я зів'ю.
 В даль понесуть його хвилі бурхливі.
Ніжно вінок обіймає вода.
Щастя ждучи, мов дитина радію.
Легідна хвиля вінок той гойда,
Серцю моему вертає надію.
 Папороть казку шепоче мені.
 Чари окутують мрії дівочі.
 Нас поєднують святкові вогні —
 Подих купальської дивної ночі...

Владимир

Зубко

г. Керчь

* * *

Ещё так много хочется успеть,
Писать стихи. Авансом. Не итогом.
Успехов, что бы было ярких много,
При этом всё препоны одолеть.
 Да, знаю, что придётся попотеть.
 Но это меня вовсе не пугает.
 Меня, как сталь, проблемы закаляют,
 И жизнь уж научила потерпеть.
Но ещё буду танцевать и петь,
Писать стихи и гладить своих кошек,
Махать жене рукою из окошка...
Ещё так много надо мне успеть!

* * *

Надену я счастливое лицо
И первой — улыбнусь своей супруге,
Потом — коту, потом в окне пичуге,
Потом — соседу, выйдя на крыльцо.

Не нужно мне не пиво, ни вино,
Чтоб тонус мой всё выше поднимало,
И как бы жизнь порой не напрягала —
Надену я счастливое лицо!

* * *

жене Валентине

Любимые глаза... Где вам найти сравненье?
Любимые глаза... Вы — зеркало души.
Любимые глаза... Моё вы утешенье.
Любимые глаза... О, как вы хороши!

Любимые глаза... Чудесные два озера.
Нырну поглубже в вас я, и — горе не беда.
Любимые глаза навечно приморозили.
Любимые глаза согрели навсегда!

Любимые глаза... Не очи вы, а праздник!
И только смех проявит морщиночки у вас!
Увы, бываю разным... Нередко и проказник,
Но не прожить и дня мне без любимых Глаз!

БЕРЕЗЫ

На малой моей родине, в Донецке,
Не видел белых, тоненьких берёз —
Средь клёнов, лип и тополей я рос,
Черешен, вишен и орехов грецких.
Но позже, когда был уже студент,
В лесах Чернигова, Полесья,
Берёзки я увидел. Это — песня!
Это волшебный был момент!

Меня сразил их белый, нежный стан,
Они стояли, как в фате невесты.
Да! Много есть красот известных,
Но мил душе моей берёзки сарафан.

БЫТЬ МУЖЕМ — ОЧЕНЬ СЛОЖНАЯ НАУКА

Быть мужем — очень сложная наука!
И говорит она уверенно о том:
Писать стихи жене — пустая штука,
А надо ласкою и праведным трудом,
 Её и радовать, и холить, и лелеять!
 Ведь рифмы строить многие умеют,
 А вот понять, предупредить и угодить —
 Лишь так возможно счастье подарить!
В рай не годится звать свирелью!
Трудом туда должны мостить мы путь.
И я попробую. А может и сумею.
Хоть поздно понял нашей жизни суть...

ОДА МАРТУ

Все любят май. А мне милее март.
Когда нарцисс красив ещё в бутоне,
Когда весна ещё на полутоне —
Мне старт весны дороже во сто крат.
 И сам — подобно «котикам» вербы,
 И сам — подобно мартовским котьярам,
 Уже с весенним, ветренным загаром,
 Строитель своей жизни и судьбы.
Дождался я тебя, мой друг марток!
Ещё одну весну с тобой встречаем.
И в женский день любимых привечаем,
И в жилах бродит обновлённый сок.

ИНЬ И ЯНЬ

Инь и Янь.
Трезвость и Пьянь.
День и Ночь.
Сын и Дочь.
Вода и Пламень.
Вата и Камень.
Трусость — Отвага.
Краткость и Сага.
Лето — Зима.
Ум — Без ума.
Богач и Бедняк.
Миллион и Пятак.
Счастье — Беда.
Суша — Вода.
И лишь Муж и Жена —
Одна Сатана!!!

РОВЕСНИКУ

Уходит май, оставив дух сирени,
Уходит с ним ещё один наш год.
Всё чаще в снах приходят чьи-то тени.
Утрат всё больше. Жизнь своё берёт.
 Уходит май, как поезда уходят,
 С бравурным маршем унося весну.
 И мамы с жёнами страданием исходят,
 Своих мужчин, отправив на войну.
Но как бы дни и годы ни летели,
Живи по чести, друг, и трезво знай,
Что в этой сложной жизни карусели,
Ещё раз двадцать мы увидим май.

САДОВОД

Сегодня, своей жизни садовод,
Обрежу все ненужные отростки,
Себя очищу словно от коросты,
От негатива, что мне соки пьёт.

Горят больные веточки в огне
И почву пеплом щедро удобряют,
И я теперь отлично понимаю,
Как много сорного сидит ещё во мне.
Тревоги и сомнения — бурьян!
Полоть его я буду, что есть мочи.
И сны хорошие тогда увижу ночью,
И зарубцуется на сердце много ран.

ИДЁМ ВОЙНОЮ БРАТ НА БРАТА

Когда грустит в сторонке кто-то,
Когда ворчит на жизнь сосед,
«Да, если б мне твои заботы!» —
Частенько слышим мы во след.

Отлили сердце из нейлона,
Уже, — как клон, — есть и овца,
И расплодилось пустозвоны,
И сеем горе без конца.

Идём войною брат на брата,
Границ не ведает беда,
Планета стала тесновата,
В отраве суша и вода.

Прошу! Молю! О, Высший Разум!
Открой слепые нам глаза!
Весь мир накрылся медным тазом...
И душит горькая слеза...

ПРОЩАЛЬНЫЙ БАНКЕТ ПЕНСИОНЕРА

Банкет прошёл успешно, но уныло.
Гремела музыка, носился тамада,
И много слов. Слова те — как вода.
В душе скреблось и на сердечке ныло.
Теперь один среди подарков и цветов.
Букеты роз своим чаруют ароматом.
Родные спят давно. Вставать им рановато.
А мне сегодня, что-то не до снов.
Но я продолжу жизни свой банкет.
Наполню его пользой, созиданием.
Ведь я ж ещё не ветхое создание —
Хандре, тоске я заявляю «Нет!»

МАКИ

Маки вспыхнули в майских лугах,
Как сигнал, как знамение алое.
Наша жизнь лишь мгновение малое,
Не для траты в дешёвых делах.

Маки реют, как флаг полковой,
Жгут глаза, будто кровь патриотов,
Маки скрыли конструкции ДЗОТов
И склонились своей головой.

Спи спокойно, погибший Герой!
Не забудем твою мы Победу,
Не изменим отцам мы и дедам,
И в свой правый отправимся бой.

МОЯ СВОБОДА

Мне хорошо сегодня быть самим собою.
Не винтик, не деталька, не слуга,
Люблю друзей. И не люблю врага.
И не причислен я ни к трусу, ни к герою.

Сегодня рад своё суждение иметь,
Пускай, порой, жена его лишь слышит,
Но лучше, чем ходить под чьей то «крышей»
И с чьих то голосов лукаво петь.

Не абсолютно я свободен. Это факт.
Но совесть по ночам меня не гложет.
И коль случится хаму дать по роже,
То это будет справедливый, честный акт.

*Віра
Пальоха*

м. Керч
Віра Пальоха (Прядка) народилася в 1971 р. в селі Морозівка на Луганщині. Закінчила середню школу та Луганський Східноукраїнський державний університет, педагогічний інститут ім. Т. Шевченка, факультет української філології. Вірші пише з 11 років, друкувалася у Луганській пресі, також у збірці «Срібний голос та гостре перо». З 2003 року живе в Криму, видала дві збірки поезії: «Музика долі» та «Осені тиха вода». Член Спільки письменників Республіки Крим.

БІЛІ РУШНИКИ

Вишиває ненька білі рушники,
 Стеляться барвінком на ньому роки.
 Маки, квіти-мрії в колі червоніють,
 І волошки ніжно на полі синіють.
 Темно за віконцем — вечір догорає,
 Рушники барвисті мати вишиває:
 Сонячна калина красно засіяла,
 Ніби то дівчина з нею там стояла.
 Це колись і ненька була молодою,
 Та спливли літа вже тихо за водою.
 Вишиває долю синові квітками,
 Мережить, гаптує рівними рядками.
 Хай усе складеться в сина у житті,
 Хоч дороги будуть зовсім нелегкі.
 Вишиває ненька білі рушники,
 Стеляться барвінком на ньому роки...

МОЯ ЗЕМЛЯ

Дикий голуб сів на підвіконня
І постукав вранці в шибку сонну.
Приніс вісточку мені від тата.
У листі про яблуню питав він,
Ту, що посадили коло хаті:
 Листячком зеленим вже тремтить,
 В свічечках рожевих сад яснить,
 Віти-руки простяга до неба,
 Закохала сонечко у себе,
 Бо увагу і тепло їй треба.
Тато з сином яблуньку садив,
Рідний край він шанувати вчив.
Присипав дбайливою рукою
Добрим чорноземом ніжний корінь,
Щоб зростало дерево нівроку.
 Дякую, татусю, за науку
 І цілую мозолясті руки.
 Низько голову схиляю я
 Мудрості батьків. Тепер земля
 Лиш повік єдина моя!

СИНОВІ

Спи, мій малесенький, спи.
Любий!.. Рідненький!.. Засни.
Мрії спустіться на крилах,
Сина серпанком укрийте.
Казку йому розкажіть,
Спокій нічний бережіть.
Ходить дрімота тут сон цей,
Сипле зірками в віконце.
Спи, моє сонечко, спи.
Мила дитино, засни!

КРИНИЦЯ

Заскрипів журавель на обійсті
(Стільки літ мовчазливо стояв).
Не тремтіть осокори, не бійтесь,
Бо то вітер цямрину обняв.
Кричить чорною тишею пустка,
Заховавшись в густій кропиві:
Тож криницю до сонця не пустять
Ті дуби вже старі вікові.
Поклонись, перехожий, джерелу,
Відпочинь в прохолоді оцій.
Путь лежить у житті ще далекий.
Пам'ятай! Хрест у кожного свій.

ГІЛОЧКА ПОЛИНУ

Будить далекий спогад
Гілочка полину,
Ніби дитинство поряд,
Та маю вже сивину.
П'янить і досі душу
Гілочка полину.
Визнати роки мушу —
Не полечу в далину.
Дух степовий не забути
Й диво його дивину
Через літа відчути б
Запахи полину.

Елена

Шарова

г. Керчь

ПОЛЁТ СЛОВ

Настала ночь, и надо спать,
Но сон неуловим, как птицы.
Слова на чистые страницы
Слетаются потолковать.

Гипнотизёр и чародей,
Обыкновенный лист бумаги, —
Он выznaёт без всяких магий
Заветные мечты людей.

Всё можно росчерком пера
Ему доверить без утайки,
И в этой вот словесной стайке —
И слёз, и радостей игра.

ОТВЕТ ДУШИ

— Зачем стучать, когда тебя не ждут,
Тебе навстречу дверь не открывают,
Счастливым именем не называют
И рук тебе на плечи не кладут?
Что же велит тебе
Стучаться вновь?
— Надежда, Вера и Любовь!

МОЙ МИЛЫЙ

Куда ни гляну — всюду ты.
Там ты молчал, тут улыбнулся,
А здесь ко мне ты прикоснулся.
И столько боли и тоски
В прикосновении руки,
Твоей руки, мой милый.

Так было велено судьбой,
Ведь наша встреча не случайна.
Как радостна мне наша тайна!
И помнить буду я всегда
Твои усталые глаза,
Твои глаза, мой милый.

Ангелика

Яковлева

г. Керчь
 родилась в 1965 году в городе Керчи. Окончила дошкольное педагогическое училище, в дальнейшем ТНУ им. В.И. Вернадского по специальности юрист. Стихи писала в молодости, но с 2012г. занялась поэзией вплотную. Увлекалась поэзией М.И Цветаевой и А.А. Ахматовой, Артюра Рембо и Поля Верлен, Б.Л. Пастернака и А.А. Блока. В 2014г. на городском конкурсе «Крым, Отечество, Россия» была награждена дипломом третьей степени. С интересом участвую в литературно-поэтической жизни Крыма. В июне этого года состоялся конкурс «Казантип поэтический» в посёлке Щёлкино, где меня отметили очередной наградой. В сентябре посетила Феодосийский фестиваль «Алые паруса». В дальнейшем планирую издать сборник своих стихов

ОКТАБРЬ

Чудесная пора — начало октября,
 Осенний сад стоит, цветая,
 В своём великолепии царском,
 Его придворные красуются, блестя.
 В наряд венчальный облачились.
 Прекрасной юбки белая свеча,
 Ввысь листьев стрелы устремились,
 Стоит, вся величава, в отблесках луча.
 Пурпурный бархат лепестков
 Цветущей розы затмит
 Усеянное бисером соцветье очерков,
 И пёстрое разнообразие цветов.

И всё ж, она, царица-роза,
Собрала все окрасы на земле,
И каждый куст — творенье Бога,
Подаренный тебе и мне.
 Вуалью мускуса покрылись гроздья
 На винограда гнущейся лозе,
 И в каждой капле сока солнце,
 Вернётся к нам в искрящемся вине.
Дурмана граммофоны в час вечерний
Благоуханьем тонким опьянят,
Сапфирами горят кусты лаванды горной,
Их ароматы нежно усыпят.

РОЗА И ЕЛЬ

Мёрзлая зимняя, нежная роза
С веткою ели стоит в хрустале.
Пальцы исколоты, ноет заноза,
Он так любил дарить их тебе.

В сумрачном свете сотни иголок
Сотканы в саван седого тумана,
Льда охлаждающего мелкий осколок,
Розою сброшен со стройного стана.

Ель голубая с кремовой розой
Гармония мира, контраст-красота,
Так сочетается с колкостью, с прозой
Нежность сливочного лепестка.

НИКИТА**ХРИЗАНТЕМЫ**

Глубокой осенью, средь гор,
Где возвышаются реликтовые кедры,
Скалистый берег окинет взор,
Вдохнёшь пьянящий воздух щедрый.

В саду земном — «раю небесном»
Бал хризантем, смеющихся прелестно,
Под солнцем золотым в сиянии чудесном,
Цветок к цветку прижался тесно.

Божественны принцесс и королевы лица,
Придворных дам количество не счесть,
Нарядов ярких, пышных вереница,
Красавицам похвастаться чем есть.

Мадам Пинг-понг и баронесса Экор-рот,
Анастасия белая царственно плывёт,
Вот герцогиня Ами-полет идёт,
Уильям-стюарт меж дамами снуёт.

Их красота в веках не увядает,
В стихах, романах, музыке живёт,
Нам радость восхищения посылает,
И каждой осенью великолепием цветёт.

Та нежность, тонкость, мягкость лепестка,
Напоминает лёгкость птичьего пера,
Из разноцветных красок пёстрого цветка,
Поляна соткана — персидского ковра.

Собранье солнцеликих восхищает нас,
Есть красота такая в заоблачных мирах
Окончен бал, я покидаю вас,
С охапкой жёлтых хризантем в руках.

КАКТУСЫ

Спускаясь ниже, ниже к морю,
В палату кактусов войдём с тобою,
И, посещая сад смеющихся камней,
Присядем молча у свисающих ветвей.

В колючих фраках чопорные лорды,
Величием и строгостью притягивают нас,
Так холодно и неприступно горды,
Любуйтесь красотой, не отрывая глаз.

У тихой заводи полощет стебли
Осока стройная, на зеркале воды
Плавучих лилий спутанные дебри,
Раскинулись зелёные сады.

В иголках острых кактусов листья,
Из дальних мест они привезены,
Краснеют ярко крупные плоды,
Мы исполинами заморскими восхищены.

Замысловато скручены стволы у юкки,
А восковые колокольчики слепящей белизны,
Не издают в тиши звенящей звуки,
Смеются вечно в осколках валуны.

Валерия

Ширяева

г. Керчь
 родилась в г. Семипалатинске, школу
 окончила с серебряной медалью. Высшее
 образование получила на факультете пуш-
 ного звероводства Московской ветеринар-
 ной академии. 30 лет работала в Латвии,
 в Риге на руководящих должностях кожевенной промышленно-
 сти. В Керчи с 1995 г. Активный читатель и участник многих
 мероприятий в библиотеках города, в литературном клубе «Не
 хлебом единым» в библиотеке им. Горького.

* * *

Мы керчане, мы в центре событий,
 Мы вернулись в Россию, домой.
 Вы спросите меня, вы спросите —
 А возможен был выбор иной?
 Да, возможен. Но — страшное горе:
 Полегли бы крымчане в бою.
 Митридат бы смотрел через море
 На чужую Россию свою.

ШУТКА

Я поеду в Ялту,
 Да, поеду в Ялту,
 И в чудесной Ялте
 Буду отдыхать.
 Только я забыла,
 Да, совсем забыла,
 Было или не было,
 От чего устать.

* * *

Часы песочные не остановишь.
И лет осталось жить — наперечёт.
И каждый день ушедший не догонишь,
И каждый час поставлен на учёт.

НАСТРОЕНИЕ

Ах, какое море!
Ах, какое солнце!
Мне бы окунуться,
Мне бы загореть.
Мне б за белой птицей,
За свободной птицей,
Позабыв про землю,
В небо улететь.
Но земля ревнива,
От себя не пустит.
Только единицам
Ввысь взлететь дано.
Но и им, крылатым,
Суждено вернуться.
Суждено вернуться
В землю всё равно.

ЭСКИЗ К ПОРТРЕТУ

Изящна, грациозна кошка Фишка,
Сверкает белизной её манишка.
Таится много мыслей мудрых
В глазах огромных, изумрудных.

* * *

Л. К. Голубинскому

Темна вода в глазах незрячих,
Темна вода.
Но лотос и в воде стоячей
Цветёт всегда.
И жизнь обыденно-простая
Тебе претит.
И мысль, в стихах твоих витая,
Над ней парит.
Лежит собака у порога,
Здесь тишина...
Да, послан дар тебе от Бога,
И жизнь полна.
Темна беда, непобедима,
Темна вода.
Но светит взгляд жены любимой
Тебе всегда.

Елена Лучшева

г. Керчь
мать

Артем Фёдоров

(1981-2010)
сын

И

**ИЗ «ПЛАЧУЩЕЙ
ТЕТРАДИ»**

стихи матери, потерявшей
своего единственного 29-летнего сына

* * *

Красота спасёт мир, говорят.
И мой сын красотой спасался.
Словно был из семейства орлят —
По горам и лесам он скитался...
С рюкзаком за спиной,
Бородатый, худой,
Но с лицом просветлённым и ясным
Приходил он домой,
Мой сыночек родной,
Принося своей матери счастье.

СЫНУ

Как и ты, я люблю тишину,
Ощущаю её всей кожей.
Как же всё-таки мы с тобой...
Мы до боли, сынок, похожи!

Жизнь я трачу на суету,
На уютное место под небом.
С чем хорошим я к Богу приду?
И каким запасусь я ответом?

* * *

На тонком месяце сидишь
Пай-мальчиком,
Вниз свесил ножки ты, грозишь
Мне пальчиком:
«Зачем грустишь ты,
Мама-Леночка?
Зачем ты слёзы льёшь,
Плохая девочка?
Мне хорошо сейчас
На вольной волюшке,
Живу я здесь теперь,
Не зная горяшка.
Господь простил мне
Прегрешения,
Познал я сладкое
Души спасение...»

ДОЖДИК

Мелким дождиком небо заплакало, —
В унисон вместе с сердцем моим.
Моё горе — как скорбная статуя
Над гранитным надгробьем твоим.
Море рядом вздыхает и шепчется,
О тебе свою память хранит.
В тучах лучик луны словно мечется,
Освещая холодный гранит.

А МАМА ЖДЁТ...

А мама всё любит, а мама всё ждёт,
Надеется, верит — сыночек придёт!
Вернётся из странствий, бородатый, худой,
Такой непутёвый, любимый, родной!
Как прежде, рюкзак он снимает с плеча,
И мама скорей наливает борща.
Где был он так долго — расскажет потом,
И радость, и слёзы пойдут чередом.
Я буду на сына счастливо смотреть.
Для этого всё я готова терпеть!

КАК МАЛО Я ТЕБЯ ЛЮБИЛА...

Тебе здесь рано надоело.
Презрев земную суету,
Ты просто сбросил с себя тело
И устремился в высоту! —
Она давно тебя манила,
Ты здесь всего лишь погостил.
Как мало я тебя любила! —
Любила б больше — дольше б жил...

БЕРЕГИТЕ СВОИХ СЫНОВЕЙ

Берегите своих сыновей!
Не давайте им поскользнуться!
Ничего не бывает страшней,
Если к вам они вдруг не вернуться. —
Никогда не откроется дверь;
Не услышать заветное «мама»;
А сыночек в могиле теперь,
И на сердце кровавая рана...

* * *

Словно острый нож по сердцу —
Мне твои стихи, сынок.
Нет мне, матери, покоя:
Ведь как я — ты одинок.
В этом мире — только гости,
Наш приют на небесах.
Не поэтому ли грусти
Столько в Тёмкиных глазах?..
День за днём сердечно плачет.
Я скучаю по тебе.
Не справишь всё иначе —
Рана страшная в судьбе!..

стихи Артёма

* * *

Душа синее, превращаясь в строки,
В пороги правды упираясь рогом.
Будь я пророком — видел бы пороки
И вывел бы пороки — будь я Богом!

* * *

Жаль, я не знаю романсов плаксивых,
Стрёмно играю, пою некрасиво.
Есть у меня мои два аккорда,
Песня песне́й и небритая морда!
Чтобы вам стало чуть-чуть интересней,
Песня моя называется песней!
Всякие чтобы мне петь не мешали,
Я убежал, болтая клешами,
В рваный рюкзак положил два аккорда,
Песню песне́й, да небритую морду!

* * *

С поклоном к матушке земле
Пришёл просить прощенья,
Что предпочёл её дарам
Другие угощенья...
Росой заплакала земля,
Рассвет встречая со слезами,
С оврагов смотрит на меня
Тоскливо козьими глазами.

Её утру ногой босой,
Иду туда, где за холмами
Трава не скошена косой,
Где улицы с домами
Не выстроены нами. —
Иду унылый и больной...
Иду. Я сам себе конвой.

ЛЮБОВЬ

Разжигая в сердце веру,
Словно добрый великан,
Спрятал в тихую пещеру
Своё волшебный талисман.
Где укрыт — никто не знает,
А ответ у вас внутри —
Словно остров наш сияет
Талисман нашей любви.
На камнях расставив свечи,
Их лучиной разожгу,
И, тебя целуя в плечи,
Я костёр страстей зажгу.
Рада нам пещерка наша,
Тени пляшут по стене,
В очаге томится каша,
Страстно стонет в казане...

* * *

(его последнее стихотворение в предчувствие смерти)

Уняв фантазий диких приступ,
Я стал теперь как скальный выступ,
Восход светила ждать не стал,
Я просто жил и перестал.
Теперь замшелый пьедестал
Напомнит вам про это —
Как прошлой ночью я не спал
И корчил тут поэта...

2010 г.

Валентина

Ольховская

г. Керчь

*Преподаватель Керченского техникума
сферы обслуживания*

КРЫМ — НАША РОДИНА

Волны берег то бьют, то ласкают,
 Замок слился с утёсом крутым,
 Стайки чаек с криком летают —
 Это Родина наша — наш Крым!
 Горы крымские тайны скрывают,
 Степи спят под туманом седым,
 Корабли в порту отдыхают —
 Это Родина наша — наш Крым!
 Рыбаки снасти в море бросают,
 Воздух пахнет солёным, родным,
 Как невесты, сады расцветают —
 Это Родина наша — наш Крым!
 Нас двуглавый орёл охраняет,
 Он, на страже стоит часовым,
 Полуостров с Россией шагает —
 Это Родина наша — наш Крым!
 Караван облаков в небе тает,
 Исчезает вдали, словно дым.
 Лучше края нет! Не бывает —
 Это Родина наша — наш Крым!

ГОРОД ЮНОСТИ

Где город юности далёкой, беззаботной?
Когда в глухую ночь идёшь совсем одна,
И не страшишься тёмных подворотен,
И не пугает гулким эхом тишина.

Ночные тени причудливо колыхает,
Прохладный и солёный ветерок,
А город замер, и совсем не слышит,
Что кто-то бродит в неурочный срок.

Морской прибой песок в волнах качает,
Баркас на якоре близ берега стоит.
На крохотном причале огонёк мелькает —
А на скамье какой-то бесприютный спит.

Ночное небо с морем в поцелуе —
Ведь до рассвета ещё очень далеко —
Такая тишь вокруг, что всё ликует,
А на душе спокойно и легко.

Бежишь босая, сквозь уснувший город,
Всё мирно дремлет, дыханье притая,
Здесь каждый уголок и кустик дорог —
Ведь этот город — юность вся твоя!

ЖИТЬ БЕЗ ВОЙНЫ!

Наш благодарный и земной поклон,
Всем, кто за Родину отдали жизнь свою.
Пусть ужасы войны им не тревожат сон —
Навек им Слава и спокойствие в Раю!

Давно уж отгремел последний бой.
И о войне мы смотрим только фильмы,
Но наполняются глаза скупой слезой,
Что тем солдатам мы помочь бессильны!

Они прошли сквозь жернова войны
На волосок от смерти - сотни раз!
Их светлой памяти всегда будем верны —
Той, что дороже всяких пышных фраз.
 Вдаль унеслись невзгоды тяжких лет,
 Ушли в небытие почти уж все Герои —
 За них мы с гордостью несём Знамя Побед.
 И свято чтим своей страны устои!
Мир, в память павших, мы готовы отстоять —
Солдатский подвиг не свершён напрасно!
И во весь голос, не устанем повторять —
Жить без войны — ведь это так прекрасно!

ДО ЗЕМЛИ ТЕБЕ ПОКЛОНЮСЬ!

Первой учительнице...

Знаю я, буду помнить всегда —
Эту память ничем не измерить,
Как в ладонь мою руку взяла,
И вошла со мной в школьные двери.
 Рядом тихо я шла, чуть дыша,
 В новый мир — волшебный, другой,
 Как судьбу, твою руку держа,
 Что связала навеки с тобой!
Разве был кто красивей тебя?
За тобой я бежала в припрыжку,
И толкалась, поближе садясь,
Когда ты нам читала книжку...
 Лишь теперь с высоты своих лет,
 Я твои вспоминаю морщины,
 И усталый в окне силуэт,
 И в косе золотистой седины.

Но, а если, назло всем годам —
Твоё платье в толпе промелькнёт,
Я к тебе побегу, как тогда —
И от радости сердце замрёт!
И, как в детстве, вздох затая,
Я за руки твои возьмусь,
И нисколько слезы не стыдясь —
До земли я тебе поклонюсь!

ГОРОД — ЛЕГЕНДА

Город любимый, город родной —
Город-легенда, с судьбой боевой!
С воинской славой, звездой золотой,
Древняя Керчь — ты город Герой!
Ты не сгорел от снарядов огня,
Дым и пожары не спрятали дня.
Не пролилась зря солдатская кровь,
И из руин возродился ты вновь!
Гром канонады не слышен давно,
Ржавчиной стала в поле картечь.
Нам, здесь живущим, счастье дано —
Быть гражданином города Керчь!
Город любимый, сердцу родной —
Доблестный, славный — город-Герой!
Как же тебя не любить, не беречь —
Мудрая, гордая, вечная Керчь!

ЛАЗУРНАЯ ВОЛНА

Волна лазурная играет
С песком на жёлтом берегу,
То в глубину его бросает,
То мигом ловит на бегу.

То вдруг дельфина догоняет,
Нырнуть вдвоём хочет успеть,
То чайку белую качает,
Чтоб колыбельную ей спеть.
 Спешит за парусом вдогонку,
 Как будто хочет утопить,
 Чтоб в незнакомую сторонку
 Он никогда не смог уплыть!

А то, собрав все свои силы,
Фонтаном, в неба высь, плеснёт.
Быть может, там её ждёт милый
И звёзды с ним считать зовёт.
 Но вот волна угомонилась,
 На берег нежно прилегла ...
 В который раз, в него влюбилась
 И снова крепко обняла.

ГОВОРИЛ МНЕ ОТЕЦ...

*Нашим отцам, воинам
Великой Отечественной войны
посвящается...*

Говорил мне в детстве отец,
Ничего нет страшней, чем война!
Когда миру приходит конец —
Понимаешь, что жизнь лишь одна.
 Говорил он, войну вспоминая,
 Что на фронте надеждой живёшь.
 Каждый день, врага проклиная,
 За Победу сквозь пекло идёшь!
Ты бежишь под огнём и картечью,
Под шинелью, украдкой крестясь,
И простой, немолитвенной речью
Шепчешь: «Боже!» — с жизнью простясь.

На бегу, к прицелу склоняясь —
Ты кричишь: «Ненавистный гад,
Убивать тебя будем, не каюсь —
Ради жизни, не ради награды!»
 Ты желаешь врагу сто смертей,
 И клянёшься: «Ни шагу назад!»
 Вспоминаешь жену и детей,
 Материнский, прощальный взгляд.
После битвы, в крови весь и в саже,
Собираешь погибших в бою.
Тот, кто выжил, тихонько скажет:
«Бог услышал молитву мою!»
 Повторял мне в детстве отец,
 Ничего нет страшней, чем война,
 Когда миру приходит конец —
 Жизнь отдашь, хоть она лишь одна!

НЕ РОНЯЙТЕ СЕБЯ!

Не корите себя, если вас разлюбили,
Если вашу любовь не смогли оценить,
Если светлую душу в вас не открыли —
Не молитесь — сгоревшее не воскресить!
 Не зовите друзей тех, что вас позабыли,
 Что хотели когда-то, сильнее укусить.
 Вы давно для себя, уже твёрдо решили,
 Что быстрое доверие — не вернуть!
Не прощайте коварства, если предали,
И внутри всё кипит. Бессмысленно мстить.
Не теряйте себя, как они потеряли —
В сердце камень — очень тяжело хранить!
 Не стенайте в мольбах, если вдруг осознали,
 Кто был дорог тебе — никогда не придёт!
 Как пружина сожмись и не тлей от печали —
Путь, что был на двоих, трин-травой порастёт.

Не смиряйте себя, если вас раздавили,
И небрежно швырнули, как ломаный грош,
И с презрением двери пред вами закрыли —
Не склоняйся, уйди — и ты выход найдёшь!
 Не ропщите в слезах, если вас уронили,
 Чтоб достоинство ваше большее задеть —
 Поднимите себя, как бы вас не избили,
 Только так — вы сумеете всё одолеть!

БУДЬ...

Нельзя быть всё время успешной,
И доброй быть трудно для всех.
В такой круговерти кромешной —
То вниз, вдруг, а то, вдруг, успех!
 Нельзя быть всегда безупречной,
 Быть трудно любимой для всех.
 И в этой проблеме извечной
 Сплелись вместе радость и грех!
Непросто всегда быть красивой,
Счастливой всегда быть нельзя —
Подумают — стала спесивой,
Завидовать станут друзья!
 Немыслимо быть вечно юной,
 Но можно ведь быть молодой,
 И даже в сто лет, ночью лунной —
 Стихи слушать в неге ночной.
Как трудно всегда быть умной,
Всё взвешивать на пути.
Хоть каплю побыть бесшабашной —
Успеть нужно. Время летит!
 Куда-то спешим без оглядки,
 Забыв в жизни главную суть.
 А всё можно выразить кратко —
 «Нельзя — а ты просто будь!»

Юмор, пародии

Леонид

Панин

ЛЮБВИ ВЕЛИЧИЕ

Все меркнет пред величием любви...

Вошла любовь и сразу вдруг
Померкло все тотчас вокруг:
Потухло солнце. И планеты
Не излучают больше света.

Не видно отблесков зари,
И звезды больше не мерцают
И на проспектах фонари
Горят, но свет не излучают.

Любовь неожиданная пришла
И все величием затмила,
Чуть постояла и ушла,
А свет назад включить забыла...

МЕРЗОВОДОХНОВЕНЬЕ

*А я все люблю,
Даже грязь,
Слякоть и морозы,
Помноженные
На влажность...
Во всем этом
Столько жизни,
Оптимизма...
Сергей Москаленко*

Снегопады, бури, грозы
Ливни, ветры, наводнения
И январские морозы
Я люблю до одуренья!
 Когда пыль и слякотища
 Всё в округе покрывает,
 У меня в такой грязище
 Вдохновенье наступает!
Сколько сил и оптимизма
Грязь с собой заносит в нервы!
В грязных недрах организма
Зарождаются шедевры.
 Напишу стихотворенье
 И во влажности природы
 Размещу вокруг творенья
 Мерзопакостной погоды

НЕ ПОЭТИЧНО

*Не поэтично есть чеснок поэту...
Блицконкурс «Ночь поэзии»*

Не поэтично есть чеснок поэту...
И горькой водкой этот овощ запивать,
А то, ведь, осенью, зимой, весной и летом,
Во всей округе будет попросту... вонять!!!

С КОШКОЙ

*Что мне, —
С кошкой спать?
Кошку к сердцу прижимать?
Ну, зачем мне эта кошка?
Мне б с тобой... поспать немножко.
Елена Собко*

Почему-то спать со мною
Ты упорно не желаешь
И меня своей рукою
Ты во сне не прикрываешь.

Снова я с котом проспала,
С полосатым шалунишкой,
Что залез под одеяло
И всю ночь сопел под мышкой.

Что мне кот и что мне кошка
В тишине бессонной ночи?
Мне б с тобой поспать немножко
Полчаса или часочек...

Мысли вслух перелистаю,
Накоплю «зелёных» пачку,
Пару сотен отсчитаю
И куплю себе собачку.

Я не стану спать с котами,
И голубить сердцем кошку!
Буду я одна часами
Проводить с собачкой влѣжку!

ЗАПАХИ

*Тихий вечер. Пахнет хлебом
И сухим, горячим небом
С пряностью лугов.*

Виктор Запорожец

Тихий вечер наступает –
Хорошо в краю родном.
Все кругом благоухает
Ароматом и теплом.

Пахнет хлебом, пахнет летом,
В свежей утренней заре,
Пахнет общим туалетом
На унылом пустыре.

Пахнет клевером и мятом,
Пахнет пряностью лугов,
Пахнет тонким ароматом
И лепешками коров.

Ароматным дуновеньем
Эти запахи пьянят
И пахучим вдохновеньем
На поэзию манят.

Пьяный воздух я вдыхаю,
В строчку просится стишок,
Я дышу и обоняю
Еле слышный запахок.

Пахнет небо голубое,
Ароматен небосклон.
Что-то грустное, родное
До меня доносит он.

Грустный запах навивают
Не лосьоны, не духи –
Это, кажется, воняют
Мои тухлые стихи.

НЕ ТВОЯ

*Как палачово мне,
Как же мне плахово...
Изгильотинило всё,
Да измонахало...
Обрахмачарьилась.
Стаяла талия...
Та ли я стала я? —
И не твоя ли я?
Виктория Всесвит. Стихи.ру*

Как же мне рыдалово
И плахово!
Как мне головоотрубалово
И монахово!
 Всё зачетвертоватило
И задушевенело,
 Как всё охрениватило
И заповешенело!
Нет ни знакомого тебе фасада, —
Ни переда, ни зада,
Ни груди, ни талии,
И так далее, и так далее.
Изжарилась вся, истопилась я...
В неизвестно что превратилась я!
Сухая и тощая,
Не твоя, а общая...

ШТУКАТУРЫ

*Бригадир по стройке ходит хмурый,
материт сегодня всех подряд —
тёмной ночью трое штукатуров
штукатурный спёрли агрегат.*

М. Мошенков

Бригадир сегодня хмурый,
Кроет матом всех подряд —
Ночью спёрли штукатуру
Штукатурный агрегат.

И прораб, как туча хмурый,
Ходит сам себе не рад,
Потому что штукатуру,
Спёрли новый агрегат.

И начальник стройки хмурый —
Из-под глаз, насупив взгляд,
Проклинает штукатуров,
Умыкнувших агрегат.

Все с утра на стройке хмуры,
Матерятся и галдят,
И лишь только штукатуру
Никого не матерят.

В глубине архитектуры
Посреди оконных рам
Трое пьяных штукатуров
Не способны к матюкам.

Нет на стройке дисциплины —
В знойный час дневной поры
Под прикрытием матерщины
Спёрли краску маляры.

Как же тут не материться,
Если каждый раз в ночи
Кто-то тырит черепицу,
Алебастр и кирпичи.

Я проснусь сегодня рано
И тихонько, поутру
Из-под носа у охраны
Двухэтажный дом сопру!

НОСКИ И ТРУСЫ

*Стирать носки!?
Я лучше лук порежу...
Владимир Володин*

Когда носки свои стираю
Я через год, хотя бы раз,
То на лицо я одеваю
Трофейный свой противогаз.

Мне лучше резать лук в кусочки,
Чтоб слезы капали из глаз,
Чем постирать свои носочки
И задохнуться в тот же час.

А если вдруг ещё когда-то
Трусы придётся мне стирать,
Я буду вынужден, ребята,
Скафандр на тело одевать!

МОИ ЖИЛЬЦЫ

*Тихонько осень постучала
В окошко ливневым дождем...*

София Лит.

Ко мне в окошко осень постучала,
Зима, кряхтя, спустилась с чердака,
Весна дождём дыхнула из подвала
И лето пыхнуло жарой издалека.
Окошко в доме настезь я открыла,
Чердак от холода согрела огоньком,
Сырой подвал от влаги просушила
И остудила лето сквозняком.
Теперь зима с весной и осень с летом,
Не зная лиха, горестей и бед,
Живут со мною вместе в доме этом
Уж не один десяток долгих лет.

ИМЕНА НА ЗАБОРЕ

*«Лиры Боспора» – весёлые сборы,
Потоки тонны, любви и вина.
Но на заборах всемирной истории
Керченских авторов есть имена.*

Василий Нестеренко

На страницах всемирной истории,
Кто-то памятник «Лире» сострепал
И её имена на заборе
На досуге гвоздем нацарапал.

Я читал имена, удивляясь
Знаменитому автору века,
И пытался я, в перлы вгрызаясь,
Отыскать одного человека.

Но увы! На доске обелиска
Между строчек и между словами
Не нашел в нацарапанном списке
Я поэта под именем «Панин»

Но не стал от обиды я плакать
И лепить из себя скандалиста,
Видно, автор забыл нацарапать
На заборе досье пародиста.

Знать, ещё не пришла ко мне слава
И ещё не повисился рейтинг,
Чтобы выпить я смог на халяву,
Или что-нибудь втюхнуть в маркетинг.

Видно, статус мне надо обтяпать,
И на миг, оказавшись в зените,
Самому втихаря нацарапать
Своё имя гвоздем на граните.

Анна Чудновская

* * *

Л. Панину

Пародии всё пишет, пишет.
Он в них живёт. Он ими дышит.

Насыпать в кофе яд? Нет, как-то неудобно.
Я на коварство не способна.

Эх, задушила бы его,
Да не известно, кто кого:

Не Дездемона он, могуче тело,
А я, простите, не Отелло.

Предвижу роковой исход:
Получится Шекспир наоборот.

Людмила Десятова

* * *

Татьяне Левченко к 58-летию

*А я шагаю по земле,
Своим весомым ритмом
Вселяя души кораблей
В «разбитые корыта».*

Т. Левченко

Идёт Татьяна по земле
Торжественно, весомо,
А не летает на метле
И не ворчит из дома.
Идёт Татьяна и поёт,
Идёт, как Бог-создатель,
И щедро души раздаёт
Для плаванья по глади
Морей и рек. И вижу я:
Махнёт рукой Татьяна —
И подбегает вдруг струя
Воды из океана,
Подхватывает на бегу
И бочки, и корыта.
А я расстаться не могу
С корытом, что разбито.
Но вдохновенные слова
Татьяна излагает,
Что, мол, вот эти вот дрова
По морю погуляют,

Почувствуют себя ещё
Триерой иль буксиром.
И будет всем вам хорошо
В поющем синем мире.

Вам будет радостно излить
Стихи под парусами.

Вы сами будете рулить
И восхищаться сами!

Не все доверились словам,
Сравнив искусство с жизнью:
Коль первое дороже вам,
Плывите в коммунизм вы!

Я не прагматик, я — поэт
И жажду вдохновенья,
Что в море есть, на суше — нет,
По Таниному мнению.

И я поверила, сдалась
Божественной Татьяне!
В своём корыте подалась
В объятья океана.

Воздела руку, как крыло,
Рот для стихов открыла.
Ведь душу славного «Арго»
Татьяна мне вселила.

Плыву в корыте стоя я,
Как статуя свободы.
И вдруг — о боже! Ой-я-я,
Я погружаюсь в воду!

Эх, надо было быть умней!
Спасай корыто, Таня!
Зачем всучила душу мне
Ты корабля «Титаник»?!

Елена Лапченко

НОВОГОДНЕЕ

*Идем мы сквозь туман и тучи,
На рытвинах сбивая ноги.
Лишь временами солнца лучик
Осветит путь на той дороге.
...Где есть Конец и есть Начало
Где в детстве ласковая мать
Нас бережно в руках держала.
Боясь в дорогу отпускать.
...Но мы пошли...*

Сергей Молодцов

Но мы пошли, скупаем мясо, —
Случайно Лировцев встречая
На шашлычок, не скроем, сразу
Мы приглашаем всех к причалу.
Идем мы сквозь туман и тучи,
На рытвинах сбивая ноги.
Мы хворост стаскиваем в кучи
Его нам нужно очень много
Придаст огонь мангала силу
Осветит путь на той дороге
Едою торбы мы набили
Спиртного взял-таки Серега!
Когда пришли, тут ветра сила
Дождём накрыла и грозою
К себе обсохнуть пригласили, —
Друзья попёрли всей толпою!
Не зря же мать переживала
Боясь в дорогу отпустить!
Такую шумную ораву
Не так-то просто прокормить.

ВОСПИТАНИЕ ПО-КЕРЧЕНСКИ

Эдуарду и Людмиле Десятовым посвящается.

Однажды, (дело было летом),
Сошлись в лесу беспрецедентно
Семья писателей-поэтов
С толпою керченских студентов.
 Интеллигентнейшие уши
 Потомственных интеллигентов
 Впервые вынуждены слушать
 Ночные оргии студентов.
Из юных уст всю лето
Крутые матов виражи,
От этих матов покраснели
В округе, жившие бомжи
 Стал исправлять отец семейства
 Педагогический «косяк».
 Но после безуспешных действий
 Пыл воспитательский иссяк.
Статью разгромную в газете
Отец семейства разместил
О том, как развлекались «дети»
По мере разума и сил.
 Статью проректор, грозно хмурясь,
 Читал, а после выдал речь:
 Чтобы привить любовь к культуре,
 Студентов надо розгой сечь
Пороли долго и усердно,
Но не напрасен тяжкий труд:
Теперь с природою студенты
В святой гармонии живут.

СОДЕРЖАНИЕ*2015 - Год литературы в России*

Людмила Храмова	3
Лариса Алексеева	13
Светлана Бурова	14
Алексей Вдовенко	17
Владимир Володин	19
Фаина Дерий	20
Вера Коваль	21
Татьяна Левченко	23
Владимир Лось	26
Марина Молодцова	26

Проза

Елена Рабочая-Маринич	29
Антон Москатов	51
Елена Бондаренко	68
Василий Дудаков	90
Беба Цигельман	98
Кирилл Мазилов	110
Фаина Дерий	123

Поэзия

Лариса Алексеева	135
Светлана Бурова	142
Юлия Котлер	146
Константин Артёмин	151
Людмила Десятова	160
Борис Васильев-Пальм	165
Елена Лапченко	176
Владимир Лось	179
Елена Собко	185
Зарема Дадой	192
Айгуль Бухарбаева	201

Анна Тарасенко	205
Татьяна Анисимова.....	208
Лилия Олейник	213
Марина Збараг	218

Многогранники

Алексей Вдовенко	225
Татьяна Левченко.....	235
Сергей Молодцов	243
Марина Молодцова	256
Михаил Чудновский.....	265
Анна Чудновская	268
Александра Синеглазова	275
Андрей Синеглазов.....	277
Вера Коваль	279
Александра Фёдорова.....	291

Скрепки духовные

Лариса Алексеева	302
Алексей Вдовенко	306
Фаина Дерий.....	306
Анна Зинькова.....	308
Елена Лапченко	310
Татьяна Левченко.....	313

Поэзия бардов

Виктор Мамулат	316
Ольга Шапран.....	321
Василий Нестренко	325
Валентина Смашная	331

Лира молодая

Анастасия Протасовицкая	337
Анастасия Макарова.....	342
Максим Егоров	349
Полина Феденюк	355

Алексей Нарижный 357

Краеведение, публицистика

Татьяна Ищук..... 359

Владислав Миляновский..... 368

Ада Токарева 382

Наша гостиная

Ольга Беляева 394

Валерий Жукин 400

Иннокентий Медведев 403

Андрей Шталь 409

Людмила Хриптугова 413

Лидия Лазоренко 419

Владимир Зубко 425

Віра Пальоха..... 432

Елена Шарова 435

Анжелика Яковлева..... 437

Валерия Ширяева 442

Елена Лучшева 445

Артём Фёдоров..... 449

Валентина Ольховская 452

Юмор, пародии

Леонид Панин 472

Анна Чудновская 468

Людмила Десятова 469

Елена Лапченко 471

Литературно-художественное издание

Лира Боспора

Альманах

Выпуск XVI